

www.ifes-ras.ru/js

***ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ***
2017, №3

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 68910

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачёв С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В. (главный редактор), д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Белилина Е.В.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией)

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2017, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Катасонова Е.Л. Куросава Киёси: на грани мистики и реальности	4
Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия (Часть 1)	16
Ермакова Л.М. Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера	33
Добринская О.А. Сато Наотакэ: путь дипломата.....	51
Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Политические игры с благовониями: <i>даймё</i> Датэ Масамунэ и его увлечения изящными искусствами	68
Malashevskaya M.N. Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017).....	85
Научная жизнь	
Киреева А.А. IX ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония в эпоху великих трансформаций»	100
Книжная полка	
Коляда М.С. О книге «Повесть о братьях Сога. Сога моногатари»	105
Мещеряков А.Н. О книге «Собрание песка и камней»	112

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2017, N 3

CONTENTS

	P.
Katasonova E.L. On the Verge of Mysticism and Reality.....	4
Sarkisov K.O. Japan's Intervention in Siberia. Prelude (Part 1)	16
Ermakova L.M. Selected Letters from Orest Pletner's	33
Dobrinskaya O.A. Sato Naotake: the Way of a Diplomat.....	51
Voytishek E.E., Rechkalova A.A. Political games with incense: <i>daimyo</i> Date Masamune and his passion for Japanese traditional arts	68
Malashevskaya M.N. Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017).....	85
Academic Events	
Kireeva A.A. The 9th Annual International Conference of Association of Japanologists “Japan in the Epoch of Great Transformations”	100
Book Reviews	
Kolyada M.S. On the Narrative “The Tale of the Soga Brothers”	105
Meshcheryakov A.N. On the Book “Collection of Sand and Stones”	112

Куросава Киёси: на грани мистики и реальности

Е.Л. Катасонова

В статье рассматривается творчество Куросава Киёси – одного из наиболее талантливых и известных кинорежиссёров нового японского кино. И хотя он работает в самых разных жанрах, более всего прославился на поприще фильмов ужасов. Его фильмы – философские раздумья о положении человека в обществе. Они впечатляют своей постмодернистской трактовкой идентичности.

Ключевые слова: Куросава Киёси, японский фильм, фильм ужасов, «Исцеление», «Пульс», «Харизма».

По числу громких имён японское кино сегодня уже вполне может конкурировать с американским. Но если всё-таки попытаться найти центральную фигуру, без которой просто нельзя представить новую национальную кинематографию Японии, то среди первых претендентов на столь почётную роль, несомненно, будет назван Куросава Киёси. Он не связан узами родства с патриархом японского экрана Куросава Акира. Ему сейчас 62 года (родился 19 июля 1955 г. в г. Кобэ) и за долгие годы своей творческой деятельности он создал весьма впечатляющую фильмографию, поражающую не только количеством лент, но и жанровым разнообразием.

Куросава Киёси известен, в первую очередь, как режиссёр художественного кино – мастер ужасов и психологических триллеров, но с неменьшим успехом выступает и в качестве актёра, сценариста, монтажёра, работает на телевидении и снимает кино для домашнего видео. Многие его картины были представлены на самых престижных международных кинофестивалях – в Каннах, Берлине, Роттердаме, Венеции, Монреале, Владивостоке и т.д., а награды, полученные за них, составили солидный перечень: приз ФИПРЕССИ «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля 2001 г. («Спиритический сеанс» – «Корэй»), номинация на «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля 2003 г. («Яркое будущее» – «Акаруй мирай»), приз Жюри «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля 2008 г. («Токийская соната» – «Токё соната»), приз Азиатской киноакадемии 2009 г. за лучшую работу сценариста («Токийская соната»), победитель в номинации «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля 2015 г. как лучший режиссёр («Путешествие к берегу» – «Кисибэ-но таби»), номинация «Лучшая работа сценариста» Азиатской киноакадемии 2016 г. («Путешествие к берегу»), номинация «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля 2017 г. («Пока мы здесь» – «Санпо сурю синрякуся») и др.

А на родине одним из знаков признания его таланта стала так называемая Премия самурая, которой наградил Куросава в 2016 г. оргкомитет Токийского международного кинофестиваля. Эта премия вручается ветеранам кинематографа, продолжающим создавать новаторские фильмы и прокладывать путь к новой эре в кино. Она была учреждена в 2014 г., и с тех пор ежегодно в Токио отмечают одного отечественного и одного всемирно известного режиссёра. Примечательно, что в паре с Куросава Киёси в числе награждённых выступил Мартин Скорсезе. А ещё раньше лауреатами премии стали Джон Ву, Тим Бёртон, Ямада Ёдзи, Китано Такэси.

На Западе режиссёр громко заявил о себе достаточно поздно, на 43-м году жизни, когда в 1997 г. на Роттердамском кинофестивале был представлен его фильм «Исцеление» («Cure», 1997). К тому времени Куросава работал в большом кино уже 14 лет и считался одним из ведущих японских кинорежиссёров среди поколения кинематографистов конца 1970-х – начала 1980-х годов. Кино он увлёкся ещё в школьные годы, и даже начал снимать любительские фильмы на 8-миллиметровую плёнку. Однако в качестве будущей профессии выбрал социологию, поступив на учёбу в Токийский университет «Риккё». Но здесь неожиданное знакомство с профессором Хацуми Сигэхико, крупнейшим специалистом в области истории и теории кино, и посещение его лекций вновь вернули Куросава к детской мечте о кино.

Профессор Хацуми много рассказывал студентам о послевоенном американском кинематографе, особенно подробно останавливаясь на особенностях жанрового кино. «Я стал посещать лекции о кино совершенно случайно, но это стало определяющим событием для меня, – признавался Куросава. – Не встретив его в тот период, я бы никогда не стал кинорежиссёром, и мои представления о кино были бы совершенно другими. Он стал для меня ключевой фигурой. Трудно выразить в нескольких словах, каким было его влияние на меня, но он учил меня тому, что кино и занятие кино – это то, чему следует посвятить всю свою жизнь. И ещё он настаивал на том, и повторял это неоднократно, что в кино вы не можете передать того, что не способны увидеть сами. Это звучит столь очевидно, но любовь, мир, ненависть – столь абстрактные понятия не могут быть показаны в фильме. Конечно, это не значит, что вы не можете выразить их. Многие режиссёры попытались сделать это, используя своё мастерство, талант и помощь своей команды. Вы можете успешно выразить эти явления таким способом, но вы никогда не можете признать, что вы сделали это только посредством камеры. Я был впечатлён таким подходом» [1, 92–93].

Профессор Хацуми не только пробудил у Куросава огромный интерес к созданию фильмов, но и в значительной мере определил художественный метод будущего режиссёра и его индивидуальные кинематографические пристрастия. Куросава во многом разделял увлечение своего учителя такими американскими режиссёрами, работающими в жанре экшн, как Роберт Элдрич, Дон Сигел, Сэм Пекинпах и Ричард Флейшер, так же, как мастерами фильмов-ужасов – Тоба Хупера и Джона Карпентера. В то же время его привлекали европейские киномастера первого эшелона – Жан Люк Годар, Вин Вендерс и Эрик Ромер и др. Учась в институте, Куросава в свободное от занятий время продолжал создавать свои 8-миллиметровые короткометражки. И один из его ранних короткометражных фильмов «Школа» («Сигарами гакуэн»), снятый в стиле пародии на гангстерское кино (*якудза-эйга*) в 1981 г., был включён в программу фестиваля PIA Film Festival, который проводился с

целью поиска молодых талантов и оказания поддержки начинающим независимым режиссёрам. Награда позволила Куросава войти в мир профессионального кино. Его сразу же заметили в киносреде. Многие известные мастера, в том числе такие яркие режиссёры, независимые в своих суждениях и вкусах, как Хасэгава Кадзухико, Сомаи Синдзи и Такахаси Баннэй, стали приглашать его в качестве ассистента.

В 1980-е годы Куросава начинает самостоятельную творческую карьеру, снимая малобюджетные ленты популярных жанров *якудза-эйга* и *пинку-эйга* (эротики) в формате V-cinema, предназначенные для домашнего видео. Эти работы трудно отнести к «большому» кино, но другого пути в профессию для начинающего режиссёра в те годы практически не было. Его усилия были достаточно быстро вознаграждены: через три года он получает контракт от известной кинокомпании «Нikkaцу», специализировавшейся в те годы на съёмках фильмов в жанре романтического порно. Его дебютной лентой стала эротическая комедия «Войны Кандагава» («Кандагава инран сэнсо», 1983). В центре сюжета – жизнь двух озорных развратных девиц, которые по вечерам от нечего делать наблюдают в телескоп за происходящим в квартире, расположенной на другом берегу реки Канда. И к своему удивлению становятся свидетельницами сцен инцеста между матерью и сыном. Это даёт им повод начать атаку на своих соседей. Они объявляют матери войну и попутно пытаются спасти и просветить в сексуальных вопросах непутёвого отпрыска. И это становится их главным развлечением.

Естественно, подобный сюжет никак не отвечал эстетическим исканиям молодого режиссёра. И чтобы как-то разнообразить происходящее и оживить достаточно однообразное действие, Куросава позволил себе некоторые художественные отступления от сценария, сняв красивые виды природы, птиц и т.д., что отвлекало зрителей от сексуальных сцен. Эта вольность получила серьёзные нарекания со стороны руководства студии. Фильм прошёл в прокате практически незамеченным, кинокритика также молчала по поводу начинающего режиссёра, а студия вынуждена была смириться с недополученной прибылью. И, тем не менее, в «Нikkaцу» решили дать Куросава ещё один шанс «реабилитировать» себя, поручив съёмки ленты в том же жанре. «Студентки: постыдный семинар» («Дзёси дайсэй: хадзукасий дзэминару») – уже по названию можно судить, о чём картина и чего ждали от её создателей. Но надежды администрации кинокомпании вновь не оправдались. Творческая фантазия и «непослушание» режиссёра на этот раз проявились ещё сильнее. Дело дошло до того, что после завершения съёмок на студии решили не выпускать ленту в прокат, причём не по каким-либо художественным или цензурным соображениям, а вследствие того, что она вовсе не вписывалась в каноны заявленного ранее эротического жанра.

Тогда Куросава задумал выкупить отснятую плёнку у «Нikkaцу» и обратился за финансовой помощью к одной из независимых кинокомпаний, в руководстве которой оказались его недавние работодатели Хасэгава Кадзухико и Такахаси Баннэй. Ему пошли навстречу, и в результате режиссёр получил возможность ещё раз хорошенько поработать над картиной. Он смонтировал фильм практически заново, изрядно сократил отдельные части и представил их в совершенно иной редакции, изменив даже название ленты на «Возбуждение девушки до-ре-ми-фа» («Дорэмифа мусумэ-но ти ва савагу», 1985). В результате фильм стал больше походить на работы Годара, чем на романтическое порно «Нikkaцу».

В ответ на это руководство студии закатило громкий скандал, возможно, даже посильнее того, что случился за 15 лет до этого с Судзуки Сэйдзюн. Но на сей раз обвинённый во всех мыслимых и немыслимых грехах, Куросава понёс куда более серьёзное наказание, чем его знаменитый предшественник. Слухи о провале картин и профессиональной несостоятельности молодого режиссёра, ловко сфабрикованные в «Нikkaцу», вскоре стали достоянием всех ведущих кинокомпаний Японии, уготовив Куросава роль изгоя в японской киноиндустрии.

Почти четыре года после этого досадного и громкого инцидента Куросава вынужден был находиться в своеобразной творческой ссылке. Но обидный продолжительный творческий перерыв не обернулся профессиональным простоем в режиссёрской судьбе Куросава. Он не ушёл в бездействие, а все эти годы готовил себя к переходу на новую кинематографическую стезю, изучая творчество крупнейших режиссёров в области жанрового кино. Одновременно с этим, уже имея за плечами немалый режиссёрский опыт и пусть немного подмоченную скандалом, но в целом неплохую кинематографическую репутацию, он возвращается в университет и, по примеру своего наставника – профессора Хасуми, начинает читать цикл лекций о кино. И его слова, обращённые к новому поколению студентов, возымели не меньшее влияние, чем то, что когда-то оказал на самого Куросава любимый преподаватель, определив его выбор профессии. Так возник кружок учеников Хасуми – поклонников таланта профессора, среди которых можно назвать имена, определившие лицо японского кино 1990-х годов – Аояма Синдзи, Синодзаки Макото, Сиота Акихико, Суо Масаюки и др. А с весны 2005 г. режиссёр начинает преподавание в аспирантуре Школы кинематографии и новых средств информации при Токийском национальном университете изобразительного искусства и музыки. Забегая вперёд, следует сказать, что Куросава является также автором ряда книг, в том числе «Обаяние изображений» («Эйдзо-но карисума», 1992), «Фильм как ужас» («Эйга ва осоросий», 2001), «Киноискусство Куросава Киёси» («Куросава Киёси-но эйгадзюцу», 2006), «Разговор о фильмах 21-го века» («Нидзю ити сэйки-но эйга о катару», 2011).

Мне уже приходилось писать о том, что в конце 1970-х – начале 1980-х годов многие солидные и уважаемые киномастера (особенно на «Нikkaцу») были вынуждены переквалифицироваться в авторов *пинку-эйга* и снимать эротическое кино. Однако к 1990-м годам наметился обратный процесс: из глубин *пинку-эйга*, а то и вовсе видео для взрослых (*adult video*), вышли постановщики, со временем не просто обосновавшиеся в мейнстримном и фестивальном кино, но и ставшие ключевыми фигурами в японском кинематографе. Куросава Киёси один из них: он прошёл именно этот путь. В начале 1990-х Куросава, уже имея за плечами почти десятилетний опыт работы в кино, стал стипендиатом американского института «Санденс» (Sundance), где продолжил свое кинематографическое образование. А вернувшись из США, в 1997 г. решил вновь попробовать себя в режиссуре, поставив один за другим два триллера – «Тропа змеи» («Хэби-но мити») и «Глаза паука» («Кумо-но хитоми»). Эти ленты с совершенно непохожими сюжетами объединяет один и тот же исходный посыл: отец мстит за убийство своего ребёнка, а исполнитель главных ролей – известный актер Аикава Сё. Но эти работы не стали большой сенсацией в мире кино. Мировую известность режиссёру принесла его другая работа 1997 г. – мистический криминальный триллер «Исцеление» («Cure»), рассказывающий о серии загадочных убийств.

Картина в своё время буквально взбудоражила прессу международных кинофестивалей в Торонто, Роттердаме и Сан-Франциско, где она с успехом демонстрировалась ещё до выхода на большой экран. А уже через два года, в 1999-м, три следующие работы режиссёра предстали в конкурсных показах самых престижных международных кинофорумов. В феврале 1999 г. – семейная драма «Лицензия на жизнь» («Нингэн гокаку») была показана в Берлине, в мае в Каннах увидели его «Харизму» («Карисума»), и в сентябре в Каннах демонстрировалась лента «Бесплодные иллюзии» («Оинару гэнъэй»). В том же году в Торонто, Эдинбурге и Гонконге был организован ретроспективный мини-показ работ режиссёра. А спустя ещё два года, в 2001 г., последовала очередная награда в Каннах – приз ФИПРЕССИ «Особый взгляд» за фильм «Спиритический сеанс». Столь молниеносную мировую славу испытал, наверное, лишь Китано Такэси.

Однако этот несомненный успех режиссёра вовсе не означал, что все единодушно и сразу же приняли его необычные работы. Некоторым критикам ленты Куросава показались чрезмерно затянутыми, меланхоличными и мрачными – уж слишком много крови, другие называют их гипнотическими. Говорят, что когда в прессе в очередной раз обвинили Куросава в чрезмерной жестокости и прямо написали о его фильме как о «разрушающем ценности японского общества», режиссёр обратился за моральной поддержкой к своему наставнику, прославленному мастеру Фукасаку. И тот с презрением ответил: «Жалкие получают ценности, если их можно разрушить одним фильмом» [2].

Смею предположить, что речь шла о ставшем сегодня культовым фильме «Исцеление». Его сюжет весьма необычен. В Токио происходит череда зверских и загадочных убийств: то в гостинице находят изуродованный труп женщины, то любящий муж выбрасывает жену из окна и т.д. Как выясняется, эти злодеяния совершают три человека, не знакомые друг с другом, но их объединяет одно: они убили близких и знакомых, причём почерк убийц одинаковый – расплосованное горло с Х-образным разрезом на шее. За дело берутся детектив Такабэ, которого играет знаменитый актёр Якусё Кодзи, и психиатр Сакума. У полицейского кроме служебного интереса к психиатрии имеется и личный, потому что его жена страдает провалами памяти. Вскоре они выходят на след талантливого гипнотизёра Мамия Кунио, который играет до поры неясную, но очевидно зловещую роль в парадоксальной серии убийств. Остаётся только выяснить, кто он такой и какую роль в убийствах играет, понять его мотивы. Впрочем, как постепенно выясняется, эти убийства являются плодом собственных бессознательных желаний самих людей, решившихся на это страшное преступление. А гипнотизёр подстрекает их к убийству, которое выглядит как исцеление. Полицейский напрасно пытается бороться с экстрасенсом-мессией, полагаясь на волю и ясность рассудка. Ведь безумие подстерегает его с тыла: его тихая и улыбчивая жена постепенно сходит с ума. Вся эта мистическая история погружена в мир достоверный – мир тихого безумия малогабаритных квартир и спальных районов.

Фильм как бы распадается на две части. Первая – стандартный детектив с мрачными убийствами, занятой интригой и полицейским расследованием. Но в момент, когда Такабэ встречает таинственного свидетеля, в пространстве фильма что-то меняется, на поверхность выплывает какое-то экзистенциальное зло, проникающее в сознание, уничтожающее всё хорошее и оставляя после себя равнодушие и безысходность. И главный вопрос, который

невольно встаёт перед зрителем – не когда и каким образом полицейский инспектор уличит в содеянном загадочного Мамия. Режиссёр стремится найти разгадку проблемы: почему обычные благовоспитанные, благополучные, а временами даже благородные люди так легко соглашаются убивать. Куросава далёк от морализаторства: он не даёт рецепта исцеления от этого страшного человеческого порока, но своим фильмом заставляет каждого задуматься над вопросом: кто ты есть?

Этот и другие важные проблемы человеческого бытия становятся стержневыми в творчестве Куросава, объединяя в своеобразную трилогию и два других его этапных фильма – «Харизма» («Карисума», 1999) и «Пульс» («Кайро», 2001). Их часто называют своеобразным продолжением «Исцеления», хотя сюжеты этих лент внешне не имеют ничего общего с предыдущей работой. Фильм «Харизма» во многом аллегоричен. Его события развиваются вдали от шумного Токио в густо заросшем буковыми деревьями загадочном лесу, где один за другим засыхают и падают наземь буки. И вот посреди леса возникает пустынная поляна, в центре которой продолжает бороться за жизнь единственное чахлое кривое дерево без листвы, с тонкими веточками на облупленном стволе, которому придумали имя Харизма. Именно оно становится яблоком раздора между живущими неподалеку группами людей.

А в эпицентре событий оказывается бывший полицейский Ябукэ (в исполнении Якусё Кодзи). Ещё в прологе фильма мы узнаём, что он в своё время был уволен со службы, нарушив инструкцию и не решившись застрелить террориста, захватившего заложника. Ведь тот требовал не что иное, как установить справедливость во всём мире. Но всё заканчивается гибелью и захватчика, и его жертвы. Лишился работы и сам Ябукэ, и, тяжело переживая случившееся, стремится найти успокоение от неурядиц жизни в тихом лесу. Но вместо ожидаемого покоя он, как и в случае с террористом, оказывается перед сложным жизненным выбором. Правда, теперь речь идёт о спасении или дерева, или леса. Конечно же, это – метафора. И герой приходит к единственно верному, но неисполнимому решению, призывая сохранить жизнь и тому, и другому. И когда дерево все же уничтожают, он своей волей назначает новую Харизму – огромный обугленный ствол, на котором начинает прорастать хрупкий зеленый росток. Впрочем, дело не только в этом символе жизни. «Ты сам и есть Харизма», – говорит бывшему полицейскому один из персонажей.

Фильм – своеобразная притча и предполагает сразу несколько толкований. Речь может идти и о конфликте между интересами общества и индивидуума, что так характерно для современного общества, и о столкновении героев с фатальной властью неведомых сил и т.д. Но кроме философской составляющей в фильм гармонично вплетены элементы триллера и ужасов, что делает жанровую принадлежность ленты более сложной, чем просто драма. В тёмном лесу происходят мистические события и неожиданные убийства. Жуткая тишина леса, чередующаяся с тревожным музыкальным сопровождением, нагнетающим ужас, пугающие признаки сумасшествия, время от время проскальзывающие в глазах героев, их голоса, пронизанные какой-то страшной тайной, и т.д. В общем, следует сказать, что после ленты «Харизма» окончательно выкристаллизовалась склонность Куросава к апокалипсическим образам и темам духовной изоляции людей.

Ещё одна вариация на тему апокалипсиса – это фильм «Пульс». Он повествует о пагубных воздействиях на человека новых технологий. В центре разворачивающихся событий оказывается парочка молодых людей и близкий им круг друзей и знакомых. Они пройдут все стадии: от непонимания и попыток списать всё на происки Интернета до паники и бегства на край света. А начинается с того, что однажды в Токио стали пропадать люди. Город охватывает эпидемия иррациональных самоубийств. Причиной тому служит уникальная компьютерная программа, облегчающая общение с мёртвыми душами и по сути дела открывающая доступ к потустороннему миру через Интернет. А оттуда в реальный мир проникают призраки, высасывающие из пользователей компьютерной сети волю к жизни. Для Куросава, как, впрочем, и для другого мастера нагнетания страхов – Наката Хидэо, не так важен сам ужас происходящего, как гуманистическая составляющая: мертвецы у него решают забрать себе города после того, как живые совершенно самостоятельно утратили волю к жизни, доверив свои души средствам связи и став бледно мерцающими диодами во всемирном электрическом контуре. Кстати говоря, в прямом переводе на русский японское название фильма «кайро» означает именно «контур».

Содержание фильма трудно пересказать в деталях, поскольку Куросава в большей степени сосредотачивает внимание зрителей не на сюжете, а на передаче бессознательных страхов, с лёгкостью ломая привычные представления о смерти, о конце света и т.д. Самое главное для него – показать проблему отчуждённости людей в современном обществе, переполненном технологиями, которые негативно влияют на нас, «зомбируют» и делают похожими на призраков, существующих каждый в своём маленьком замкнутом мирке. Это – кино, которое заставляет думать и переживать, что становится очевидным при сопоставлении картины Куросава с его американским ремейком (2006 г.) с тем же названием. Сама идея адаптации этой истории для американских зрителей первоначально принадлежала известному режиссеру У. Крэйвену, создателю знаменитого фильма «Кошмар на улице Вязов». Правда, американскому создателю ужасов японская лента сразу же показалась артхаусной. И он предложил сделать её популярный вариант с угрюмыми хищно рычащими призраками и т.д., отвергнув саму суть. Ведь «Пульс» Куросава – это не о том, как Интернет стал порталом в ад, а пронзительная история смертельного одиночества человека в большом городе.

Практически эту же тему человеческой разобщённости и изоляции в современном мире продолжают и вышедшие вслед за «Пульсом» работы Куросава – драма «Светлое будущее» («Акаруй мирай», 2003), вобравшая в себя элементы чёрной комедии, фильм ужасов «Двойник» («Доппэругэнга», 2003) и мистические триллеры «Чердак» («Рофутто», 2005), «Крики» («Сакэби», 2006) и др. Они окончательно закрепили за Куросавой имя законодателя новой волны в жанре хоррор с применением гипнотических и апокалипсических образов. Но слава мастера одного жанра уже вскоре вызвала у талантливого кинематографиста законный протест и желание сменить амплуа. «Я снял множество ужасов, но хотел бы снимать также и другие вещи, – сообщил режиссёр в интервью агентству Рейтер. – Я не хотел бы, чтобы меня рассматривали как специалиста только в этом жанре» [3].

Наверное, этот аргумент стал определяющим для Куросава, когда он приступал к съёмкам бытовой драмы «Токийская соната» (2008), принесшей ему очередную награду

Каннского кинофестиваля. По признанию самого режиссёра, он очень волновался, как местная аудитория отнесётся к его смене направления. «Прежде я неоднократно показывал свои фильмы в Каннах, – сказал он. – Но с «Токийской сонатой» я почувствовал, что зрители действительно оценили фильм, и он им понравился. Они не рассматривали его как что-то фантастическое или исключительно японское, они как бы установили контакт с фильмом, найдя в нём что-то своё» [3].

Картина рассказывает о том, что происходит с семьёй, когда рушится привычный образ жизни. Взрослого мужчину неожиданно увольняют с престижной работы, но он боится признаться в этом членам своей семьи, поскольку тогда пострадает его репутация как главы семейства. Неожиданно на площади, где кормят бедных, он встречает своего безработного товарища, который делится с ним своим опытом выживания, но сам в конечном итоге не выдерживает тяжёлых испытаний и совершает самоубийство, как и его жена. Эти смерти подтолкнули героя к действию. Он устраивается уборщиком в торговый центр, но тщательно скрывает это от своей семьи, всё глубже погружаясь в бездну лжи и притворства и болезненно переживая своё моральное и социальное падение. Однако жена вскоре начинает подозревать что-то неладное, происходящее с главой семейства, диктат которого в семье доходит до предела, разрушая привычные отношения между домочадцами.

Младший сын мечтает играть на пианино, но отец отказывает ему в этой просьбе, не имея возможности оплачивать занятия. Стоящий на распутье жизненного пути старший сын уходит служить в американскую армию, несмотря на протест отца. Супруга, чувствуя трещину в семейных отношениях, безуспешно пытается загасить эти конфликты и, не зная истинной причины происходящего, ещё больше обостряет раскол в семье. По сюжету на долю каждого из героев картины выпадает серьёзный и болезненный выбор, вынуждающий отступить от старых правил и принять новые, которые диктует переменчивая жизнь. И всё-таки Куросава оставляет свет в конце тоннеля своим персонажам. Вселяющим надежду завершением звучит соната Дебюсси. И это тоже весьма символично, не случайно фильм смонтирован в соответствии с композиционными приёмами сонаты.

Совершенно очевидна социальная направленность ленты – мир маленького человека, не раз описанного в мировой литературе. Эта история могла случиться с кем угодно и где угодно, без привязки к определённому месту. Но снятая японским режиссёром, она пропитана японскими реалиями и колоритом. «Токийская соната» интересна, прежде всего, взглядом изнутри на разрушение жёсткой патриархальной системы, объединяющей японское общество, на девальвацию моральных ценностей, которые традиционно ассоциируются с японской культурой, – стыд, закрытость, почитание родителей и т.д.

Конечно же, у многих зрителей эта лента вызвала прямую ассоциацию с прославленным фильмом Одзу Ясудзиро «Токийская повесть» («Токё моногатари», 1953), также рассказывающим о разрушении патриархальных традиций японской семьи. Он уже давно вошёл в золотой фонд мирового кино, не потеряв своей актуальности и в наши дни. Но Куросава, напротив, сознательно старался избежать этого сравнения. «Фактически меня можно назвать бешеным фанатом Одзу, и думаю, что даже мои фильмы ужасов сняты под его влиянием, – говорит Куросава. – Но я никогда не подражал ему. На самом деле я столько

лет провёл, пытаюсь избежать Одзу, что до сих пор спрашиваю себя, как получилось так, что рассказ и даже название последовали ему» [3].

Но сравнение с Одзу, пожалуй, так и закончилось на «Токийской сонате», поскольку Куросава после успешного показа этой картины решил ещё раз сменить направление своего творчества. Когда его спросили о следующем проекте, он чётко заявил: «Это будет не фильм ужасов и не внутренняя драма... Я снова хочу сделать что-то другое» [3]. Трудно сказать, что тогда имел в виду этот известный мастер, но в 2012 г. Куросава неожиданно приходит на телевидение, где сразу же приступает к съёмкам сериала «Искушение» («Сёкудзай»). И этот творческий выбор не мог не удивить японский киномир, который не переставал строить догадки по поводу столь неожиданного поворота в его режиссёрской карьере: многим казалось тогда, что имя Куросава Киёси никак не увязывалось с таким низкопробным жанром, каким долгое время считался телесериал. Но к тому времени своеобразный бум, мода на телевизионные фильмы с бесконечным продолжением уже охватила многие страны, и даже такие известные режиссёры, как Скорсезе, Хейнс и другие, отбросив былые предубеждения, стали снимать ленты по заказу крупных телеканалов, а голливудские звёзды всё чаще появляться на голубых экранах. Япония в этом отношении не стала исключением.

Поработав на телевидении, Куросава вновь возвращается в кино, и в 2013 г. выпускает два совершенно не схожих между собой фильма – как по жанру, так и по стилистике. Один из них – фантастическая драма с экзотичным и малопонятным названием «Реальность: Идеальный день для плезиозавра» («Риару: Кандзэн-нару кубинагарю-но хи»). Не менее надуманным и условным выглядит и сюжет ленты, в основу которой лёг одноимённый роман Инуи Рокуро о девушке – художнице манга Ацуми, находящейся в коме после попытки самоубийства, и враче-нейрохирурге, который пытается проникнуть в её подсознание при помощи новых технологий.

Вторая, не менее экстравагантная картина – «Седьмой код» («Сэбунсю кодо»), которая примечательна, пожалуй, лишь тем, что основная часть съёмок прошла во Владивостоке, куда Куросава не раз приезжал для участия в кинофестивале «Меридианы Тихого» с показами своих фильмов. Причём режиссёр перенёс действие своей картины в мрачную атмосферу начала 1990-х годов, не пожалев для этого чёрных красок: на экране появляются то расписанные граффити старые стены домов, то убогие ресторанчики, то разбитые улицы, и всюду – разруха и преступность.

А в остальном события картины развиваются по канонам типичного гангстерского фильма. Правда, в отличие от массовой продукции этого жанра, здесь использован необычайно закрученный сюжет и экзотичные отсылки к миру русской мафии и восточным боевым искусствам. Это – достаточно неправдоподобная и странная история о японке, которая едет в нашу страну вслед за своим возлюбленным и оказывается в руках бандитов – его партнёров по криминальному бизнесу. А затем, спасаясь от них, да и от него тоже, побеждает всех. И не только побеждает, но и получает в свои руки дорогое устройство от ядерной бомбы, которое за большие деньги продаёт российскому политику (вернее, по его просьбе уничтожает его). А затем с большими деньгами спешит уехать в Москву, хватая на трассе первый попавшийся грузовик, почему-то груженный динамитом и направляющийся в Хабаровск. Потом вдруг раздаётся взрыв, а далее – неизвестность.

Вот такая странная история, после которой остаётся лишь лёгкое разочарование и искреннее удивление: такой известный мастер, как Куросава, обратился к созданию столь легковесного криминального триллера. Удивляет и то, что сценарий фильма Куросава писал специально в расчёте на певицу Маэда Ацуко, поп-идола, бывшую солистку популярной женской группы АКБ-48. Возможно, этим многое объясняется, прежде всего, характер фильма, балансирующего на грани китча и напоминающего трагикомедию, вернее, пародию на американские фильмы о русских. А, может быть, эта картина и задумывалась как пародия или сатира? Или она – просто киношутка известного мастера, который в кои-то веки позволил себе посмеяться и даже немного подтрунить над своим зрителем?..

Наверное, самый успешный фильм Куросава последних лет – это «Путешествие по побережью» (2015), который удостоился приза за лучшую режиссуру в программе «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля и приза ФИПРЕССИ. А уже в следующем году в параллельных программах Берлинского кинофестиваля прошла громкая премьера его очередной работы – полнометражной картины «Жуткий» («Курипи: Ицувари-но риндзин», 2016). В её основу была положена одноимённая новелла японского писателя Маэкава Ютака, а сценарий, по обыкновению, написал сам Куросава, вдохновившись лучшими голливудскими образцами нуаров 1980–1990 гг. Название фильма оправдывает себя: действительно жутковатый детективный психотриллер, который местами просто шокирует откровенностью и жестокими сценами. По обилию экранного насилия, особенно во второй половине картины, её часто сравнивают с лентой Миикэ Такаси «Кинопроба». И, тем не менее, фильм «Жуткий» считается одной из лучших работ Куросава. По версии «Ленты.ру», он входит в число лучших фильмов прошлого года [4].

2016 год оказался весьма плодотворным в творчестве Куросава. Кроме картины «Жуткий», он принял участие в нескольких международных проектах. Речь идёт о мелодраме в стиле фэнтези – «Женщина на серебряной пластине» («The Woman in the Silver Plate», 2016), впервые показанной в Каннах в 2016 г. Это – совместный фильм с участием Японии, Франции и Бельгии, расширивший международные горизонты творчества Куросава. Режиссёр впервые снимал фильм за рубежом – во Франции и на иностранном языке, позволив себе вновь вернуться к своему излюбленному жанру ужасов и соединив японские и европейские истории о призраках. Те же страны представили и следующую работу японского режиссёра – «Дагерротип» («Дагэрэотайпу-но онна», 2016). Это история о старомодном фотографe-вдовце, живущим вместе с дочерью и своей единственной моделью Мари. Но когда в их дом войдёт новый ассистент, то, влюбившись, он попытается вытащить девушку из этого мрачного и пугающего мира, где размыта грань между реальностью и фото-иллюзией.

В том же 2016 г. японский режиссёр принял участие ещё в одном громком международном проекте, посвящённом Альфреду Хичкоку. Это – документальный фильм программного директора Нью-Йоркского кинофестиваля Кента Джонса под названием «Хичкок/Трюффо», премьера которого состоялась на Каннском кинофестивале, где картина была номинирована на премию «Золотой глаз». Поводом для создания фильма стал 50-летний юбилей выхода в свет книги с интервью, взятых известным французским режиссёром Франсуа Трюффо у великого Альфреда Хичкока, которая, как принято считать,

стала культовой и изменила историю мирового кинематографа. А в наше время мысли и слова, высказанные тогда великим мастером саспенса, обсуждают и переосмысливают великие режиссёры современности и рассказывают, какое влияние на них и их работы оказала эта книга. Одним из кинематографических гуру выступает и Куросава Киёси, который своё отношение к этому событию сформулировал так: «Для меня это – Библия. Но я запрещаю себе опираться на неё» [5]. И в этом, возможно, ключ к разгадке загадочного и не всегда до конца понятного творчества Куросава Киёси.

Как и многие другие кинематографисты, Куросава, конечно же, мечтает поработать в Голливуде, считая эту возможность хорошим шансом донести свои работы до широкой международной аудитории, но при этом всегда отстаивая своё право на свободу творчества. «Если бы у меня была возможность, я хотел бы попробовать работать за рубежом, даже в Голливуде. Но я хочу делать фильмы по-своему. Если это оценит зарубежная аудитория, я хотел бы этим заняться», – сказал он [3].

Ну, а пока режиссёр продолжает работать в основном у себя на родине, создавая по несколько картин в год. Последней на данный момент работой в его обширной фильмографии стала лента «Пока мы здесь» («Сампо суру синрякуся»), которая была представлена в Каннах в 2017 г. в программе «Особый взгляд». Это – фантастика о вторжении на Землю инопланетян, которые вселяются в человеческие тела. Вот так Куросава стремительно расширяет границы своего творчества, дерзко погружаясь в проблемы космоса и инопланетян. Вполне возможно, что мир человеческого подсознания уже познан им и культовый японский режиссёр устремился к освоению тайн иных миров. А что потом? Наверно, надо лишь немного подождать...

Библиографический список

1. Mes T. Midnight Eye Guide to New Japanese Film. California, 2005.
2. Денисов И. Победитель в королевской битве (к 80-летию Киндзи Фукасаку). URL: <http://www.cinematheque.ru/post/143228/> (дата обращения: 13.06.2017).
3. Смена творческого направления японского гуру ужасов дает плоды. Перевод статьи Isabel Reynolds для Reuters. 28.08.2008. URL: <http://news.leit.ru/archives/2556> (дата обращения: 13.06.2017).
4. Главные премьеры 70-го каннского фестиваля. URL: <http://www.freecity.lv/kultura/41940/> (дата обращения: 13.06.2017).
5. Цыркун Н. Хичкок, Трюффо и Гомер Симпсон // Искусство кино. 05.16. URL: <http://kinoart.ru/blogs/khichkok-tryuffo-i-gomer-simpson> (дата обращения: 13.06.2017).

Поступила в редакцию 13.06.2017

Автор:

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: katasonova@rambler.ru

On the Verge of Mysticism and Reality

E.L. Katasonova

The article examines the basic features of the films of Kurosawa Kiyoshi, one of the most talented and famous filmmakers of new Japanese cinema. Although he has been working in a variety of genres, he is best known for his contribution to the Japanese horror genre. His films are philosophical treatises on the individual in society. They impressed intellectuals with its postmodern exploration of identity.

Keywords: Kurosawa Kiyoshi, Japanese film, horror films, «Cure», «Pulse», «Charisma».

Received 13.06.2017

Author:

Katasonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Center of Japanese Studies, Head, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: katasonova@rambler.ru

Японская интервенция в Сибири. Прелюдия

(Часть 1)*

К.О. Саркисов

Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двусторонних отношений, но и внешней политики самой Японии. Японские, американские и советские архивные данные дают картину того, как это всё начиналось и что двигало теми, кто решился на эту авантюру.

Ключевые слова: революция, Дальний Восток, Чехословацкий корпус, бессилие оппозиции, Гото Симпэй, Чичерин.

Приход к власти в России большевиков в ноябре 1917 г. не только лишил Японию стратегического союзника, но и создал потенциальную угрозу. Теперь вместо уверенности, что в наступившей военной кампании русская армия прогонит германо-австрийские войска из Галиции и маршем двинется на Берлин, замаячила другая альтернатива – контроль Германии над бесконечными просторами с богатейшими ресурсами и движение через Сибирь к границам с Японией [1, 13.02.1918].

Но раньше немцев на Дальний Восток пришла революция. Во Владивостоке пока ещё власть находилась в руках Думы, но в Харбине верх взяли большевики. В первых числах декабря уличные бои «революционных отрядов» с силами, верными генералу Хорвату, бегство того в Чанчунь и потеря им управления краем – всё это производило в Токио удручающее впечатление и вызывало беспокойство за судьбу двух тысяч японцев, проживавших в Чанчуне [2, 07.12.1917].

Положение было зыбким и во Владивостоке, где японцев было около трёх с половиной тысяч. Генконсул Японии в этом городе, Кикичи Ёсиро (один из идеологов антикоммунизма в Японии, проживший долгую жизнь и не дотянувший пару месяцев до своего столетия), докладывал в Токио, что пребывание в порту американского крейсера «Бруклин» в какой-то мере успокаивает жителей города, но революционный взрыв может произойти в любой момент [3, с. 639]. Тем более что прославившийся в войне США с Испанией корабль 11 декабря покидал Владивосток, и возникал вопрос о необходимости его замены. Япония была ближе всех, и сделать это ей было проще других. Но Кикичи, знавший настроения в городе, рекомендовал пока от этого воздержаться и быть просто готовым, если ситуация ухудшится [3, с. 642].

* Окончание будет опубликовано в следующем номере.

Сохранялась ещё надежда на то, что всё каким-то образом наладится. О таких настроениях писал в Токио из Петербурга Утида Косай. 8 декабря 1917 г. по старой привычке его навестил бывший директор азиатского департамента уже не существующего российского МИД Григорий Александрович Козаков. Он говорил о надеждах на объединение сил генералов Корнилова и Каледина, на ситуацию в Харькове и Новочеркасске, на то, что большевикам не удастся овладеть Москвой, и тогда с помощью казаков удастся восстановить порядок... [3, с. 641]. Этого энтузиазма опытному дипломату хватило ненадолго. Все пойдёт не так, как он надеялся. Каледин в начале февраля следующего года, не сумев поднять донских казаков против большевиков, покончит жизнь самоубийством, Корнилов погибнет через два месяца под Екатеринодаром, сам Козаков вместе с другими эмигрирует, и в Стокгольме его настигнет внезапная смерть от простуды.

Дипломатии осторожных и взвешенных шагов пока был привержен и министр иностранных дел, в недавнем посол в России Мотоно Итиро. Но очень скоро он будет активно выступать за интервенцию. Сейчас же его беспокоили военные. 11 декабря он предупреждал Кикути, что в японском Министерстве флота не исключают появление в районе Владивостока германских подводных лодок. В тот же день Утида из Петрограда сообщал о неожиданном визите американского посла с вопросом, как он относится к слухам, что большевики в ближайшие две-три недели сдадут столицу немцам, и не планирует ли Япония прислать свои войска, чтобы не допустить этого. Эти вопросы можно было бы посчитать провокационными, но американский посол Дэвид Фрэнсис говорил вполне искренне. И так же искренне отвечал японский посол: он не верит слухам, однако в условиях полной анархии, шараханий и слабости новой власти можно ожидать любого исхода. Что же касается появления японских войск в Петрограде – это нереально, учитывая расстояние, к тому же – опасно во всех других отношениях [3, с. 647].

В наэлектризованной слухами обстановке появились первые сообщения американской печати о том, что японцы уже высадились во Владивостоке и взяли под охрану скопившееся на Владивостокском терминале большое количество военной техники, оружия и боеприпасов из США и Японии. Потом они же публиковали категорические опровержения японского МИД и японского посольства в Вашингтоне – во Владивостоке нет японских солдат, как нет и планов направить их туда [1, 12.11; 12; 15; 18; 23.1917]. В Токио заместитель министра иностранных дел Сидэхара Кидзюро заверял американского посла Роланда Морриса, что сообщения газет «нелепы и абсурдны». Об этом Моррис сообщал госсекретарю Лансину, встревоженному сообщениями американского посла из Петрограда [4, р. 8, 9].

«Категорическое отрицание», как обычно, было верным признаком того, что на самом деле такие планы были, но находились на стадии разработки. В этом признался 15 декабря в разговоре с американским военным атташе в Токио Карлом Болдуином секретарь японского военного министра Нинамия: *«Ведутся некоторые приготовления для посылки войск во Владивосток или Харбин, но только в таких масштабах, которые требуются для защиты жизни и имущества японских граждан. Но посылка войск в Россию полностью зависит от обстоятельств»* [4, р. 8].

Хаос в России после революции не мог не вызвать соблазн геополитического прорыва на континенте, особенно у японских военных. В японских архивах хранится телеграмма

генерал-майора японского генштаба от 16 декабря 1917 г. своему начальству в Токио с предложением создания на Дальнем Востоке «независимой российской территории» под покровительством Японии [3, с. 660, 661]. Такаянаги Ясутаро – кадровый разведчик, преемник Акаси Мотодзиро времен русско-японской войны, он возглавлял оперативный отдел японского генштаба в начале Первой мировой войны, когда Япония воевала с Германией за Циндао. В январе 1915 г. имя Такаянаги было в списке тех, кто «с триумфом» вернулся из Китая после победы. Для сбора информации о революции в России его, тогда ещё полковника, в марте 1917 г., направили в Петроград, который он покинул в марте следующего года после эвакуации японских дипломатов. В Токио он удостоился личной аудиенции у императора. Он докладывал монарху о большевиках, гражданской войне и немцах на пороге российской столицы, из-за чего пришлось её покинуть [2, 02.03.1917; 5, 03.04.1918]. В конце 1919 г. Такаянаги три месяца будет возглавлять японскую военную миссию в Омске, позже – штаб японской армии, дислоцированной во Владивостоке. В блистательной карьере у него была «карьерная осечка». Он был отставлен от службы вплоть до особого распоряжения из-за просочившихся в печать слухов о том, что работавшим на него японским гейшам в знак благодарности за услуги, помимо денег, он вручал блоки сигарет из специального императорского фонда подарков, предназначенных для особо отличившихся на войне (во Вторую мировую войну их вручали летчикам-камикадзе перед вылетом на верную смерть) [5, 28.04.1923].

Идея Такаянаги о «буферном российском государстве» на Дальнем Востоке будет воплощена позднее в Дальневосточной республике, которая станет подчиняться не Токио, а Москве. Но на тот момент реализация планов вмешательства в той или иной форме в российские дела зависела от того, подпишет ли правительство большевиков сепаратный мирный договор с Германией. Если бы последнее произошло, можно было бы, обвинив их в «предательстве», использовать ситуацию как предлог для интервенции.

Эта мысль присутствует в документе, подготовленном Временной комиссией по внешней политике, сформированной в МИД Японии по следам событий в России. После подробного анализа ситуации в России авторы рассматривали несколько вариантов собственного поведения в случае подписания «правительством Ленина–Троцкого» сепаратного договора с Берлином:

- *действовать в тесной связи с союзниками, не отступая ни на шаг от общей линии; в этом случае вполне возможна посылка войск на российскую территорию;*
- *действовать отдельно от союзников, рискуя оказаться в изоляции; но и в этом случае продолжать войну с Германией и Россией, которые, скорее всего, будут действовать совместно;*
- *если большевики, сохраняя враждебные отношения с западными странами, попытаются примириться с Японией – пойти им навстречу; этим можно добиться от них существенных уступок – предоставления Японии преимуществ в железнодорожных мероприятиях в Восточной Сибири; продажи по приемлемой цене северного Сахалина (позже этот вопрос будет поднят самим большевистским руководством); уступка КВЖД Южно-Маньчжурской железной дороге (позже будет осуществлено) [3, с. 661–666].*

Вернувшийся после подавления монархического мятежа в кресло премьера Госсовета Китая Дуань Цижуй в частном разговоре с японским посланником Хаяси говорил, что приход к власти в Харбине «экстремистов», как тогда долгое время называли большевиков, и их воцарение во Владивостоке представляют угрозу интересам Китая и Японии, и им *следовало бы самим, без оглядки на других, навести порядок на всей территории Сибири от Урала до Дальнего Востока*. Хаяси не разделял амбиций собеседника, заметив, что было бы реалистичнее, если китайские войска при необходимости взяли бы на себя охрану «полосы отчуждения» вдоль КВЖД. Япония же при необходимости готова оказать всяческое содействие [3, с. 669–670].

Начавшиеся 22 декабря в Брест-Литовске переговоры большевиков с Германией резко изменили характер отношений стран Антанты и Японии с новой властью. Переговоры шли с большим трудом, но произошло главное – Германия вернулась в Россию. В наступившем 1918 г. газеты печатали о появлении в Петрограде германского генконсула, военного и военно-морского атташе, называя это «германизацией» российской столицы [2, 04.01.1918]. Появились и слухи о том, что большевики замышляют подписать не только мир, но и союз с Германией.

На Дальнем Востоке эти события воспринимались как нечто, что происходит очень далеко, но по Транссибирской дороге может очень быстро прийти и сюда. Об этом свидетельствовали события декабря 1917 г. в Харбине, когда власть генерала Хорвата зашаталась, и казалось, он будет со дня на день арестован большевиками. Шоком явились и ожесточенные бои между большевиками и юнкерами в 20-х числах декабря 1917 г. Сотни погибших солдат и мирных жителей ярко продемонстрировали раскол российского общества и его кровавый характер.

В конце декабря, как реакция на это, появились первые признаки слабых и разрозненных попыток объединения альтернативных большевикам сил. 28 декабря на собрании во Владивостоке представители Земства Амурской области провозгласили образование временного правительства с центром в Благовещенске.

Их слабость, неспособность контролировать ситуацию торопили союзников принять ограниченные военные меры. 5 января 1918 г. Лансинг телеграфировал Моррису, что американскому крейсеру «Бруклин» дана команда срочно покинуть Манилу и направиться в Иокогаму, где ожидать дальнейшего приказа [4, р. 19, 20]. Аналогичный приказ из Лондона получил один из британских крейсеров в Гонконге. В Японии решение направить во Владивосток крейсер было принято ещё накануне – 4 января, о чём Мотоно предупредил Крупенского на следующий день.

В спешке англичан и американцев, помимо прочего, было стремление не дать Японии опередить их, воспользоваться моментом и установить свой контроль над Владивостоком и Транссибирской магистралью. Это было связано не только с подозрениями в «алчных намерениях» Токио, в чём не сомневались в США, но и с тем, что единоличные действия Японии могли произвести обратный эффект, что дало бы большевикам возможность распропагандировать это как оккупацию, организовать массовое сопротивление «агрессии» и укрепить свою власть. Это же могло бросить их в объятия Германии. К тому времени позиция Вашингтона к новой власти перестала быть враждебной, и появились признаки даже

некоторой симпатии. А Лондон считал, что с ней можно было бы договориться и использовать против немцев, «советовал» Токио не «антагонизировать» новую власть [4, p. 20].

Но уже 12 января на рейде во Владивостоке появился первый японский крейсер «Ивами», по иронии судьбы – трофейный русский броненосец «Орёл». 18 января к нему присоединился крейсер «Асахи». Вместе с транспортным судном и ледоколом (не следует забывать, что был январь) стало четыре судна. Из Гонконга прибыл английский крейсер «Суффолк», со дня на день ждали «Бруклина» из Йокогамы, где он запасался углём.

Оправдывая приход японских кораблей, японские газеты писали о безопасности 20 тыс. японцев, проживавших в разных местах восточной Сибири, главным образом во Владивостоке и Харбине [2, 15.01.1918].

В Вашингтоне все эти рассуждения о безопасности японского населения воспринимались как психологическая подготовка к высадке японцев во Владивостоке. Моррис из Токио сообщал Лансину, что из многочисленных бесед, которые он вёл в Токио, у него сложилось впечатление, что правительство Тэраути не настроено на оккупацию. Однако влиятельной силой является армия и её генеральный штаб, которые могут использовать любой повод, чтобы начать наземную операцию [4, p. 27]. Чтобы предотвратить это, Моррис по поручению Фрэнка Полка, заместителя Лансинга, должен был устно заявить Мотоно, что ситуация во Владивостоке не внушает серьёзных опасений, оккупация любой территории приведёт к объединению всех соперничающих сил в России против союзников, будет на руку «германской пропаганде», и никакой инцидент не может служить поводом для оккупации [4, p. 31].

Токио категорически отрицал все слухи о готовящейся интервенции. Японское посольство в Петербурге 19 января 1918 г. называло ложным появившийся слух о высадке с японского крейсера десанта. *«Япония искренний друг России, и она не намерена вмешиваться во внутренние дела этой страны, а пребывание кораблей во Владивостоке никак с ними не связано».*

Эти слова в точности повторил Тэраути 22 января в программной речи на открытии новой сессии японского парламента, добавив о своей уверенности, что Россия «сможет справиться с нынешними трудностями и в скором времени создаст стабильное правительство» [1, 25.01.1918]. Но этот энтузиазм не был вполне искренним. Ситуация в России, где новая власть уже продержалась более двух месяцев, не настраивала на оптимизм. В начале февраля на совещании послов стран Антанты и США в Петербурге по поводу признания Советской республики Утида интересовался мнением своих коллег, насколько долго может продержаться новая власть? Американский и английский послы заявили, что это, судя по всему, надолго.

Дэвид Фрэнсис, американский посол, не обманывал. Он уже ставил вопрос перед Лансингом о необходимости более тесных неформальных контактов с большевиками, на что 14 февраля получил «добро» от госсекретаря [6, p. 381]. Перед этим стало известно, что англичане установили неформальные контакты с советским представителем Литвиновым в Лондоне, а английский консул в Москве Локхарт выехал в Петроград для неофициальных контактов с Троцким.

Мотоно просил японского посла в Лондоне Тинда Сутэми выяснить у английского правительства, насколько эти слухи соответствуют действительности. Затем через несколько дней поручил выяснить, не боится ли британское правительство большевистских дипломатов, ведущих в нарушение всех правил откровенно подрывную пропагандистскую работу [3, с. 389, 394].

В Токио внимательно следили за развитием контактов новой власти с державами, что в значительной степени зависело от успехов переговоров большевиков с Германией. Здесь были в курсе перипетий первого и второго раундов переговоров в Брест-Литовске, противоречий между Лениным, Троцким и лидером «левых» Каменевым по поводу заключения «похабного», по выражению вождя революции, мира.

Когда 28 января переговоры были прерваны и наступило состояние «ни войны, ни мира», Германия объявила о прекращении перемирия, и судьба большевиков повисла на волоске, до Мотоно дошли сведения о контактах Троцкого с французским послом в Петрограде и заявлении Парижа о поддержке новой власти в случае возобновления ею военных действий против Германии. Те же сведения были получены и в Вашингтоне из источника французского посольства в США [6, р. 383]. *В условиях «полной деморализации (большевистской) власти» 22 февраля послы стран Антанты, включая японского и американского, приняли решение помочь ей в организации сопротивления германским войскам, движущимся от Двинска (Даугавпилса) в сторону Петрограда. Французские и английские военные инженеры помогали разбирать рельсовые пути с целью хотя бы на какое-то время задержать немцев* [6, р. 386].

В Токио Мотоно смотрел на это «сотрудничество» с новой властью скептически. 27 февраля 1918 г. он писал, что ему «трудно понять» доводы французской стороны. *Учитывая разложение российской армии, «экстремисты» вряд ли способны возобновить войну против Германии. Кроме того, им совершенно невозможно доверять, учитывая их поступки и слова в прошлом. К тому же Троцкий сохраняет ещё надежду договориться с Германией* [3, с. 402].

Тем временем в Токио пришла телеграмма от исполнявшего обязанности заместителя японского посланника в китайской столице. Ёсидзава Кэнкити – одна из ключевых фигур японо-советских отношений того времени. В 1924 г. он будет вести переговоры с Иоффе, а потом с Караханом, с которым 20 января 1925 г. подпишет Договор об основах японо-советских отношений (Пекинский договор). В 1932 г. он станет министром иностранных дел в кабинете своего тестя Инукаи Цуёси. Но это будет на короткое время – 15 мая 1932 г. Инукаи будет застрелен в своей резиденции группой молодых морских офицеров.

В телеграмме говорилось о беседе с российским посланником, который, как и Крупенский в Токио, продолжал выполнять свои функции, несмотря на большевистский переворот. Николай Александрович Кудашев посетил японскую миссию и поделился переводом текста обращения к народам Востока («Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока») советского правительства от 3 декабря 1917 г. Заодно он сообщил, что, *по его сведениям, новой властью на пост российского посла вместо Крупенского назначен некий Конрад. Это молодой человек лет двадцати четырех-пяти. До прошлого года он находился в Токио, где у него сложились дружеские отношения с Поливановым, который теперь*

заведующий Дальневосточным отделом большевистского министерства иностранных дел, чем, скорее всего, объясняется это назначение. Ёсидзава просил обратить на Конрада внимание, когда тот приплывёт в Цуруга, а также передать это сообщение послу Крупенскому [3, с. 392, 393].

В новом 1918 г. стало очевидным, что переговоры в Брест-Литовске буксируют, а германские войска продолжают своё движение к Петрограду. В этих условиях иностранные послы стали покидать русскую столицу. Заместитель японского генконсула в Москве Кумадзаки передавал Мотоно, что Утида покинул Петроград 28 февраля и в тот же день прибыл в Вологду. «Здесь, – отмечал он, – о нём и других дипломатах, против ожидания, проявили заботу местные органы – Советы рабочих и солдат». Утида намеревался остаться на какое-то время, чтобы, сообразуясь с обстановкой, принять решение о дальнейшем перемещении в Мурманск или Архангельск. С американским послом Дэвидом Фрэнсисом они договорились действовать совместно [3, с. 407]. Но из телеграммы Фрэнсиса (21 февраля) Лансингу следовало, что он с Утида после остановки в Вологде собирается направиться в Харбин или Владивосток, где они должны были остановиться и ждать инструкций от своих правительств. «Не хочется Россию полностью уступать Германии» [6, р. 384].

Движение двух послов на Восток и пребывание там можно было объяснить их особой обеспокоенностью ситуацией в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В Иркутске находилось около 20 тыс. германских «вооруженных военнопленных», на что Утида реагировал «невозмутимо», заявив, что в Маньчжурии стоит 30-тысячная японская армия, а в Харбине 10 тыс. китайских солдат [6, р. 388].

В Сибири положение и расклад политических сил был не менее запутанным, чем в европейской части России. Те, кто терпел поражение в Петрограде и Москве, устремлялись на Север и Юг, но Восток – Сибирь с её просторами предоставляла особые возможности для попыток организовать сопротивление большевикам. Здесь более рельефно проявлялась борьба трёх основных сил на послереволюционном политическом поле: 1) большевистской (советской), 2) альтернативной революционной, но антибольшевистской (меньшевики, социал-демократы, анархисты, разные либеральные группы и др.) и 3) «Белого движения» за реставрацию монархии.

Перед лицом этой сложной комбинации разных сил Япония была озабочена в основном возможным доминированием в России Германии; отношениями с Китаем без прежнего союза с Россией, что имело свои плюсы, но и явные минусы; растущим соперничеством с США и угасающей притягательностью союза с Англией.

В середине января в Петрограде на вопрос французского посла, намерена ли Япония признать Сибирское правительство (Временное сибирское правительство, сформированное на базе Томской Думы в январе 1918 г., которое действовало на территории Сибири и Дальнего Востока до октября 1918 г.), Утида отвечал отрицательно. Мотоно не реагировал на телеграмму Ёсидзава из Пекина от 3 февраля, в которой тот со слов российского посланника Кудашева сообщал о некоем «есауле (капитане) Семёнове», который давно «обитает» на станции «Маньчжурия» (крупный железнодорожный узел КВЖД на границе с Внутренней Монголией) и собирает казачье войско, чтобы начать войну с большевиками.

Но уже в середине февраля на телеграмму генконсула в Харбине Сато Наотакэ (будущий министр иностранных дел в кабинете Хаяси Сэндзюро, посол в СССР с 1942 г. по август 1945 г.) о просьбе Семёнова помочь ему оружием и боеприпасами, он дал свою санкцию, требуя соблюдать строгую секретность в делах с атаманом [7, с. 476, 480–482].

Дело в том, что уже в начале февраля многое изменилось. Надежды на конструктивный диалог с «экстремистами» испарялись, ситуация в России стала ещё более хаотичной. Во Владивостоке усилилась анархия. 4 февраля американский консул Джон Колдуэлл сообщал о разбоях в гостиницах, жертвами которых становятся иностранцы. Особенно частыми стали нападения на улицах на японцев и грабежи их магазинов. Генконсул Японии протестовал, позже к нему присоединились консулы других стран, однако ничего не изменилось [4, р. 37, 38]. Через несколько дней английский поверенный в делах в Вашингтоне передавал Лансингу сообщение его коллеги из Пекина о просьбе Кудашева оказать всемерную поддержку «капитану Семёнову» деньгами и оружием [4, р. 38, 39].

Заметными стали изменения в настроениях в Лондоне. Теперь здесь были уверены, что единственной силой, способной оградить Транссибирскую магистраль от хаоса и тем самым не допустить её использования Германией, – это оккупация её японскими войсками, что было наиболее реально и надёжно. Зная, однако, что эта идея явно не по душе Вашингтону, Лондон пытался повлиять на его позицию [4, р. 41]. Но Вашингтон был непоколебим. *Любая интервенция будет контрпродуктивной, но если всё же она станет неизбежной, она ни в коем случае не должна осуществляться одной Японией, а быть коллективной акцией*, говорилось в официальной ноте госдепартамента британскому посольству в США [4, р. 41–43].

Идея интервенции, непопулярная с самого начала в европейских столицах и в Токио, предполагала, что заменой ей может быть ставка на силы в самой России. В поисках таких сил на Дальнем Востоке и всплыла фигура атамана Семёнова. Ставка на него не была японской идеей. Из переписки генконсула в Харбине Сато с Мотоно следовало, что есаул – это «проект» англичан и французов. Он был реальной силой в Забайкалье, и была надежда, что его казакам удастся захватить Иркутск и осуществить план создания российского государства на пространстве от Иркутска до Владивостока, которое могло бы себя противопоставить остальной России, где с трудом, но последовательно большевики строили новое государство. Это было особенно актуально – *«эпидемия» большевизма проникала и в Сибирь, «заражая» целые районы и даже казачьи части (Верхнеудинские казаки)* [7, с. 483–484].

В оказании помощи Семёнову Токио колебался недолго. 24 февраля Сато сообщал в Токио о некоем Шевченко, представителе Семёнова, который приехал в Токио, чтобы просить у японского правительства денег на оружие или само оружие. *Средств на это у Семёнова нет, и вряд ли они появятся и у формировавшегося в эти дни в Харбине Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания. Шевченко готов подписать любой контракт о фиктивной купле-продаже*. 28 февраля Мотоно отвечал, что *принято решение удовлетворить просьбу атамана, и сделка будет произведена через торговый кооператив трёх компаний – Мицуи, Окура и Такада, через которые происходили поставки оружия российской империи до её падения. Позднее он сообщал, что поставки*

будут происходить через Комитет защиты Родины, затем передаваться Хорвату, от которого они будут поступать Семёнову. Кроме того, ЮМЖД дано распоряжение оказывать всяческое содействие транспортировке оружия, которое будут поставлять Семёнову Франция и Англия [7, с. 486, 488, 501, 502].

Помощь антибольшевистской оппозиции пока осуществлялась через косвенные каналы без прямого вмешательства. Но сразу после подписания 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирного договора Советской власти с Германией ситуация изменилась. Мирный договор широко открыл Германии двери в Россию. Помимо аннексии обширных территорий бывшей российской империи, стало заметно её доминирование в европейской части России. Не дать ей проникнуть дальше за Урал, на просторы Сибири и на Дальний Восток – стало практической задачей, как она виделась в Европе и в Японии. Это становилось тем более важным, что скопившиеся в разных местах Сибири «германские военнопленные», после подписания мирного договора фактически перестали быть таковыми. Отвечая на запрос из Вашингтона, временный поверенный в делах США в Пекине Спенсер сообщал оценочные данные. *В Иркутске 2000 вооруженных военнопленных. Каково соотношение между немцами, австрийцами (чехами) и турками – неизвестно, но по сведениям российской миссии в Пекине, последние две группы воевать за Германию не хотят. Германцы же рвутся в бой. Ими командуют свои же офицеры, пропорциональное число которых по отношению к рядовому составу очень велико [4, р. 69, 70].*

Резко осложнившаяся ситуация заставила и Вашингтон пересмотреть своё негативное отношение к любой интервенции в Сибири, особенно японской. Ещё до подписания советско-германского мирного договора 1 марта Вильсон принял решение пойти навстречу пожеланиям союзников и не препятствовать планам использования Японии для оккупации Транссибирской магистрали [8, р. 45]. В госдепартаменте был составлен меморандум, в целом одобрявший одностороннюю японскую оккупацию. Однако, узнав об этом, сотрудники российского посольства в Вашингтоне, продолжавшего свои функции, сделали всё, чтобы отговорить его. Советник посольства Иван Иванович Сукин (позже министр иностранных дел в правительстве Колчака) уже на следующий день встретился с третьим заместителем госсекретаря Брекинриджем Лонгом и просил не соглашаться с односторонней японской оккупацией по причинам, которые уже были озвучены, а пойти на «политико-военное» вмешательство на коалиционной основе [8, с. 45].

Насколько доводы российских дипломатов уже не существующего государства произвели впечатление на американского президента, неизвестно, однако 4 марта Вильсон вызвал к себе заместителя Лансинга Фрэнка Полка и просил задержать отправку меморандума до дальнейших указаний. На следующий день тот снова встретился с президентом и после внесения «соответствующих поправок» 6 марта пригласил к себе японского временного поверенного, которому зачитал текст ноты [4, р. 68, 69].

«Американское правительство осознаёт чрезвычайную опасность анархии, которой подверглись районы Сибири, и неизбежного риска вторжения и господства Германии и согласно со странами Антанты, что если для устранения этой угрозы благоразумно было бы вмешательство, то более всего для этого подходит Япония. Правительство США испытывает полное доверие к действиям Японии и само бы желало поручить ему это дело,

но проблема лишь в разумности самого вмешательства. Но если Япония пойдёт на это, правительство США полагает, что оно при этом даст недвусмысленные заверения в том, что оно действует как союзник России, в интересах России и только имея в виду защиту её от Германии с последующим решением всех вопросов на мирной конференции [9, с. 691, 692].

Вашингтон, таким образом, соглашался на японскую интервенцию только при условии, что Япония даст твёрдые заверения, что после завершения своей миссии она уйдёт из России. Теперь, когда пусть с оговорками, но согласие США было получено, 15 марта в Лондоне на совещании министров иностранных дел Англии, Франции и Италии было принято решение обратиться к Японии с предложением об оказании «помощи» России, тем более что в течение всей войны до распада империи такая помощь ею осуществлялась. Помимо прочего, только Япония обладала достаточными для этого ресурсами. Текст этой резолюции был передан президенту Вильсону [9, с. 704, 705].

Лондон пытался балансировать между Вашингтоном и Токио, в душе, скорее, на стороне первого, чем второго. Но тяжёлая обстановка на фронтах заставляла политиков больше прислушиваться к голосу своих военных. В переданном для оценки в военное министерство Франции и тайно попавшем в руки американцев меморандуме британского военного ведомства его авторы опровергали все аргументы, которые выдвигались в США против односторонней японской акции.

«Оккупация японскими войсками Транссибирской магистрали от Владивостока до Челябинска укрепит позиции тех, кто выступает против сил анархии; спасёт Румынию; предотвратит перевод германских войск с Восточного фронта на Западный. Японцы готовы к этой операции, для которой потребуется только шесть с половиной дивизий. Нужно позволить им действовать в одиночку, так как только при этом условии правительство получит поддержку внутри страны. Антияпонские настроения в российском обществе явно преувеличены. Общество, напротив, будет приветствовать столь энергичную силу, которая поможет положить конец анархии. Многие русские офицеры уже высказали желание служить в японской армии, если она возьмёт на себя такую миссию. Оккупация Сибири ещё раз противопоставит Японию Германии, закрепив их вражду. Это позволит не опасаться сценария, когда евразийский континент будет поделён между этими двумя странами. Боязнь, что Япония установит свой протекторат над Россией, беспочвенна. Японцы психологически не способны к управлению другими народами, как это видно на примере Тайваня и Кореи» [4, р. 49, 50].

Ответ японского правительства на американскую ноту последовал только через десять дней (17 марта). *«Очевидно, что нынешнее предложение правительств союзных держав об интервенции в целях остановить зловедную деятельность Германии в Сибири не происходит из выраженного японским правительством желания или намерения. Поэтому оно пойдёт навстречу пожеланиям союзников при условии, что их поддержка будет абсолютно искренней, а также только при взаимопонимании между Соединёнными Штатами и остальными державами. Однако в случае, если ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке будет непосредственно угрожать интересам Японии, она оставляет за собой право действовать самостоятельно»*.

В японском правительстве не было единодушия по поводу интервенции. *«Предыдущее правительство [Окума] поторопилось с объявлением войны Германии. В этом кризисе нам не следует торопиться»*, – говорил Гото Симпэй американскому послу Моррисону. Влиятельный политик (министр внутренних дел, а через месяц с лишним – министр иностранных дел) и прежде встречался с послами держав, делясь с ними доверительной информацией о положении дел в правительстве. *«Ситуация на прошлой неделе резко изменилась – теперь большинство в японском правительстве против немедленной посылки войск, которую предлагал Мотоно»*, – суммировал свои впечатления американский посланник в телеграмме Лансингу [4, р. 72].

В Токио взвешивали все за и против. 18 марта премьер-министр Тэраути после долгого разговора с заместителем начальника генштаба Танака и присоединившемся к ним позднее военным министром Осима сразу же направился в токийскую резиденцию Ямагата [2, 19.03.1918]. Позднее газеты печатали краткие сообщения о встречах гэнро Сайондзи и Мацуката с военным министром и министром флота, об их посещении в тот же день императора [2, 11.04.1918]. Посещения гэнро свидетельствовали о начале интенсивных переговоров между теми, кто определял японскую стратегию в таких случаях.

26 марта в парламенте уже ослабевший от внезапно обострившейся болезни желудка, из-за которой спустя месяц он уйдёт в отставку, а в сентябре скончается, Мотоно, напрягая голос, убеждал пессимистически настроенных депутатов, что идея вооружённого вмешательства в Сибири не принадлежит Японии. *«Это инициатива союзников. И если поступит просьба направить войска в Россию для защиты железной дороги от германо-австрийских войск, скопившихся на Дальнем Востоке оружия и других военных материалов, угрозы, исходившей от военнопленных, то Япония, прежде чем решится, тщательно изучит этот вопрос»* [2, 27.03.1918].

Насчёт первого он не лукавил. Американский посол в Токио Моррис на запрос Лансинга подтверждал, что интервенцию первой предложила Англия. *«Грин по заданию английского правительства ещё 14 декабря 1917 г. неофициально встретился с Мотоно и предложил обсудить вопрос о направлении войск во Владивосток для того, чтобы в случае необходимости взять под контроль Транссибирскую магистраль и Амурскую железную дорогу. До этого в Японии никто не думал об интервенции»* [4, р. 84, 85].

Но, как это было в августе 1914 г. при вступлении в войну с Германией, стоило Англии заикнуться об этом, как Токио начал раскручивать свой собственный сценарий, так и сейчас Мотоно проявил себя завзятым геополитиком. Его талант в полной мере проявился ещё в годы пребывания на Французской набережной в Петербурге при общении с Извольским и Сазоновым. И сейчас он быстро сообразил, какие территории или «сферы влияния» можно приобрести при активном вмешательстве в российские дела [10, р. 160].

Но сейчас ещё бо́льшая ирония заключалась в том, что окончательное решение об интервенции было принято Японией только после того, как с этим предложением к ней обратились Соединённые Штаты. Таким образом, «спонсором» японской интервенции в Сибири, помимо Лондона, стал и Вашингтон. Но это произойдёт лишь в июле, а пока Мотоно 2 апреля направил Тэраути обширнейший документ из десятка страниц, подробно обрисовывая ситуацию в России и обосновывая необходимость прямого военного

вмешательства. План предусматривал два варианта. Первый – действовать на основе согласия со странами Антанты и по их просьбе. Это было бы комфортно, но, если такая просьба не поступит, действовать самостоятельно.

Мотоно обосновывал это фундаментальными изменениями в мире. *Японская дипломатия в Восточной Азии покоилась на «двух китах» – японо-английском и японо-российском союзах. Война изменила ситуацию в корне. Россия под властью «экстремистов» перестала быть не только союзницей, но оказалась в состоянии полного развала. Велика возможность, что новая власть, заключившая сепаратный мир с Германией и Австрией, уступит им во всём и станет их вассалом. Произошли большие изменения на Среднем и Ближнем Востоке. К этому можно было бы добавить и то, что участие США в войне резко усилило их позиции при решении послевоенного мироустройства (сделало их главным оппонентом японских притязаний на своё место в нём).* Обосновав необходимость военной интервенции в строго секретном разделе, Мотоно обозначил главные моменты своего плана. В нём были три основные части: 1) Соглашение с Китаем, 2) Основные цели и задачи интервенции и 3) Соглашение с союзниками. С Китаем для отражения «общей угрозы» предполагалось заключить военное соглашение. Китаю поставлялось оружие в обмен на материалы и сырьё для его производства. *«Основные цели и задачи: оккупация железной дороги от Иркутска до Владивостока, включая КВЖД; поддержка «умеренных» политических сил в их борьбе против «экстремистов», помощь в выдавливании последних из Сибири; при сохранении контроля над железной дорогой содействие формированию российской гражданской власти на местах в Восточной Сибири и её связи с югом европейской России, где уже действовали очаги борьбы с большевиками; в зависимости от поведения новой власти, способствовать становлению независимой Сибири. С союзниками: провести консультации и добиться их согласия или понимания целей и задач японской политики; желательно подписать с ними соглашение, оговорив особо, что режим оккупации всех железных дорог и населённых пунктов к востоку от Иркутска осуществляет Япония своими силами без их участия; в случае больших беспорядков в результате германско-австрийской агитации (имелись в виду военнопленные, большую часть которых составлял чехословацкий корпус) или продвижения германо-австрийских войск в Восточную Сибирь, начать интервенцию, не дожидаясь согласия союзников»* [7, с. 751–753].

Через некоторое время газеты припомнят Мотоно его лукавство и хитроумие, которые привели к внешнеполитическим провалам. «За двумя зайцами погонишься...» – стояло в заголовке редакционной статьи в «Асахи», подвергшей суровой критике всю его политику в России: запоздалое признание временного правительства в марте 1917 г., поспешный отзыв японского посла, в то время как все другие оставались до последнего в Вологде, а затем в Архангельске, отказ от попыток наладить диалог с новой властью и пр. [2, 11.04.1918].

И действительно, Утида вернулся в Токио уже в конце марта и 30 числа в императорском дворце докладывал императору о положении в России [2, 31.03.1918]. В это время были только в разгаре попытки англичан и французов договориться с Троцким и уговорить большевиков на соглашение с Антантой против Германии. Токио, который в этом не участвовал, сделал ставку на поиск сильной личности, которая могла бы на Дальнем

Востоке и в Сибири возглавить движение за формирование альтернативной большевикам власти.

Когда стало известно об антибольшевистских настроениях Уссурийского казачества, Мотоно поручил Кикути тайно встретиться с их представителем. Отсюда же, из Владивостока 1 марта генерал-майор Накасима Масатакэ (бывший представитель японского генштаба при Могилевской ставке, шедший на передовой в атаку вместе с русскими солдатами и обедавший за одним столом с русским царём), докладывал заместителю начальника генштаба японской армии генералу Танака Гиити о своей встрече с Хорватом. Глава дальневосточного края уверял – он не против создания автономной Сибири и Дальнего Востока, но это невозможно без помощи Японии, в чём пока нет уверенности [7, с. 490]. Но уже 11 марта в Харбине Хорват говорил прямо, без намёков. Он посетил японское генконсульство и заявил Сато, что после долгих колебаний и сознательного пребывания в тени, он понял, что дальше тянуть нельзя. После поездки в Пекин и разговоров с Кудашевым он готов, уточнив намерения Японии, встать во главе дальневосточного правительства, когда оно будет сформировано. *«Но любая власть без армии беспомощна и обречена. На сегодняшний день вместе с казаками Семёнова и Уссурийскими казаками, а также отрядами в его распоряжении, всего наберётся не более 5 тыс. У большевиков только в Хабаровске насчитывается 8 тыс. и в ближайшее время это число возрастет до 10 тыс. Если добавить австро-германских военнопленных, то в одном Уссурийске их 10 тыс., а к западу от Иркутска ещё 40 тыс., итого 50 тыс. Другими словами, без присылки на помощь 15–17 тыс. японских солдат новая власть не выстоит».* И уже как рачительный хозяин добавлял, *«что, если думать о географии будущего государства, желательно не ограничиваться Иркутском и территорией восточнее его, а включить ещё и Томск с его сельскохозяйственным потенциалом»* [7, с. 497].

Через несколько дней Хорват пригласил к себе японское начальство в Харбине: Сато, Накасима и члена совета директоров ЮМЖД Каваками (Кинъити). *«Если Япония гарантирует присылку войск, то он сформирует временное правительство, объявит о независимости Сибири и официально обратится к Японии о поддержке его войсками. Если подготовку ко всему провести быстро и в строгом секрете, никто не сможет помешать, и те, кто в Омске (на самом деле в Томске) собирает новый общесибирский орган власти (Временная Сибирская областная дума, январь 1918 г.), постепенно примкнут к новому правительству. К тому же все эти образования – социалистические (большинство в них составляли эсеры). На них полагаться нельзя»* [7, с. 497, 501].

Не дожидаясь заверений от Токио в том, что японские войска примут участие в «очищении» Восточной Сибири от большевиков, Хорват начал формирование правительства и 28 марта пригласил Накасима принять участие в предварительном совещании его главных членов. *Он сам возглавит правительство. В него войдут пять-шесть наиболее авторитетных людей. Позднее состав будет увеличен. Принцип формирования – привлечение к участию представителей самых различных сил антибольшевистского движения в Сибири. Ещё раньше в разговоре с Накасима он упоминал имена известных всей России личностей – Александра Ивановича Путилова, бывшего заместителя министра и адмирала Александра Васильевича Колчака* [7, с. 504, 506].

Видимо не очень рассчитывая на Токио, 4 апреля Хорват обратился и к американскому консулу Чарльзу Мозеру и говорил ему то же, что и японцам накануне: *он официально заявляет, что если американское правительство поддержит его военной силой и деньгами, то он немедленно сформирует здесь временное правительство Сибири* [4, р. 99].

Но очень быстро выяснилось, что все те, на кого мог рассчитывать Хорват, энтузиазма не испытывали. Кудашев в Пекине сказал, что сомневается в целесообразности интервенции войск союзников, в особенности японцев, а представитель Сибирского правительства, приехавший в китайскую столицу, не встретил понимания ни у китайского правительства, ни у генконсулов Франции и Японии, а английский генконсул под вежливым предлогом вообще отказался от встречи с ним [7, с. 507]. Возможно из-за того, что волна большевистских идей, буквально захлестнувшая всю страну с запада до Харбина, под влиянием разрухи, нехватки самого необходимого, анархии и беспредела стала постепенно затухать.

Разруха, в той или иной степени, царила повсюду, но в портовом Владивостоке это было особенно заметно. 4 апреля 1918 г. здесь в 11 часов утра пятеро вооруженных бандитов вошли в японскую лавку и, угрожая, потребовали денег. После того, как японцы отказались, они открыли огонь, убив одного и тяжело ранив других [4, р. 99]. На следующий день в 5 часов утра с японских крейсеров по приказу командующего эскадрой контр-адмирала Като Такаёси был высажены на берег две роты, которые тотчас же стали патрулировать улицы города. Через какое-то время к ним присоединились 50 британских моряков [4, р. 109].

Японское посольство в Вологде поставило советские власти в известность о десанте. *Это предпринято исключительно для защиты жизни и имущества японцев и носит локальный характер.* Токио давало понять, что это не интервенция. Не принимая такого объяснения, комиссариат иностранных дел предупреждал, что расценивает произошедшее как *«шаг решительный и чреватый последствиями, направленный по существу к оккупации территории Российской Советской Республики»* [11, с. 233].

Бросалось в глаза отсутствие формального протеста, требования немедленного возвращения десанта на корабли и требования, чтобы они покинули Владивосток. В советском правительстве лихорадочно анализировали ситуацию, стремясь понять, начало ли это масштабной интервенции и открытие «восточного фронта» защиты революции. Чичерин спрашивал об этом французского консула в Москве. Троцкий задавал тот же вопрос англичанам, и в ответ 7 апреля из Форин Офис ушла телеграмма в адрес Локхарта. Британскому консулу поручалось заверить Троцкого, что речь идёт только о защите жизни иностранцев во Владивостоке, и выразить сожаление, что в этом городе подвергаются опасности жизнь и имущество граждан стран коалиции, в то время как они пытаются «помочь Троцкому» [4, р. 109].

Французский посол в Вашингтоне Жан-Жюль Жюссеран (который удачно сочетал дипломатическую работу с литературной и как раз накануне получил Пулитцеровскую премию за книгу по американской истории), ссылаясь на англичан и французов, уверял Лансинга: *«по впечатлению тех, кто контактировал с Троцким, а также послов Франции, Англии и Италии, большевиков можно было бы уговорить принять идею японской интервенции как средства против Германии и помощь в реформировании России»* [4, р. 111].

Он заблуждался. Идея японской оккупации большевиков устраивала меньше всего. Не случайной была оговорка Троцкого, идеолога «мировой революции»: *«Если бы... Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то, разумеется, пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии»* [12, 22.06.1918].

Американский посол в России Фрэнсис сообщал из Вологды Лансину, что в Москве военным представителям стран Антанты после бурных ожесточенных споров с представителями властей удалось договориться насчёт предварительных условий соглашения с большевиками о введении на территорию их войск. *«Они не должны вмешиваться во внутренние дела, как это было на Украине и на Дону; сотрудничать с советскими властями по военным вопросам; это должны быть не только японские войска, а объединённые войска союзников; заранее договориться о том, что потребует Япония как плату за своё участие; начать переговоры о предоставлении концессий на Дальнем Востоке»* [4, р. 114].

Все большевистские издания в пропагандистском ключе яростно выступали против ввода войск союзников, а «Русское Слово» за поддержку идеи японской интервенции было закрыто навсегда [6, р. 496]. Это была своего рода игра, когда в тяжёлой ситуации большевики готовы были идти на любой компромисс, но только сохранить себя. В эти дни в нарушение условий Брестского договора германские войска занимали один за другим порты в Финляндии, разоружали российские войска, захватывали склады с боеприпасами. Под их прикрытием войска Украинской Рады жестоко расправлялись с прорусскими силами на Украине и вторгались в пределы Российской Федерации. Германцы готовились к оккупации Крыма, а Бессарабия была отторгнута Румынией.

Между Германией и Антантой, прессируемые с обеих сторон, большевики колебались. Но уже в конце апреля в опубликованных в «Известиях» комментариях на интервью французского посла в России Жозефа Нуланса Чичерин явно сглаживал острые противоречия с Германией. Её политику прямых или косвенных захватов на Украине и в Финляндии, беспощадные расправы с мирным населением, по поводу чего ежедневно посылал телеграммы протеста, он теперь называл лишь «серьёзными разногласиями». По поводу же событий во Владивостоке он был категоричен и отрицал всякую возможность вмешательства стран Антанты: *«Японский десант есть акт хищнический, и никакого удовлетворения с целью удаления вторгшихся к нам иностранных войск мы давать не намерены. Эти войска явились в наши пределы насильственным образом, пусть они удалятся. Никакие другие разговоры по этому поводу невозможны. Если же захватчиками будут являться не одна держава, а несколько держав, нам от этого будет не лучше, и ко всем вторгающимся к нам иностранным войскам мы отнесёмся точно так же»* [11, с. 260, 261]. 28 апреля последовала нота НКВД за подписью Чичерина с острой критикой статьи французского посла в российской прессе, в которой тот оправдывал высадку японского десанта во Владивостоке как вынужденную. Он требовал немедленного отзыва Нуланса [11, с. 272, 273].

Ленин с самого начала не верил ни в какие заверения, и 7 апреля через Иркутск во Владивосток ушла его директива. Ленин призывал местные советские власти не питать

иллюзий: «...японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут – вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьёзно, готовиться из всех сил». И далее в деловом тоне: «Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов... Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье... Денежных знаков у нас теперь нет, но со второй половины апреля будет много, но помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее» [11, с. 233, 234].

Библиографический список

1. New York Times.
2. Асахи.
3. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 13 «Революция в России» / МИД Японии. Токио, 1968.
4. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. II.
5. Йомиури.
6. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. I. Chapter VII.
7. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 14 «Антибольшевистские силы» / МИД Японии. Токио, 1968.
8. *Vacino, Leo J.*, Reconstructing Russia: U.S. Policy in Revolutionary Russia, 1917–1922 / Kent State University Press. Kent, OH. 1999.
9. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 15 «Посылка войск в Сибирь» / МИД Японии. Токио, 1968.
10. *Beasley, W.G.* Japanese Imperialism, 1894–1945. Clarendon Press. Oxford. 1987.
11. Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел СССР. Том первый, 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат. 1959.
12. Известия ВЦИК.

Поступила в редакцию 05.07.2017

Автор:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Japan's Intervention in Siberia. Prelude

(Part 1)

K.O. Sarkisov

Japan's intervention in Siberia is one of the dark pages in the history of bilateral relations as well as of Japan's foreign policy. Japanese, American and Soviet archives give a better understanding how this adventurous enterprise has begun and what forces and interests worked behind.

Keywords: revolution, Russian Far East, Czechoslovak corps, weakness of opposition, Goto Shimpei, Chicherin.

Received 05.07.2017

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера

Л.М. Ермакова

Статья представляет краткий биографический очерк одного из пионеров отечественного японоведения – профессора Ореста Викторовича Плетнера (1892–1970), жившего и работавшего в Японии и награждённого за свою научную и педагогическую деятельность японским Орденом культуры IV степени. Главная цель статьи – публикация хранящихся в архиве учёного писем из Петрограда от его отца, В.И. Плетнера, и младшего брата, Олега Викторовича Плетнера, тоже известного японоведа. Эти письма – свидетельства истории российского японоведения, в них упоминаются имена выдающихся японоведов прошлого – Н.А. Невского, Е.Д. Поливанова, Н.И. Конрада. В то же время это живой отклик на события в России 1917–1918 гг.

Ключевые слова: история российского японоведения, Орест Плетнер, Олег Плетнер, В.И. Плетнер, публикация писем из архива.

Раньше мне уже случалось писать о профессоре Оресте Викторовиче Плетнере, его деятельности, его печатных трудах, его биографии. Еще 15 лет назад мною были опубликованы отдельные письма и открытки к профессору Оресту Плетнеру, написанные японским писателем Танидзакки Дзюньитиро, а также известными японоведами – Н.И. Конрадом, С.Г. Елисеевым, М. Раммингом¹, братом Олегом (тоже японоведом) и другими [1–3]. Тогда эти материалы были переданы мне дочерью профессора, Светланой Орестовной Плетнер-Хаяси.

Теперь обстоятельства изменились, старинный дом Плетнеров в центре Кобэ больше не существует. В настоящее время мне передан архив профессора полностью, в том числе его переписка. В этой публикации будут приведены письма, полученные в Японии Орестом Викторовичем Плетнером от его отца, Виктора Ивановича Плетнера, а также его младшего брата, японоведа Олега, с августа 1917 г. по апрель 1918 г., в критический период российской истории.

¹ Мартин-Готгард-Теодор Рамминг (1889–1988) вместе с О. Плетнером работал в Российском посольстве, после роспуска прежнего посольства до 1927 г. оставался в Японии, затем переехал в Германию; с 1947 г. в течение 15 лет возглавлял отдел восточноазиатских исследований Института востоковедения Академии наук ГДР.

Письма и открытки от отца – самая обширная часть хранившейся в доме переписки; по-видимому, отец писал сыну каждый день или через день, особенно сначала, пока почта работала исправно. Он нумеровал свои почтовые отправления, и сын, надо думать, отвечал ему так же.

Напомним о том, кто такой был Орест Викторович Плетнер, а также адресанты этих писем, его отец и младший брат.

Орест Викторович Плетнер, один из пионеров отечественного востоковедения, родился в Санкт-Петербурге 26 июля 1892 г. в семье обрусевших немцев дворянского происхождения (его отец был горным инженером, дед по матери заседал в Сенате). После окончания гимназии в 1911 г. Плетнер поступил на Восточный факультет Петербургского университета, где учился вместе с такими известными учёными, как Н.А. Невский, Н.И. Конрад, Е.Д. Поливанов, О.О. Розенберг, на курс моложе Невского и на три – Конрада. Среди его преподавателей были выдающиеся российские лингвисты Л.В. Щерба и И.А. Бодуэн де Куртене, а также замечательный синолог В.М. Алексеев.

В первый раз О.В. Плетнер побывал в Японии еще в 1912 г., студентом. С 1916 г. он, студент-дипломант, был прикреплен переводчиком-практикантом к Министерству иностранных дел и в этом качестве поехал в Токио. Летом 1917 г. вернулся в Петербург (уже ставший Петроградом), сдал выпускные экзамены на степень магистра и снова отправился в Японию для работы в составе дипломатического корпуса посольства Российской Империи (которой тогда оставались уже считанные месяцы).

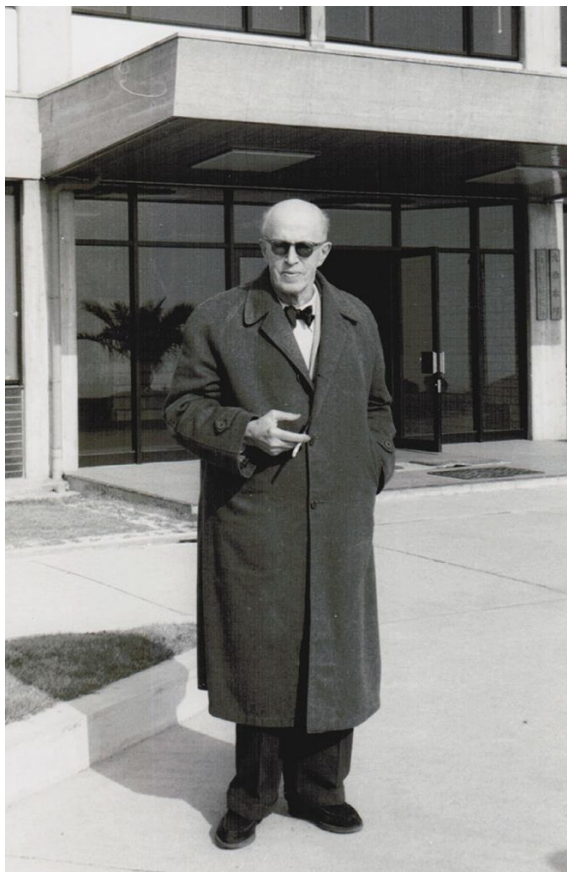
О.В. Плетнер становится одним из атташе посольства, но уже через несколько лет это посольство при царском правительстве оказывается распущенным, все дела передаются новому, советскому. Дипломаты прежней эпохи теперь должны были, так или иначе, решать свою судьбу. О.В. Плетнер уехал из Японии и 1922–1923 гг. провёл в Англии, Франции и Германии. Возвратившись в Японию в 1923 г., О.В. Плетнер работал в известных учебных

заведениях Японии того времени: в том числе, в Императорском университете Киото (ныне Государственный университет Киото), Осацком училище иностранных языков (ныне Осацкий государственный университет иностранных языков); с 1925 г. – в Училище иностранных языков г. Тэнри; с 1932 г. – во Франко-Японском институте (Киото), иногда читал лекции в Доме французско-японской культур (Токио)² и др. Преподавал он общую лингвистику, русский язык, фонетику французского языка, а сам продолжал заниматься самыми разными лингвистическими проблемами, работал над учебниками русского языка.

В 1925 г. он женился на японке Кикю Хаяси (1904–1978), а 12 сентября 1926 г. У супругов родилась дочь, Светлана (Мая) Плетнер-Хаяси. В 1941 г. О.В. Плетнер с женой и дочерью переезжает во Вьетнам, тогда Аннам, часть французского Индокитая, где работает в Ханойском университете, преподавая вьетнамцам иностранные языки.

После войны, в 1950 г., учёный возвращается в Японию. Он продолжает свою педагогическую деятельность в институтах иностранных языков городов Осака и Кобэ, печатает научные работы и учебные пособия. В 1968 г. за свою научную и педагогическую деятельность он был награжден японским Орденом культуры IV степени.

О.В. Плетнер был одаренным лингвистом и полиглотом: учившиеся у него до сих пор помнят его рассказы о том, как ему снятся сны на шести языках...

Скончался О.В. Плетнер 29 января 1970 г. в возрасте 78 лет.

² Maison Franco-Japonaise.

Виктор Иванович Плетнер (1866–1923), отец О.В. Плетнера, судя по биобиблиографическим словарям, в 1889 г. учился в Константиновском межевом и горном институте в Петербурге. Стал губернским секретарем, работал в Земельно-заводском отделе Кабинета при императоре Александре III, получил звание титулярного советника. В 1894 г. участвовал в экспедиции на Алтай известного учёного А.А. Иностранцева, затем был назначен коллежским советником (1903), в 1910 г. работал в Горном управлении с откомандированием в распоряжение Общества каменноугольных копей, рудников и заводов в Сосновицах. Ему принадлежат важные работы по геологии и картографии Алтайского края. До сих пор сохраняют значение его исследования, выполненные вместе с профессором П.Н. Венюковым в каменноугольном бассейне р. Томи [4, с. 162], а также его обзоры геологических и топографических карт Алтайского округа [5, с. 65; 6].

В семье было четверо детей: погодки Орест и Олег, сестра Нина (уменьшительное Ника) и младший сын Юрий. Мать их, Надежда Емельяновна Плетнер, скончалась ещё до Октябрьской революции.

Письма в Японию В.И. Плетнера сохранились не полностью, двумя сериями: одна часть относится к 1917–1918 гг., вторая – к 1922–1923 гг. Здесь мы ограничимся выборочной публикацией корреспонденций, относящихся к 1917–1918 гг.

Письма В.И. Плетнера предреволюционных лет и первых месяцев после революции написаны в основном на плотной бумаге хорошего качества – на именном бланке с грифом «Член Петроградской Городской Управы В.И. Плетнер», иногда, видимо, за неимением под рукой другой бумаги, этими бланками пользовался и брат Олег. Письма от В.И. Плетнера, датированные 1922–1923 гг., написаны на четвертушках плохой бумаги, между строками

почти нет пробелов, но и в эти тесные промежутки адресант старается вписать вверх ногами продолжение письма – видимо, достать бумагу стало практически невозможно.

После революции академическая и служебная карьера Виктора Ивановича Плетнера пресеклась, в конце концов он покинул Петроград и стал заведующим школой в провинциальном городке Лихославль Тверской губернии. Школа эта была открыта в 1903 г. как двухклассное училище, и начинало в нём обучение всего четверо учеников. В 1918 г. училище было преобразовано в школу II ступени, в которой обучались дети железнодорожников, а также из семей, живущих неподалёку от школы. Туда-то и удалось получить назначение горному и межевому инженеру, сотруднику городской управы недавней российской столицы Виктору Ивановичу Плетнеру.

В архиве О.В. Плетнера нашлось письмо к Оресту в Японию от друга семьи, датированное 17 декабря 1924 г., по-видимому, врача (подпись неразборчива), рассказывающего о последних днях жизни В.И. Плетнера:

«Милый Орест! Наконец-то я собрался ответить тебе на письмо. <...> Мои здоровы, живут при мне, безработные, вообще о нашей жизни касаться не хочется. Я хотел написать тебе о последних днях твоего отца, которому удалось последний раз в жизни хорошее – это умереть в моём доме, окруженному любовью и лаской и уходом моей милой семьи. Последние дни он всё говорил, что я всё сделал, что мог, хорошо ли или нет, этот вопрос разрешить не могу, но хотел хорошего. Измученный условиями жизни, <...> он уже с января больной ходил на службу едва-едва и даже раз упал на снег и неизвестно, сколько пролежал на нём; все боялся, что прогонят со службы...».

Младший брат Олег в письме от 12 сентября 1923 г. написал о смерти отца Оресту в Японию так: «Сообщаю тебе печальную новость <...> 4 сентября в три часа скончался папа. О катастрофе Японии³ ему не сообщали, да со 2-го он был в полусознательном состоянии».

Олег Плетнер (1893–1929), был младше брата Ореста на год, специализировался как историк и экономист, в частности, занимался японским аграрным вопросом, неоднократно бывал в Японии. В 1922 г. был выслан из Японии, как писал потом сам Олег, «за коммунистическую пропаганду». Как и все Плетнеры, перед революцией он, возможно, сочувствовал анархистам – о том свидетельствует, например, включение в соответствующий «Общий список социалистов и анархистов – участников сопротивления большевистскому режиму (25 октября 1917 – конец 30-х годов)» [7]. Видимо, после революции он одно время принадлежал к военной разведке: в электронном проекте «Хронос: всемирная история в Интернете» запись о нём можно отыскать под рубрикой «Лица в штатском», где говорится, что с 1918 по 1922 г. Олег Плетнер находился «в распоряжении Региструпра ПШ РВС Республики – РУ штаба РККА», то есть состоял при Регистрационном управлении Полевого штаба Революционного Военного Совета Рабоче-Крестьянской Красной Армии [8]. Олег умер молодым, успев при этом написать около 40 работ по японоведению, от внезапно и бурно протекавшей болезни, при невыясненных обстоятельствах (об этом Оресту пишет жена Олега в одном из сохранившихся писем). В некрологе японовед и китаист, впоследствии писатель Роман Ким писал о нём: «За семь лет (1922–1929) О. В. сделал то, что

³ Речь идёт о Великом землетрясении в Канто 1 сентября 1923 г.

иной учёный не может сделать за всю свою долгую жизнь: создал плеяду молодых японистов – практических работников на Востоке, подготовил академическую смену, написал ряд любопытных и остроумных исследований по японской филологии, истории литературы и театра, опубликовал ряд популярных работ по Японии и, наконец, положил начало планомерному изучению экономической истории Японии, в частности аграрного вопроса» [9, с. 381–383].

О представителях этой семьи можно говорить подробнее, пока же ограничимся этим и приведём отобранные мною письма В.И. Плетнера и Олега Плетнера к Оресту, приходившемуся им соответственно сыном и старшим братом. В публикации сокращены некоторые частные семейные подробности, а также сообщения о неизвестных персонах, если они не имеют отношения к истории японоведения или к социально-политической обстановке.

Как мне представляется, ценность этих писем, прежде всего, историческая, это подлинные документы эпохи, написанные представителями российской интеллигенции начала XX века. Из писем отца и брата Ореста Плетнера в Японию можно представить себе, в какое положение попал Орест, ещё в самом юном возрасте оторванный от семьи и от родины и при этом чувствующий свою неразрывную связь с семьёй и свой долг по отношению к родным, внезапно попавшим в воронку исторического катаклизма. Мы узнаем, например, что Орест хотел даже немедленно вернуться, чтобы не бросать своих близких перед лицом надвигающейся беды, обдумывал возможности их переезда в Японию. И до конца своих дней он подчёркивал, что он – не белоэмигрант.

Письма Ореста Плетнера к отцу, насколько мне известно, не сохранились, поэтому только по письмам, обращённым к нему самому, мы можем судить о его реакции на события в России и в его родном доме, который его отец в письмах называет «гнездом» и который не пощадила история.

Письмо от отца

№ 58 2го августа 1917 г.

Дорогой Орест!

Что-то остановились от тебя письма, а я так радовался, что получал их часто. Твою табачную просьбу пока исполнить не могу, т.к. не только нет очереди, но нет ни папирос, ни табаку у «Режи»⁴, да, кажется, и в Петрограде для частного покупателя. Как только появится, то постараюсь. Жизнь здесь всё более и более осложняется: разбирают вопрос о выселении из Петрограда и об остановке учения. Написал бы Олегу через тебя, чтобы употребил даже невозможные средства, чтобы задержаться в Японии, но думаю, что теперь поздно уже писать, и он так или иначе решил свою судьбу. Денег я ещё не перевёл, полагаю сделать на днях, сейчас очень занят бесконечным спором с Управою и осложнениями в новом типографском деле. Внезапно появилась у меня кухарка Дуня, выгнали с места, ибо, конечно, она думала, везде можно так, как у нас, что вздумает, то и делать; но платя много, обыкновенно, требуют весьма много.

Уже объявлено, что в Университете лекции начнутся не ранее 1го октября.

Вообще доигрались.

Твой В.П.

Письмо от отца

№ 61 13 августа 1917 г.

Дорогой Орест!

Пишу тебе письмо уже без отношения к Олегу, т.к. получил от него из Харбина телеграмму; следовательно, он числа 20го будет у нас. Сознаю тебе, что этим обстоятельством я весьма опечален, и почему-то мне кажется, что он не употребил достаточно энергии, чтобы удержаться в Японии. Я, конечно, желал всегда, да и желаю, чтобы все мы постоянно были объединены и жили бы вместе, но, с одной стороны, здоровье Олега, а, с другой, у нас творится что-то невероятное, а при его положении, полувоенном, полугражданском, совсем худо. Ко всему этому следует добавить, что на днях и хлеб будет весьма затруднительно доставать. Пока от тебя из Японии нет известий; вероятно, первые привезет Олег, так как, я думаю, что он встретился с тобою, лучше сказать, ты застал его в Токио. Мои дела в очень ещё вопросительном положении. С типографией могло бы наладиться, если бы не «товарищи», они ставят палки в колёса и выходит ни себе, ни людям, пока ещё надеюсь пустить дело в ход; других дел не имею, да и добыть едва ли возможно, ибо всё и везде у нас останавливается. В Городском Управлении по-старому, я министр без портфеля, 20го будут новые выборы, и приблизительно к этому же сроку и совсем придётся покинуть Городское Управление, что, конечно, ничего не меняет в моём положении. Поклонов тебе не передаю, т.к. сижусь совсем одиноким.

Твой В.П.

⁴ Известный табачный магазин в дореволюционном Петрограде.

Письмо от брата Олега

№ 20 8 октября 1917 г.

Дорогой Орест!

Наши дела ты, должно быть, знаешь из телеграмм⁵. Положение становится тревожным. Немцы заняли Эзель⁶. Положение Ревеля⁷ почти безнадежно. К Петрограду доступ открыт. Спешат эвакуироваться, и если не подступит скоро зима, то, вопрос, как говорят, лишь в том, будут ли немцы брать Петроград или нет. Т.е. захотят – или нет.

Все требуют мира и, должно быть, он будет заключён скоро. Надо думать, парнусская⁸ конференция положит конец этому разврату.

Я пока что работаю в Цензуре в качестве японского цензора и буду готовиться в Министерство иностранных дел, куда, ежели ничего к тому времени не изменится, поступлю к 1 января. (Против Вашего посольства в газетах левых ведётся усиленная пропаганда, и Крупн⁹ даже вместе с Г.А. Казаковым¹⁰ не выдержат долго. Вышибут.

Твоё университетское заявление я передал С.Г. Елисееву. Он нашёл, что, может быть, его не следует подавать, т.к. оно написано не совсем гладко и с многими промахами, а затем уже совет Университетский, вернее, факультетский, имел место и было решено признать за Тобой право остаться при университете, т.к. предполагается, что если, почему-либо, Ты университету понадобишься, то Ты всегда, по первому его требованию, покинешь посольство и вернёшься в Alma Mater. Относительно оставления за тобой the money кажется слабо, но ещё не определённо. Рамминга уже решено вычеркнуть и поставить на Black list, дабы неповадно было. В совете общества или, вернее, японской секции общества Востоковедения Елисеев предложил мне и Конраду заместить выбывших Тебя и Рамминга. Совет, кажется, in corpore войдёт в союз печати при Совете Крестьянских Депутатов по контролю над сведениями из Японии, но это ещё не решено, а потому надлежит хранить в секрете.

Мне предложили прочесть доклад о рабочем движении в Японии к январю – если к этому времени Петроград не возьмут немцы – прочту.

Министерство иностранных дел, может быть, будет эвакуировано в Москву. <...>

Пишу я из Цензуры, делать особо нечего, т.к. Японские письма бывают редко, больше открытки, написанные по стереотипу.

Занимаюсь я по-Японски с одним Японцем Iwai san, довольно милый господин, хорошо одет – я его обучаю по-русски. Я читаю с ним книги по японскому рабочему вопросу, в котором он, к сожалению, понимает очень слабо. Он же «изучается историей» и довольно сносно читает, но в разговоре не силен, сбивается всегда на японский.

⁵ Имеются в виду оперативные сводки в газетах о ходе Первой мировой войны.

⁶ Остров Эзель, ныне Сааремаа, – самый большой остров Эстонии и Моонзундского архипелага.

⁷ Прежнее название Таллинна.

⁸ Имеется в виду г. Пярну (до 1917 г. назывался Парнов). Конференция, скорее всего, не состоялась в связи с революцией в России.

⁹ Прозвище В.Н. Крупенского, который в 1916 г. был назначен послом в Японию. После Октябрьской революции 1917 г. оставался на своём посту в качестве «посла без правительства», так как большевистское правительство сначала не было признано Японией, и даже был избран дуайеном дипломатического корпуса.

¹⁰ Руководитель Дальневосточного отдела МИД императорской России.

Я тут занялся ещё писательством в крайне левых газетах. Недавно была помещена статейка о рабочем вопросе в Новой Жизни. «Новую Жизнь» с этой статьёй прилагаю. <...>

Олег П.

Письмо от отца

№ 72 23 октября 1917 г.

Дорогой Орест!

Хотя я и знаю, что находишься в настоящее время в лучших условиях, чем мы, но грущу, что далеко от нас. Много есть вопросов, которые при наличности твоей были бы яснее. За прошедший год ты уже показал себя с серьёзной стороны и много дельных советов вносил в мои планы.<...>

Политическая теперь у нас неделя «о Верховском»¹¹, ты, конечно, давно уже это знаешь, да кое-что есть и в посылаемых тебе газетах. Здесь идёт лихорадочная работа по агитации в Учредительное Собрание; я втянут опять. Много равноправия женщин. Однако думаю, что Учредительное Собрание будет сорвано, уж очень у нас напряжён воздух. Всё это пишу тебе зря, ибо, когда дойдёт до тебя это письмо, события скакнут ещё века на два вперёд. Мой взгляд ты знаешь, и заключается он в том, что голодному нельзя давать есть вволю, тогда смерть его неизбежна, у нас же 68 % населения думает ещё, что мир на трёх китах покоится, а прочитать о существующем не может, по той простой причине, что читать не умеет. И вот эту-то массу пускают учить Европу. Результат очевиден – дохождение России до второстепенного государства. <...>

Уже сахар иссяк, хлеба дают по 1/2 фунта на человека, <...> мясо покупаем около 3 р. за фунт. День теперь обходится, не считая квартиры и топлива, до 20 руб. Вот тут и живи, как знаешь!!! <...>

Тебя целуют Ника, Юра и Олег. Юра работает в лаборатории в университете и слушает лекции, которые пока что начались.

Твой В.П.

Письмо от отца

№ 73 3го ноября (с. с.) 1917

Дорогой Орест!

Мы получили от тебя письмо от 19го ноября нашего стиля и к удивлению в срок, и ещё большее удивление, что вообще получили, ибо оно переполнено такими выражениями, что по нашим временам недопустимо. Пока у нас царство Ленина и Троцкого. Ужасы повсюду; видимо, у нас в Петрограде легче, чем в других местах, и не сладко живётся только из-за невероятной дороговизны, причём мои заработки приравнялись к нулю, так как во всех ведомствах и частных делах идёт разгон служащих, а приём новых обусловлен так, что согласиться значит отказаться от самого себя.

¹¹ Александр Иванович Верховский – с 30 августа (12 сентября) 1917 г. военный министр Временного правительства, 1 сентября (14 сентября) 1917 г. произведён в генерал-майоры. 18 октября (31 октября) 1917 г. на заседании Временного правительства выступил за заключение мира с Германией, но не получил поддержки остальных членов правительства.

Учительство я продолжаю, но Катюня давно приостановила платежи. Олег служит в цензуре по расчету 10 руб. в сутки, да я всё ещё получаю за охрану типографии; вот эти-то крохи и поддерживают существование, подкрепляемся из капитальной суммы, которая, конечно, тает; но так как ты знаешь, что сия капитальная сумма ничтожна, то и возможно дойти до краха. Всё же ты из Японии ничего не переводи. Я тоже лишён возможности (пока) переводов тебе. (Перевёл только 500 р., хотя в теперешнем Министерстве служит Поливанов, но он ведёт себя с такою неопределённостью, что через него даже Олег затрудняется действовать.) <....>

У нас сейчас начались винные погромы: расхищают и громят погреба. Меры приняты, но приехавшие приемлют, и успокоение не начинается. 11го и 12го декабря (с. с.) стрельба стояла по всему Петрограду; да и действительно опасны только шальные пули, ибо стреляют зря. Сегодня получили сведения, что японцы заняли Владивосток, так ли это, ещё не знаем. Нас теперь ничем нельзя удивить. В твоём письме высказана надежда о выходе России из всех затруднений, я же считаю, что Россия скончалась. Исходя из этого, мы с Олегом думаем предпринять шаги о назначении тебе стипендии от Университета – учёные нужны всему миру, а дипломатия только существующему государству, да и думаем, что жалование вам перестанут посылать. Ты также пишешь о проекте переселения всех нас в Японию и хлопотах твоих через Степанова; что же, продолжай; сие ничему не помешает. Мы тоже часто об этом говорим, но обстоятельства кругом меняются с такой быстротою, что всякая планировка является фантастичной.

<....> Буду писать тебе часто, как и прежде.

Твой В.П.

Письмо от отца

№ 74 4 ноября 1917 г.

Дорогой Орест!

Пишу не с вализою¹², ибо думаем с Олегом, что вализа не тронется с места, т.к. министерство ваше почти сплошь подало в отставку, а вообще творится такая история, что в истории народов будет озаглавлено: «самоубийство огромного государства». Газеты собраны для тебя за это время, но они однобокие, т.к. свобода печати оказалась понятие весьма относительное. Живётся очень плохо, но думаю, что личная безопасность сравнительно обеспечена, однако нищета и голод грозит, вне сомнения, и нашей семье. От тебя нет давно писем, конечно, это не от твоей воли, а от почтовых и всяких иных осложнений. Я не забыл твоего дня ангела и поздравляю от себя и от всех наших. Запоздало, это верно, но я всё думал, что можно будет сие сделать обстоятельнее с вализою. <...>

Перевод тебе денег (250 р.) в ноябре неминуемо затянется, т.к. не узнать точно – дойдёт ли. Сейчас министерство ваше за отсутствием лиц ничего не принимает. Тебя целуют Ника, Юра, Олег и Митька и кланяется нянька.

Твой В.П.

¹² Т.е. с дипломатической почтой.

Письмо от брата Олега*[16 декабря]**Дорогой Орест!*

От Тебя недавно получили письмо, Ты как-то странно оптимистически смотришь на происходящее. Оптимистически смотришь на ход Твоих дел. Ты, кажется, вполне уверен, что наше новое правительство будет изъято из употребления очень скоро и что на смену ему явится то же временное правительство. Это совершенно неверно. Лично я думаю, что реакция неизбежна, но, чтобы этот последний акт русской трагедии был в одном действии, очень сомнительно. Не думаю также, чтобы Ты и Твои коллеги по посольству могли бы продержаться на своих местах сколь-либо продолжительное время. Прилагаю вырезку из «Правды» о «Республиканском после Крупенском и его присных». Посольству в Токио, как мне известно, была послана телеграмма Поливановым, согласны ли вы продолжать нести свои обязанности при большевиках. Ответа не последовало. Вследствие этого вам прекращена высылка содержания. Крупенскому было предложено в случае, [если] он не согласится остаться временно послом, передать свою должность первому из чинов посольства, на это согласному. Дальневосточная пресса держит вас из-за биржевых спекуляций в кругу сообщений безусловно ложных. Говорит о поражении Большевиков, как о факте совершившемся, оснований нет никаких. Большевики пользуются огромным влиянием на массы. Восстание Керенского было полным крахом коалиции. Восстания Корнилова и Каледина осуждены на неудачу. Восстановить армию нельзя: её нет. Она разошлась по домам. Державы «Согласия» фактически находятся в сношениях с М.И.Д. Вопрос за учредительным собранием. Оно будет считаться с миром, как с фактом свершившимся, а земельную программу Большевиков оно признает, т.к. более 3/4 собрания социалисты. Как только «учредилка» соберётся, с Россией станут разговаривать державы. Власть предрержающая поправеет, конечно, но надежды на возврат к прежнему «Керенскому порядку» никакой нет. Не исключается возможность чёрной реакции, но и она не сможет пройти в несколько дней. По всем этим соображениям я бы советовал быть крайне осторожным и не особенно доверять японским газетам.

В М.И.Д. я бываю, но от всякого участия в его делах отказался, хотя в принципе вполне согласен с уничтожением тайной дипломатии. Разрушительная работа большевиков великолепна. Может быть, легче будет строить после них.

№ 82 [Приписка на письме Олега Плетнера от отца, В.И. Плетнера]*16 декабря нашего стиля*

Дорогой Орест, мы получили от тебя письмо от 30го ноября, вероятно, нового стиля, в двух открытках. Мне представляется весьма странным твоё желание попасть в Россию, а в частности к нам в Петроград. Конечно, ты не сомневаешься в нашем общем желании видеть тебя и с тобою вместе бороться со всеми осложнениями; но у нас начинается форменный голод, да кроме того и идёт невообразимая чепуха, т.ч. если было бы возможно, то и мы удрали бы куда-либо; так что на твоём месте я ни в каком виде не старался бы покинуть Японию; в случае даже если тебя лишат заработка, то и тогда ты на месте (Япония) с твоими знаниями найдёшь заработок. Сюда ехать безумие. Пока мы все

благополучны. Ты написал, что не получил денег, но и мы через Мин-во Ин. Д. перевели тебе 500 р., и Заварзин перевёл тоже 500 р. в благоприятствующей валюте.<...> Пока приходится быть с тобою в контакте только путём почты. Хотя Поливанов теперь играет огромную роль в вашем Мин-ве, но ничего нам не оказывает. Теперь перестал и бывать, впрочем, он очень занят. С ним общение теперь и иметь страшно, ибо ему не протягивают руки прежние соратники и на поле науки, и на поле службы в М-ве.

<Письмо оборвано>

Письмо от брата Олега

5 февраля 1918 г.

Дорогой Орест!

От Тебя что-то слишком долго никаких писем. Почта же из Японии идёт довольно аккуратно. Мы все не можем это никак объяснить. Никаких распоряжений о конфискации корреспонденции бывших представителей России нет. Осторожность однако требует, чтобы в письмах не особенно ругаться, т.к. письма с тенденциозно политической окраской задерживаются. Мне бы особенно хотелось получить от Тебя известие относительно тех справок, которые я Тебя просил навести. Сейчас у меня есть некоторая возможность выбраться на восток, что, должно быть, будет мной использовано. Как только выеду, дам Тебе на всякий случай телеграмму. Предполагаю сперва взять курс на Владивосток. Хотелось бы конечно к приезду туда иметь сведения о возможностях в Японии. Получишь Ты это письмо, по всей вероятности, тогда, когда я буду уже в пути или, во всяком случае, близко к этому. Может быть, можно было написать на имя профессора Спальвина с просьбой передать мне. Конечно, может быть, моя поездка ухнет, но в таком случае я тебя сразу поставлю в известность.

Русский рубль ещё падает, поэтому Твоя операция денежная должна быть признана неудачной, если переменял обратно, только выиграл. Ты, по всей вероятности, читал наше творчество в виде декретов по финансам. Надо понимать, что наше Петроградское правительство, безусловно, назад не пойдёт. Выхода из создавшегося положения нет. Советская власть в таком виде удержаться может лишь тогда, когда в Берлине будет правительство Либкнехта. Мировая революция или торжество капитализма в России. Трудно сказать, каковы будут результаты, но с уверенностью можно сказать, что пока у нас снова не поднимет голову капитализм, все русские ценности на международном капиталистическом рынке будут очень низки, и всякому небезумному игроку, желающему сорвать миллионы, конечно, всякому, кто не верит в торжество мировой революции, держать свои сбережения в русских деньгах странно.

В Петрограде ждём голод. Трудно предположить, что полная демобилизация не даст осложнений. В связи со всем этим идёт безумная спекуляция. Против неё бороться бессильны власти. Торгуется все. Купить можно всё, что угодно, и все голодны. Цены всё растут, конечно. Конина, которую мы едим, стоит уже 2 руб. фунт. Сахар 12 рублей, а одновременно у «Медведя» можно пообедать, как в мирное время, с вином за 150–200 рублей. (Конечно, с одной-двумя бутылками красного или белого. Другие вина много дороже.) Мы с Сымановичем были недавно у Медведя и заплатили за обед из двух блюд «а ла карт» и

сладкого 168 рублей без чаевых. Вина не было. Вот куда идут продукты, но, должно быть, и этого скоро не будет. На востоке, говорят, жить легче. <... >

Как себя чувствуют твои коллеги? Как Бароны? Должно быть, у всех достаточное количество ен¹³ на счетах в Роа гинко. Крупенскому без японских войск не рекомендуется въезжать в Россию – расстреляют. Будет весело. Но для расстреливаемого это неприятно. У нас все наши контр-революционеры с большим нетерпением ждут и немцев, и японцев. Слухи распускают самые невероятные. Ты, конечно, знаешь, что состояние войны между Россией и Союзом¹⁴ прекращено без всяких мирных договоров. Это первый случай, кажется, впрочем, в истории диких племён, может быть, и бывал, но этим не следует смущаться. Как развернутся события дальше, трудно себе представить, интересно было бы узнать, что говорят наши друзья японцы. Но кто бы ни взял верх, какая бы партия ни восторжествовала, жить в России для всех – и для пролетария, и для буржуа – будет не в одинаковой степени, но все же трудно. Лучшие где-нибудь мирно служить в банке или в магазине в Шанхае, чем быть министром иностранных дел в России. Здесь ещё долго не будет нормальной жизни. Сражаться же все устали, и очень немного людей, изнасилованных 4-летней бойней, пойдут снова на верную смерть из-за синей птицы – социализма. При самом лучшем отношении к интернационалу всё же невольно думается, что ведь это только первая открытая попытка провести в жизнь принципы социализма (не считая мертворожденной парижской коммуны), где же было, чтобы первые шаги были удачны. Надо принять в соображение сплочённость и силу капитала. Буржуазия, конечно, напрасно винит в подкупности наше правительство, серьёзная часть её этого и не думает, но и советская власть вполне сознаёт, что сделано ими сверх ожиданий много, что дальнейший успех почти невероятен, но покамест правительство держится взгляда, что из-за этого почти стоит работать. Иного взгляда и быть не может, если принять во внимание, что для советской власти отбоя быть не может.

Ну, кланяйся всем своим. Может быть, скоро увидимся, поедим в Хонкане. Выпьем sake.

Олег

На письме Олега Плетнера имеется следующая приписка от отца, В.И. Плетнера, с номером отправления

№ 90 5/18 февраля 1918 г.

Дорогой Орест!

Мы чрезвычайно долго не имеем от тебя писем, так что очень встревожены, потому и пишем Невскому¹⁵. Олег, вероятно, пишет тебе о своих соображениях, и, присоединяя газетные сведения, ты заключишь, в каком мы безысходном котле кипим. Кругом полное разорение наших друзей, конечно, и нас. Голодаем изрядно. Я стал бегать по урокам, как студент; но пока нам поддержка из Токийского ресурса не нужна, всё равно не пропустят,

¹³ Т.е. иен.

¹⁴ Имеется в виду Тройственный Союз, которому в составе Антанты противостояла царская Россия.

¹⁵ Сверху на письме другим почерком надпись «Для О.В.П.». Возможно, что приписка сделана Н.А. Невским, с которым Орест Плетнер одно время вместе квартировал в Токио.

а когда будет нужна, известим. Главное, здоров ли ты. Пиши. Тебя целуют Ника и Юра и кланяется нянька и М-Ие. Последняя в ужасном положении, проживает последний рубль, не пускают в Балтийский порт, а уроков, конечно, никто не берёт, ибо учиться прекратили.

Твой В.П.

[К этой приписке В.И. Плетнера есть подчеркнутая приписка его же: «Ничего в рублях, всё в йенах»].

Письмо от отца

10/23 февраля 1918 г.

Дорогой Орест!

Письмо твоё от 24 ян. н.с. получили 22 ф. того же стиля, следовательно, довольно своевременно. Это письмо посылаем оказиею, т.к. все посольства отъезжают из Петрограда в Японию, и там должны быть отправлены по своим отечествам. У нас творится что-то совершенно не сообразное, о чём ты, вероятно, точнее узнаешь от выезжающих к вам друзей. Большевики явно погибли, хотя ещё властвуют, но нет никакого сомнения, что даже дни их сочтены; теперь везде на улицах, площадях, частных домах шлют им проклятия и явно грозят им. Немцы взяли Двинск и скорым маршем двигаются в трёх направлениях, одно из них на Петроград; но здесь у нас все кругом ждут их без негодования и по крайней мере совсем равнодушно. Объявлена священная война «защита Красной Армиею Красного Петрограда»; я же думаю, что такой армии не существует и не создать, и это является последними «красными» словами губившего Россию последнего правительства. Моё предсказание, сделанное ещё в бытность твою в России, сбылось с пунктуальной точностью: последний акт всей этой комедии оказалось иностранное вмешательство. Опасаемся, конечно, погромных случайностей, которыми всегда сопровождается вход неприятеля, как то было в Варшаве, Риге и т.д., однако бежать некуда (имение наше разгромлено), да и нельзя за бездействием железных дорог; хотя Олег через 10 дней собирается уезжать в Японию, но он будет иметь командировку, да ещё двинется один, тогда, может быть, и доберётся, чего, впрочем, тоже предсказать ещё нельзя. Здесь он много работал, и, главное, учился жизни, ибо приходилось быть меж двух огней. Я, конечно, жалею, что он едет, из эгоистических побуждений, т.к. он сильно помогал в нашей полуголодной жизни: не то чтобы тратил на эту жизнь, но был всегда с большими деньгами, чем и давал мне возможность изворачиваться, почти при отсутствии заработка. Кроме того, и веселее было от сознания, что нас больше, дома-то он бывал почти что на один обед. Дела мои (так, как и других учившихся граждан) весьма неважные: надежда на заработки плоха. <...> Если доедет в Японию Олег, он расскажет о нашем печальном житье. Нужно мне искать какой-либо выход, т.к. в этой квартире и тем же масштабом жить уже невозможно, а помощь от вас, во-первых, гадательна, а во-вторых, и посылать её невозможно, по дороге используют. Ещё напишу тебе об Е.Д. Поливанове: он серьёзно заболел и вышел из вашего министерства окончательно, выходит, что только испакостил себе будущее, хотя говорят, что и болезнь его – сухотка спинного мозга – роковая и краткосрочная. Тебя целуют Олег (вероятно, сам напишет), Юра и Ника, кланяется нянька, которая везде, где только может, скандалит против большевиков, но

дома у нас ведёт себя героически, буквально всё делает одна, ничего не требует и не затевает никаких историй.

Твой В.П.

Письмо от отца

№ 92 24 февраля/8 марта 1918 г.

Твоё письмо от 9 февраля н.с. мы получили 9 марта н.с. и то слава Богу. У нас произошло кое-что новое, а именно – Олег выехал 5 марта н.с. в Японию через Владивосток; когда попадёт к вам и попадёт ли – не знаю, т.к. едет с поручениями от правительственных учреждений (Арт. Упр-ия и Почтового Контроля), но насколько будет признан на местах, не ведаю. Во Владивостоке он должен пробыть около двух недель, так что думаю, что это письмо придёт к тебе раньше, чем он сам. Однако и за это нельзя поручиться. О наших политических новостях тебе писать не стоит, ибо когда это письмо придёт к тебе, будут ещё перемены и, полагаю, огромные, даже Олег привезёт тебе устаревшие новости. Мир?!?! и Война?!?! что-то небывалое. Полагают, что в Петрограде будут немцы, но мы уже оупели и уже не чувствуем ударов палок; конечно, доктрины большевиков сулили рай, а «оборвалась цепь великая, оборвалась и ударила одним концом буржуазию, другим же пролетария»¹⁶. Из Петрограда уже выехала большая часть правительственных учреждений, говорят, что сегодня выезжает и двор (Ленин с Великими... и проч.). Моё мнение, что личная безопасность по-прежнему стоит в зависимости от случайности, т.ч. не особо велика. Вот голодовка грозит. Твой план переезда всего нашего гнезда в Японию не осуществим по простой причине – отсутствие денег. Олег советовал то же, но свой отъезд обставил так, что даже Нику нельзя было отправить с ним. Кроме того, он увёз и деньги, не только свои, но и наши, ибо жил здесь более полгода, не неся никаких расходов, получал же довольно порядочно; я считал бы это в порядке вещей, если бы он не видел ту ужасающую дороговизну, которая царит у нас, а также полную мою изоляцию от всяких получений. Тяжело и огорчительно наблюдать в своих крайнюю эгоистичность, при которой мне для самосохранения приходится изобретать сверхмеры и по моему складу нежелательные, а ничего не поделаешь.

Ну об этом как-либо после. Вчера у меня был Заварзин и справлялся о вализе, с которой ты послал 790 р. Я, конечно, ничего не мог сказать, но завтра справлюсь, думаю, что деньги эти давно обслуживают «товарищей». Чудак же ты! Ведь, конечно, следовало держать всё в йенах и хранить до более благоприятного момента. Кстати: ничего в рублях, всё в йенах. Поэтому и наши деньги пока никак нельзя направлять нам ни при какой okazji. Будет ещё время, пока придётся стучать в это окно. Из твоего письма узнал, что ты был болен, сие не ладно: оберегайся, а главное – не увлекайся питием и курением, случайностей будет меньше, а с ними и заболеваемости. Тебя целуют Юра и Ника. Нянька кланяется.

Твой В.П.

¹⁶ Видимо, здесь пародийный парафраз фрагмента поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в котором речь идет об отмене крепостного права:

Распалась цепь великая,/ Распалась и ударила, —/Одним концом по барину,/ Другим — по мужику.

Письмо от отца

16/29 апреля 1918 г.

Дорогой Орест!

<...> Прежде всего горюю, что ни от тебя, ни от Олега не имеем известий целую вечность. От тебя сравнительно недавно проскочило письмо, но написанное тобою уже очень давно на имя Олега, к сожалению, написано оно по-японски сплошь, и мы, ясно, ничего из него не извлекли, а просить перевести у Елисеева или Поливанова не решились, т.к. степень секретности содержимого не знаем. Здесь у нас все ожидают каких-то решающих событий, но их нет, как нет, а вот голод уже пришёл: есть почти что нечего, хлеба пока получаем 1/8 ф. в день на человека, и то по газетам видно, что [это] будет продолжаться не более недели, а там стоп, и как раз Пасха. Было бы понятно голодовка «буржуев», а ведь она поголовная. Из Петрограда началось бегство, но и это, по моему мнению, ошибка, ибо голодать везде одинаково губительно, в Петрограде относительно более гарантирована личная безопасность. Всякий дальний выезд нам совершенно невозможен из-за денежных затруднений, а также и за невозможностью разделить с домашним имуществом, да и с надеждами на заработки. Наступают весьма тяжёлые праздники, тяжесть будет особенно чувствительна, т.к. сидеть будем глаз на глаз друг с другом, обязательные служебные и учебные уходы отпадут, причём недоедание и недописание будут особо чувствоваться. Представь, мы и теперь чай пьём с мятой свеклою, а и свекла теперь стоит 1р. 80 к. фунт. Вообще положение отвратительное. На третий день Пасхи Юра собирается ехать в имение, и если окажется, что там можно будет просуществовать, то Юра, Ника и нянька собираются туда поехать на лето; я же обречён сидеть, вероятно, и голодать один в Петрограде, т.к. добывать денежные, хотя и паршивые, знаки, только возможно для меня. Кстати, формула та же: ничего в рублях, все в йенах.

<...> Если Олег с тобою, доведи до его сведения письмо. <...>

Ваш В.П.

Библиографический список

1. エルマコーワ・リュドミーラ 「プレトネル先生とエリセエフ先生のある手紙について」『日露交流文集』在日ロシア人研究会 東京 2002 年.
2. エルマコーワ・リュドミーラ 「谷崎潤一郎の未発表の書簡と来日ロシア人達。オレスト・プレトネル等」『国文学』 東京 2002 年 8 月号.
3. Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, Series Minor, Studia Historica, 2005.
4. Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX века. Биобиблиографический словарь / Ком. по культуре и туризму администрации Алт. Края; Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; Алт. краев. Рос.-Нем. Дом ; [сост. М.Л. Борцова и др.]. Барнаул, 2000.

5. Геологическая экспедиция в Алтайский округ. Отчёт Кабинету Его Величества о геологической экспедиции в Алтайский округ летом 1894 г. / А.А. Иностранцев, П.Н. Венюков, В.И. Плетнер Б.м., б.г. 154 с.: ил.; 3 л. карт.

6. *Плетнер В.И.* О картографии Алтайского округа // Труды геологической части Кабинета Е.И.В. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1895.

7. Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/slovnikreg/> (дата обращения: 08.07.2017).

8. Лица в штатском. 1917–1991. Библиографический указатель. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kgb_p.php (дата обращения: 08.07.2017).

9. *Ким Р.Н.* О.В. Плетнер // Новый Восток. Кн. 25. М., 1929.

Поступила в редакцию 11.07.2017

Автор:

Ермакова Людмила Михайловна, доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ (Япония), преподаватель университета Рицумэйкан (Киото). E-mail: ermakova@gol.com

Selected Letters from Orest Pletner's

L.M. Ermakova

This paper contains a brief biography of Professor Orest Viktorovitch Pletner (1892-1970), one of the pioneers of Japanese studies in Russia who had lived and worked in Japan and had been awarded the Japanese Order of Culture IV Class for his scientific and educational work. The paper also presents materials from the scholar's archive - the letters from Petrograd from his father, V.I. Pletner, and his younger brother, Oleg Viktorovich Pletner, also a scholar of Japanology.

These letters are important documents of the history of Russian Japanese studies, mentioning such prominent Japanologists of the past as N.A. Nevsky, Ye.D. Polivanov, N.I. Konrad. At the same time, they are a lively response to the events that happened in Russia in 1917–1918.

Keywords: The history of Russian Japanology, Prof. Orest Pletner, Oleg Pletner, V.I. Pletner, publication of archival documents.

Received 11.07.2017

Author:

Ermakova Liudmila M., Ph.D., D. of Lit. Professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies; lecturer of Ritsumeikan University (Kyoto). E-mail: ermakova@gol.com

Сато Наотакэ: путь дипломата

О.А. Добринская

Статья посвящена биографии Сато Наотакэ, видного японского дипломата и государственного деятеля. В России он больше известен как последний посол милитаристской Японии в СССР, однако его деятельность имеет гораздо больший масштаб. Н. Сато стал свидетелем наиболее драматичного периода японской истории, принимая участие во многих международных событиях, определивших развитие Японии до 1945 г.

Ключевые слова: Сато Наотакэ, дипломатия, Япония, Россия, СССР, Лига наций, Вторая мировая война.

Судьба Сато Наотакэ неразрывно связана с Россией и Советским Союзом. В Петербурге он начал свою заграничную карьеру молодым атташе, а через много лет завершил ее послом в Москве, приняв ноту об объявлении Советским Союзом войны. Имя Н. Сато известно в России, прежде всего, как последнего посла милитаристской Японии в СССР, однако его дипломатическая и политическая деятельность гораздо шире и многогранней, о чём и хотелось бы рассказать в этой статье.

Детство и юность: от Танака к Сато

История семьи, в которой в 1882 г. родился Танака (Сато) Наотакэ, восходит корнями к самурайскому клану Цугару из префектуры Аомори. Согласно семейному преданию, в период Тэнсё (1573–1586) родоначальник рода, Танака Тарогоро, пожертвовал жизнью ради своего хозяина Цугару Тамэнобу. В благодарность за это хозяин посмертно присвоил ему звание «Соуэмон» (охранник правых ворот), а его потомки из поколения в поколение продолжили быть вассалами Цугару вплоть до реставрации Мэйдзи.

Отец Наотакэ – Танака Конроку, наряду с самурайским и западным образованием (Рангаку), также учил русский язык у православного священника отца Николая в Хакодате (предположительно, это был Николай Касаткин). К. Танака даже собирался поехать учиться в Россию, однако его планы нарушила гражданская война годов Босин, в которой он принял участие. После войны Танака-старший поступил на службу в полицию, где и занимал высокие посты в разных префектурах.

В 1903 г. Танака Наотакэ был усыновлен семьей Сато Ёсимаро, давнего друга семьи Танака. Поскольку в семье Сато не было наследника по мужской линии, Танака Наотакэ по

настоянию родного отца принял новую фамилию, а в январе 1906 г. женился на дочери Сато Ёсимаро – Фуми.

Сато Ёсимаро всю жизнь проработал в Министерстве иностранных дел, где дослужился до высоких постов, в том числе был послом в США. Он и посоветовал Наотакэ сдать экзамены на дипломатическую службу. Юноша без особого энтузиазма отнёсся к идее работать в министерстве, поскольку был нацелен на карьеру в бизнесе, для чего после школы поступил в Токийскую высшую школу коммерции (сейчас это университет Хитоцубаси). Тем не менее, он согласился с мнением отца и сдал экзамены для поступления на дипломатическую и консульскую службу, пройдя строгий отбор, который определялся сложностью экзаменов и небольшим числом вакансий: до начала Первой мировой войны ежегодно в МИД поступало около 7 человек. Среди тех, кто поступил в МИД почти одновременно с Н. Сато, были Мацуока Ёсукэ, Хирота Коки и Ёсида Сигэру.

Первая командировка: из Санкт-Петербурга в Харбин. Знакомство с Россией

Первым назначением молодого дипломата стала недавно открытая японская миссия в России. В марте 1906 г. Н. Сато прибыл в Санкт-Петербург, где и провёл восемь с половиной лет. Н. Сато был помощником временного поверенного, а затем посла Японии в России Мотоно Итиро.

По воспоминаниям современников, Н. Сато был любимым учеником И. Мотоно и повсюду сопровождал его [10, р. 25]. Личность и образование И. Мотоно, искусного и космополитичного дипломата, обладавшего хорошими манерами, получившего образование во Франции и женатого на француженке, позволили ему успешно вписаться в жизнь российского высшего общества и добиться успеха в налаживании дипломатических связей. Сам Н. Сато вспоминал работу с И. Мотоно как бесценный профессиональный и человеческий опыт.

В Петербурге Н. Сато брал частные уроки русского языка и французского, который в то время фактически был вторым языком в стране, на котором разговаривали в свете, и прекрасно овладел этими языками. В будущем его жизнь будет не раз связана и с Россией, и с Францией, а со временем он приобретёт репутацию франкофила.

В России Н. Сато дослужился до второго секретаря посольства, а в сентябре 1914 г. он был переведён на консульскую работу в Харбин, где с июня 1917 г. стал генеральным консулом. В Харбине в то время проживало 3–4 тыс. японцев, атмосфера царила гармоничная, поэтому до революции работа Н. Сато была достаточно спокойной. Пригодился ему и русский язык, поскольку около 40 % населения Харбина были русскими. Город являлся административным центром КВЖД, он был основан русскими в 1898 г. и считался протекторатом России, несмотря на формальную принадлежность Китаю. По наблюдениям Н. Сато, хотя большинство жителей были китайцами, русские обладали военным и правительственным контролем, поэтому российское влияние в Харбине было таким же, как в настоящем российском городе [4, р. 116].

Ситуация в Харбине стала стремительно меняться после Октябрьской революции 1917 г., по мере того как влияние большевиков постепенно распространялось до Урала. Это вызывало тревогу у японцев, которые не только опасались распространения революции на Дальний Восток, но и инвестировали значительные средства в правительственные облигации царского правительства, а также вели торговлю с царской Россией.

Н. Сато был одним из тех, кто призывал к скорейшей интервенции Японии на Дальнем Востоке. Уже 6 декабря 1917 г., обеспокоенный сложившейся ситуацией, он писал в телеграмме посланнику Г. Хаяси в Пекин о возможной необходимости отправки в Маньчжурию японских войск. Н. Сато неоднократно настаивал на интервенции, в том числе телеграфировал непосредственно своему бывшему начальнику, главе МИД И. Мотоно, о необходимости направить японские войска в помощь китайским для противодействия большевикам. Н. Сато опасался, что Германия воспользуется ситуацией, захватит богатства Сибири и не допустит к ним Японию. Поэтому для поддержания баланса сил в Азии Японии необходимо взять на себя инициативу в осуществлении интервенции [13, р. 50]. К тому времени как японское правительство приняло решение об отправке войск, Н. Сато считал вооруженное вмешательство уже запоздалым и бесполезным [4, р. 129].

Одновременно Н. Сато занимался поиском кандидата, способного организовать антиреволюционное народное движение. В начале февраля 1918 г. он имел встречи с генералом В. Доманевским, затем вёл переговоры с атаманом Г. Семёновым, обратившимся с просьбой о военной помощи. Японцы считали, что при Семёнове Забайкалье могло бы стать стратегической базой и барьером против большевизма. Н. Сато призывал Центр немедленно оказать помощь Семёнову [13, р. 52]. Помимо этого он зондировал возможность договориться с управляющим КВЖД генералом Д. Хорватом, предлагая оказать содействие оружием и войсками численностью в 15–17 тыс. человек для помощи в организации нового правительства, однако тот отказался.

В ноябре 1918-го, после того как А. Колчак стал Верховным Правителем Российского государства, Н. Сато было предписано отправиться в Омск, где он провел почти 4 месяца. По воспоминаниям дипломата, А. Колчак в основном полагался на помощь со стороны Великобритании, США, Франции, и у дипломата создалось впечатление, что японская помощь ему не особенно была нужна [4, р. 130]. По возвращении в Харбин Н. Сато отправил телеграмму министру иностранных дел К. Утида, в которой выступал за проведение в Сибири активной политики, выгодной и России, и союзникам. Он предлагал по возможности отказаться от использования военной силы и сосредоточиться на экономических мерах по восстановлению России. По мнению генконсула, союзники должны были отвести войска из Западной Сибири, а проблемы следовало решать путём переговоров. Н. Сато настаивал на необходимости поддерживать единство России, выступая против территориальных амбиций некоторых своих соотечественников [10, р. 59].

Таким образом, уже вскоре Н. Сато начал приходить к мысли о том, что Японии следует отказаться от политики силы в отношении России. Впоследствии он укрепит в таких взглядах и станет известен как сторонник интернационализма и открытого экономического сотрудничества.

Годы в Европе

Значительная часть биографии Н. Сато связана с его работой в Европе. После окончания службы в Харбине он был направлен первым секретарём в Берн, откуда в апреле 1921 г. переехал в Париж, став правой рукой посла К. Исии. До Франции К. Исии уже побывал послом в США и министром иностранных дел, так что его назначение в Париж показывало, какую важность японское правительство придавало этой точке. Среди молодых дипломатов, работавших с Н. Сато в Париже, были будущий премьер-министр Х. Асида, М. Тани, впоследствии возглавлявший Министерство иностранных дел и дипломатическую миссию в Китае, будущий посол в Париже М. Като.

Япония, после Первой мировой войны вошедшая в число победителей, принимала активное участие в формировании новой системы международных отношений. В 1919 г. Страна восходящего солнца вошла в Лигу наций. Она была представлена, по крайней мере, на 10 международных конференциях, состоявшихся в период с 1920 по 1923 г.

Деятельность Н. Сато на поприще международных конференций сыграла немаловажную роль в его дальнейшей карьере. За время работы в Европе он не только приобрёл широкий круг знакомств, но и создал себе в европейских кругах репутацию первоклассного специалиста в многосторонней дипломатии и даже, по воспоминаниям современников, считался «величайшим японским экспертом по конференциям». Уже в начале 1920-х годов имя Н. Сато было связано с важнейшими международными мероприятиями, проходившими в Генуе, Лозанне, Гааге.

По воспоминаниям Н. Сато, именно в это время он стал проникаться симпатией к молодому советскому государству. В частности, на японского дипломата произвела сильное впечатление речь Г. Чичерина на Генуэзской конференции, его красноречие и умелое владение иностранными языками. И хотя Япония признала СССР только через несколько лет после этой конференции, Н. Сато уже тогда стал одним из сторонников скорейшего налаживания отношений с Москвой [4, p. 162].

В конце августа 1923 г. Н. Сато был назначен посланником в Варшаву. Польша недавно получила независимость, её отношения с Японией были дружескими, между ними отсутствовали сложные проблемы, поэтому и командировка Н. Сато была приятной и спокойной. К этому времени отношение Токио к северному соседу стало меняться, и в январе 1925 г. между Японией и СССР были установлены дипломатические отношения. Открывать новое посольство в Москве поручили Н. Сато, специально вызвав его из Польши. В марте 1925 г. он прибыл в Москву, где провёл четыре месяца, занимаясь организационными вопросами, в том числе поиском подходящего здания для посольства. Первая японская дипломатическая миссия в СССР разместилась по адресу «Большая Никитская, д. 43», в доме, где якобы когда-то жил генерал А. Суворов.

Дипломатическая служба в Европе сделала Н. Сато свидетелем и участником ключевых событий внешнеполитической жизни Японии. Неудивительно, что именно ему в начале 1926 г. предложили возглавить представительство Японии при Лиге наций. Первоначально Н. Сато отказался, потому что ему больше импонировала идея уехать в какое-нибудь «нецивилизованное» место. Он уже давно мечтал поработать в Южной Америке, хотя в

градации МИД она считалась почётным местом ссылки. Только вняв настоятельным рекомендациям отца, дипломат согласился на предложенный пост.

Н. Сато представлял Японию при Лиге наций с января 1927 по декабрь 1930 г. Он принимал участие в важнейших многосторонних мероприятиях того времени, таких, как Женевская морская конференция, Лондонская конференция по ограничению морских вооружений и др. Продолжал участвовать в работе Лиги наций и после назначения послом в Бельгии в декабре 1930 г.

В это время военные авантюры Токио набирали силу, продвижение японских войск в Китай вызывало международный резонанс. С трибуны Лиги наций Н. Сато неоднократно приходилось доказывать, что действия Японии направлены на восстановление порядка в Китае, однако он всё острее ощущал усиливающуюся международную изоляцию страны и фактически в одиночестве противостоял зарубежным дипломатам. Интервенция в Маньчжурии и образование Маньчжоу-го в марте 1932 г., в конечном счёте привели к разрыву Японии с Лигой наций. В 1933 г. Н. Сато вместе С. Нагаока был в составе возглавляемой Ё. Мацуока делегации на заседаниях Лиги наций, когда там обсуждался доклад комиссии Литтона, признавший образование Маньчжоу-го нарушением Договора девяти держав. Следуя инструкциям из Токио, Ё. Мацуока объявил о выходе Японии из этой организации. Н. Сато, С. Нагаока и сам Ё. Мацуока восприняли невозможность отстоять свою позицию по Маньчжоу-го и выход из Лиги наций как дипломатический провал, в то время как военная часть делегации, напротив, торжествовала [15, р. 220]. Большинство японцев поддерживали развитие событий в Маньчжурии и жёсткую дипломатическую линию Токио, пресса восторженно отзывалась об успехах японской дипломатии, а Ё. Мацуока встречали на родине как героя. Сам Н. Сато не ставил под сомнение правомерность японских интересов в Маньчжоу-го, однако выход Японии из Лиги наций считал достойным сожаления событием, не только усугубившим её международную изоляцию, но и повлиявшим на дальнейшую судьбу самой организации [4, р. 286].

Дипломатическую службу Н. Сато продолжил во Франции, когда в 1933 г. был назначен послом в Париже. Во Франции Н. Сато принял у себя своего племянника Маэкава Кунио, в будущем – известного архитектора, оказал помощь в организации его стажировки у легендарного Ле Корбюзье. Н. Сато, великолепно владевший французским языком, интересующийся искусством, культурой, активно участвующий в светских раутах, пользовался симпатией и уважением среди европейских коллег.

За годы работы в Европе Н. Сато побывал почти во всех ключевых точках и участвовал в важнейших дипломатических событиях того времени. Однако, несмотря на дальнейшие карьерные перспективы, он надеялся по окончании командировки во Францию в январе 1937 г. уйти со службы и посвятить себя научной деятельности. События на Дальнем Востоке убедили его в ошибочности силовой политики в отношении Китая. Со временем он стал приходить к выводу о том, что в интересах Японии развивать международное сотрудничество и вести переговоры с другими странами, а не пытаться обеспечить свои интересы военными методами.

На посту министра иностранных дел

Время возвращения Н. Сато из Парижа совпало с очередной сменой правительства в Токио. Политический кризис в январе 1937 г. привел к отставке кабинета К. Хирота, известного жёсткой позицией в отношении Китая и антикоммунизмом. Новый кабинет было поручено возглавить генералу С. Хаяси. Кандидатура Н. Сато, как раз завершившего командировку во Франции, оказалась подходящей на пост министра иностранных дел нового кабинета. Дипломат сначала не поверил в новость о своём назначении, полагая, что 31 год, проведённый в командировках, не позволяет считать его знатоком всех тонкостей внутриполитической ситуации. Согласился на этот пост он при условии, что ему позволят продвигать свои политические взгляды. Основные идеи Н. Сато заключались в том, что Японии следует выступать с позиций пацифизма и международного сотрудничества; стремиться разрешить конфликт с Китаем путём переговоров на равных; поддерживать дружеские отношения с СССР, а также улучшать отношения с Великобританией [3, с. 4].

Назначение Н. Сато, слывшего либералом, означало если не поворот, то, по крайней мере, некоторое отступление от прежней внешнеполитической линии. Главной задачей нового министра было смягчение негативных для Японии последствий Антикоминтерновского пакта, значение которого он старался если не преуменьшить, то, по крайней мере, не акцентировать. Уже первые речи Н. Сато были отмечены подчёркнутой доброжелательностью в отношении США и Великобритании, и даже СССР, насколько позволяла ситуация [2, p. 194].

Выступая в парламенте, Н. Сато неодобрительно высказался по поводу Антикоминтерновского пакта, считая, что Германия выиграла больше Японии от его подписания. В Берлине с тревогой восприняли речь Н. Сато, в которой пакт был назван «неизбежным злом», и говорилось, что в лучшем случае он был вызван техническими соображениями и носит полицейский характер ввиду существования Коминтерна. В беседе с германским послом Н. Сато отмечал, что «Антикоминтерновский пакт ухудшил русско-японские отношения и сделал невозможным подписание рыболовного соглашения» [6, p. 143].

Главный вектор развития японской внешней политики Н. Сато видел в участии в открытой экономической международной системе, в рамках которой страна может развивать индустриализацию и экспортную торговлю. Этим он отличался от тех, кто выступал за самодостаточность во внешней политике и поддерживал курс на военную экспансию [12, p. 37].

Прогрессивные взгляды Н. Сато приветствовались в англосаксонском мире, где их даже именовали «новым курсом» («new deal») в японской дипломатии. Если Англия и США позитивно восприняли дипломатию Н. Сато, то у Китая она не вызвала энтузиазма. Нанкинское правительство не демонстрировало особого расположения по отношению к новому умеренному политическому курсу Токио.

Сдержанной была и реакция Кремля, оценившего примирительный характер инициатив нового министра, однако не скрывавшего своего разочарования. Н. Сато считал, что существование Коминтерна является препятствием на пути улучшения японо-советских

отношений, однако, как соседу, Японии следует прилагать максимум усилий для решения проблем с СССР. В Москве заявили, что отношения не улучшатся, пока Япония не откажется от антикоминтерновского соглашения.

Неоднозначным было отношение к дипломатии Н. Сато и внутри страны. Его речи были восприняты многими как критика предыдущего курса, и ещё долгое время он подвергался нападкам за формулировки, которые высказывал в своих парламентских выступлениях. Высказывались опасения, что его примирительная дипломатия приведёт к непониманию японской политики в Китае, особенно в отношении Маньчжоу-го. В то время как Н. Сато предлагал отказаться от попыток отторгнуть от Китая северные провинции и выступал за территориальную целостность Китая, он не подвергал сомнению правомерность существования Маньчжоу-го, однако некоторые политики видели в его словах угрозу положению, сложившемуся в Маньчжурии.

Стремительное падение кабинета С. Хаяси в мае 1937 г. не позволило Н. Сато в полной мере реализовать свою внешнеполитическую программу, а его начинания вскоре были свёрнуты. В политике доминировали правые и военные, которые обвиняли Н. Сато в слабости и нерешительности, считали его взгляды излишне либеральными.

Покинув пост министра иностранных дел, Н. Сато продолжил работать в качестве советника по дипломатическим вопросам, в том числе консультировал министра иностранных дел С. Того. Его продолжали привлекать для выполнения особо важных и требующих деликатного подхода дипломатических миссий. Такой миссией стала поездка в Италию и Германию летом 1940 г., связанная с инициативой Японии по возобновлению прерванных в августе 1939 г. переговоров об усилении Антикоминтерновского пакта. В качестве спецпредставителя Н. Сато отправился в Рим и Берлин, чтобы выяснить положение дел в Европе и прозондировать намерения лидеров фашистских государств. Переговоры Н. Сато стали частью дипломатических усилий, приведших к подписанию в сентябре 1940 г. Тройственного пакта, оформившего военный союз трёх стран.

Посол в СССР

С началом Второй мировой войны дипломатический талант Н. Сато вновь оказался востребованным. В то время как Япония, Германия и Италия объявили войну США, Советский Союз присоединился к Декларации объединённых наций, провозглашённой США и Великобританией в январе 1942 г. Таким образом, стороны фактически находились в противоборствующих лагерях, но при этом были связаны Пактом о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

На первом этапе войны Япония сосредоточилась на «южном направлении», заняв выжидательную позицию в отношении военных действий против СССР. Япония вела подготовку к войне с Советским Союзом, однако откладывала время вступления в войну, проявляя осторожность в связи с поражениями немцев на советском фронте зимой 1941–1942 гг.

В январе 1942 г. на координационном совещании ставки и правительства была поставлена задача поддержания нормальных отношений между СССР и Японией,

предотвращения укрепления отношений между СССР, с одной стороны, и Англией и США – с другой [11, р. 19]. Для выполнения этой задачи в марте 1942 г. в СССР и был направлен послом Н. Сато, сменивший генерала Ё. Татэкава, известного своими прогерманскими взглядами и предсказывавшего скорую победу Германии над СССР. Назначение Н. Сато, опытного профессионального дипломата, выступавшего за сохранение пакта, свидетельствовало о преобладании умеренных взглядов в отношении СССР. Оно представляло собой компромисс между теми, кто не верил в победу Германии и выступал за посредничество в мирном урегулировании между Москвой и Берлином, чтобы Германия смогла сосредоточить все свои силы на войне с англо-американским блоком, и военными, рассчитывающими на победу Гитлера, которая позволила бы Японии захватить восточные районы СССР.

Н. Сато считал, что Япония должна быть предельно осторожна и не нападать на СССР или не делать ничего, что поставит под угрозу отношения с Москвой. В качестве посланника Н. Сато позвал с собой старого друга Г. Морисима, давнего противника японо-германского сближения, вынужденного из-за своих взглядов уйти из МИД при Ё. Мацуока. Дипломатам была дана инструкция: добиваться строгого соблюдения СССР Пакта о нейтралитете, ограничиваясь повседневной текущей работой [8, р. 144].

Ещё в ноябре 1941 г. на координационном совещании ставки и правительства обсуждалась возможность привлечения СССР на сторону держав «оси» путём посредничества в заключении мира между ним и Германией [8, р. 140]. И хотя в марте под влиянием германских побед это решение было пересмотрено, министр иностранных дел С. Того продолжал отстаивать необходимость содействия советско-германскому миру. Летом 1942 г. С. Того поручил Н. Сато, который со всем дипкорпусом находился в эвакуации в Куйбышеве, периодически наезжать в Москву, использовать вопрос новой рыболовной конвенции и другие вопросы как возможности для поднятия темы мира, готовить почву для того, чтобы по получении соответствующих инструкций немедленно приступить к посредническим функциям. Н. Сато сообщил, что он уверен в возможности поддерживать нейтральные отношения между Японией и СССР, однако не видел возможностей посредничать в установлении мира между СССР и Германией. По словам С. Того, ему удалось переубедить Н. Сато, подчёркивая необходимость для Японии сделать всё возможное для установления мира между Германией и Россией [7, р. 295–396].

В июле 1942 г. Япония отклонила просьбу Германии о проведении совместных операций против СССР, тогда же Генштаб согласился на более независимый от Германии курс, позволив С. Того инициировать мирные усилия. В сентябре 1942 г. С. Того ушёл в отставку в знак протеста против создания Министерства по делам Великой Восточной Азии, и в миротворческих усилиях была объявлена пауза.

В то же время разгром немцев под Сталинградом окончательно похоронил надежды на использование благоприятной ситуации для нападения на Советский Союз. Сама Япония к концу 1942 г. столкнулась с трудностями в ходе тихоокеанской войны, начало чему положило поражение в битве у атолла Мидуэй в июне 1942 г.

В декабре 1942 г., обеспокоенный ухудшающейся ситуацией, Н. Сато направил Г. Морисима в Токио, чтобы информировать о неотложной ситуации и необходимости принятия мер по улучшению отношений с Советским Союзом. В послании, переданном с

Г. Морисима, Н. Сато писал, что в связи с ухудшением военного положения и поражением Германии в Сталинградской битве перспективы тотальной победы Германии на советском фронте исчезли. Советское контрнаступление усилится и приведёт к оттеснению немецких войск за пределы советской территории. Японии следует закрепить позиции на Тихом океане, чтобы говорить с США и Великобританией с позиции силы. Первым шагом к миру, по мнению Н. Сато, должно было стать улучшение отношений с СССР. В дальнейших телеграммах, адресованных министру иностранных дел М. Тани, Н. Сато писал, что Японии следует вернуть нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине в качестве мирного жеста и компромисса для улучшения советско-японских отношений [10, р. 251]. М. Тани заинтересовался предложениями Н. Сато, однако в связи со сменой главы МИД в апреле 1943 г. эти предложения не получили должного развития, и миссия Г. Морисима оказалась безрезультатной.

К предложениям Н. Сато вернулись позже, когда дальнейший ход войны потребовал от Японии новых шагов, направленных на сближение с Советским Союзом. 19 июня 1943 г. на заседании правительства и имперского генерального штаба был одобрен документ «Вопросы политики в отношении СССР». Вместо японского посредничества в достижении мира между СССР и Германией он предлагал стабилизацию двусторонних отношений и обеспечение «мира на севере» посредством решения длящихся годами проблем, таких, как судьба нефтяных и угольных концессий на севере Сахалина и вопросы рыболовства [11, р. 20].

Обещание вернуть СССР японские концессии на Северном Сахалине содержалось в секретном послании Ё. Мацуока, сопровождавшем Пакт о нейтралитете, однако разразившаяся война привела к тому, что обещание было отложено в «долгий ящик», а советская сторона не настаивала на разрешении этого вопроса, поскольку опасалась японского нападения на СССР [5, р. 171]. В июне 1943 г., по мере изменения соотношения сил, СССР вновь вернулся к судьбе концессий, ставя вопрос более жёстко. На этот раз японская сторона вынуждена была пойти на уступки и признать обоснованность советских требований, поскольку игнорирование обещания Ё. Мацуока ликвидировать концессии могло быть воспринято как нарушение Пакта о нейтралитете и подвигло бы СССР на оказание помощи США и Англии. Переговоры, которые с японской стороны вёл Н. Сато, длились около 8 месяцев и завершились 30 марта 1944 г. подписанием протокола о ликвидации угольной и нефтяной концессий. С учётом складывающейся международной обстановки, прежде всего неблагоприятного для стран «оси» положения на фронтах Второй мировой войны, председатель Тайного совета К. Исии оценил подписание протокола как замечательный успех японской дипломатии и с похвалой отозвался о Н. Сато в присутствии императора [8, р. 157].

Успешность этого шага в глазах японцев определялась следующим. Во-первых, соглашение было обусловлено одновременным подписанием документа об оставлении в силе на пять лет советско-японской конвенции 1928 г., в соответствии с которой за японской стороной сохранялось право на беспощадный лов рыбы и крабов на ряде участков советских территориальных вод. Во-вторых, в соглашении указывалось, что оно подписывается во исполнение договорённостей, достигнутых в связи с Пактом о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г., то есть косвенно подтверждалось

обязательство СССР не вступать в войну против Японии на стороне своих союзников [8, p. 157].

Параллельно переговорам по возвращению концессий министр иностранных дел М. Сигэмицу предпринял несколько попыток подтолкнуть Советский Союз к сепаратному миру с Германией, для чего предлагал направить в Москву особую высокую миссию. С такой инициативой Токио выступил в сентябре 1943 г. Во-первых, за счёт этого японские правящие круги рассчитывали в случае достижения перемирия на советско-германском фронте облегчить стратегическое положение Германии. Во-вторых, согласие советского правительства означало бы нарушение своих союзнических обязательств и, возможно, привело бы к развалу антигитлеровской коалиции. В обоих случаях Япония надеялась обезопасить себя от вступления СССР в тихоокеанскую войну [1, p. 461]. Этим были продиктованы постоянные и недвусмысленные намёки и разговоры японцев о желательности более прочного укрепления нейтральных отношений с превращением Пакта о нейтралитете в Пакт о ненападении [5, p. 182]. Инициативы М. Сигэмицу в 1943 г. были отклонены советским правительством, не заинтересованным в переговорах с Берлином.

В апреле 1944 г. министр передал через Н. Сато пожелание направить в СССР спецмиссию для обсуждения путей улучшения двусторонних отношений, в том числе заключения торгового договора и решения пограничных вопросов. Сам Н. Сато был против идеи подобной миссии, равно как не поддерживал он и точку зрения тех, кто считал недостаточным существование Пакта о ненападении и хотел договора, который бы гарантировал больше безопасности и других преимуществ для Японии [10, p. 253]. Как и предсказывал Н. Сато, В. Молотов не принял японское предложение, так как подобная миссия вызвала бы подозрения союзников.

В начале сентября 1944 г. М. Сигэмицу предпринял ещё одну попытку, на этот раз планируя направить в Москву бывшего премьер-министра К. Хирота, в 1930-е годы занимавшего пост посла в СССР и считавшегося одним из лучших экспертов по России.

В. Молотов отклонил и это предложение, так как появление подобной миссии в Москве было бы истолковано в стране и за рубежом как постановка вопроса о мире между СССР и Германией, который уже выдвигала Япония в 1943 г. На встрече с В. Молотовым Н. Сато упорно доказывал, что цель миссии состоит в укреплении и дальнейшем развитии отношений, однако сам он смотрел на эту идею пессимистично и считал её свидетельством того, что японское правительство находится в растерянности.

В начале 1945 г. внешнеполитическое и военное положение Японии начало ухудшаться, в январе американцы совершили первую высадку на японскую территорию; стало ясно, что поражение Германии является вопросом нескольких месяцев. Это обусловило попытки правящих кругов Японии нащупать пути, которые могли бы привести к достижению компромиссного мира. Соответствующий зондаж шёл с начала 1945 г. по трём направлениям: попытки заключить сепаратный мир с чанкайшистским Китаем; начать переговоры о мире с США и Великобританией; и, наконец, использовать СССР в качестве посредника в подобных переговорах или хотя бы удержать его от вступления в войну [6, p. 234].

Ещё в феврале-марте 1945 г. японцы неоднократно в частных беседах давали понять русским желательность посредничества Москвы. Продолжали они надеяться на помощь СССР и после денонсации Советским Союзом Пакта о нейтралитете в апреле 1945 г. В Японии рассчитывали на то, что Пакт продолжит действовать ещё год, заручившись заверениями советской стороны в том, что отношения останутся прежними. 14 мая 1945 г. Высший совет по руководству войной поручил МИД осуществить ряд дипломатических шагов с целью: 1) предотвратить вступление Советского Союза в войну против Японии; 2) добиться благожелательного отношения СССР к Японии; 3) добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР [5, р. 281].

Правительство возлагало надежды на переговоры К. Хирота, в ходе которых предполагалось прозондировать позицию советского посла Я. Малика по вопросу возможного посредничества. В ходе переговоров, которые начались 3 июня 1945 г., японская сторона выдвинула предложение заключить двустороннее соглашение о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и о ненападении. Тем временем Н. Сато всё более отчётливо осознавал, к чему движется Япония, и удивлялся наивности К. Хирота и С. Того, которые на переговорах с Я. Маликом обсуждали судьбу Маньчжурии, в то время как Япония была перед лицом катастрофы. По мнению дипломата, в условиях, когда необходимо срочно действовать, правительство тратило целый месяц на «детские игры» [10, р. 269]. Из последующего разговора с В. Молотовым Н. Сато понял, что нарком не испытывает особого интереса к переговорам Хирота–Малик, а сами переговоры свелись к прощупыванию взаимных позиций.

Всё это время посол предупреждал центр об опасности неверной оценки ситуации. Так, 8 июня Сато писал Г. Морисима в Токио: «В нужный момент СССР может внезапно отказаться от нейтралитета, и Красная Армия может выступить против Квантунской армии в Маньчжурии. Продолжение сопротивления могло бы быть возможным ранее, но в нынешних условиях оно нереально. Авианалеты на Японию будут усиливаться, если СССР вступит в войну и предоставит Великобритании и США военно-воздушные базы в Сибири» [10, р. 268].

Поскольку встречи К. Хирота с Я. Маликом не имели никаких политических последствий, в июле 1945 г. японская стороны перенесла основные усилия в Москву, пытаясь в преддверии поездки И. Сталина и В. Молотова на Потсдамскую конференцию заручиться их согласием на приезд в Москву высокой миссии, возглавляемой специальным представителем императора принцем Ф. Коноэ.

Н. Сато считал, что в условиях, когда сама Япония не демонстрирует твердой решимости прекратить войну, будет невозможным убедить Советский Союз выступить на стороне Японии. «Сегодня, когда вражеские авиарейды участились и усилились, есть ли смысл демонстрировать оставшиеся силы к сопротивлению или приносить в жертву сотни или тысячи солдат и миллионы невинных жителей...» – писал он С. Того 12 июля [17, № 587 от 12.07].

13 июля Н. Сато, следуя инструкции из Токио, передал В. Молотову намерение императора прекратить войну и направить в Москву Ф. Коноэ. В телеграммах на родину посол писал, что у Японии нет выбора, кроме как принять безусловную капитуляцию или что-то близкое к этому [16, р. 758]. Предложение о мире должно было означать согласие

с большей частью условий противника, за исключением защиты основополагающего характера японской формы правления [17, № 1427 от 20.07]. Посол предупреждал, что русские не будут рассматривать японское предложение, если оно будет состоять из абстракций и красивых пустых фраз [17, № 587 от 12.07]. Как и опасался Н. Сато, 18 июля Лозовский ответил, что мирная инициатива не включала конкретных предложений, не была ясна и цель миссии Ф. Коноэ.

20 июля Н. Сато отправил в Токио длинную телеграмму, в которой бесстрашно высказывал резко противоречащие правительственным оценкам взгляды на судьбу своей страны. Он писал: «Поскольку реальных шансов на успех больше не осталось, я полагаю, что долг государственных деятелей состоит в спасении нации, скорейшем принятии решения сложить оружие... Неизбежно то, что народ будет вынужден долгое время находиться под тяжёлым гнетом со стороны противника, зато нация продолжит существование, и через несколько десятилетий мы сможем восстановить наше былое процветание» [17, № 1427 от 20.07].

В Токио продолжали категорически отрицать вариант безоговорочной капитуляции, а телеграммы из Москвы вызвали негодование. Фразы о том, что усилия бесполезны, что Японию ждёт судьба Германии, если она не сдастся, что СССР нападёт на Маньчжурию после 1 августа и что Японии следует готовиться к безоговорочной капитуляции, не способствовали популярности Н. Сато ни в МИД, ни в правительстве [9, р. 16]. Посла обвиняли в ненадёжности и соглашательстве, и требовали от С. Того его замены, однако С. Того доверял Н. Сато и не мог заменить его в разгар попыток нащупать пути выхода из войны.

25 июля Н. Сато вновь встретился с С. Лозовским, передав ему слова С. Того о том, что поездка Ф. Коноэ преследовала цель разъяснить конкретные намерения Японии по прекращению войны и налаживанию послевоенного сотрудничества между Японией и СССР. А на следующий день была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, призывавшая Японию к немедленной безоговорочной капитуляции.

Декларация вызвала большое смутение в Японии. Министр иностранных дел предлагал не отклонять декларации, а продолжить её изучение. Руководители армии и флота считали, что в то время, когда японские войска ещё оккупируют огромные территории за пределами Японии, говорить о капитуляции преждевременно. В ожидании ответа от СССР премьер-министр К. Судзуки выступил с заявлением о том, что Токио игнорирует ультиматум Потсдамской декларации.

Повторные попытки выяснить у С. Лозовского отношение к поездке Ф. Коноэ не увенчались успехом. Н. Сато полагал, что Сталин не чувствовал никакой необходимости в достижении договорённости с Японией. Посол писал в Токио, что если Сталин не сможет поколебать решимость США и Великобритании, настаивающих на безоговорочной капитуляции на условиях, указанных в Потсдамской декларации, то попытки организовать японскую миссию будут тщетными [17, № 1480 от 30.07]. Несмотря на старания дипломата донести до руководства мысль о том, что СССР не получит никакой выгоды из содействия Японии, в Токио продолжали упорно считать, что СССР придёт им на помощь.

Узнав, что В. Молотов вернулся из Берлина 6 августа, Н. Сато немедленно стал запрашивать встречу, однако был принят только 8 августа. На этой встрече нарком СССР объявил о присоединении к Потсдамской декларации и о том, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. Н. Сато был готов к худшему, однако до последнего не терял надежды на то, что Москва согласится на посредничество, поэтому известие о том, что СССР вступает в войну против Японии, стало для него шоком.

После войны

Вернувшись в посольство, Н. Сато сообщил своим подчинённым о том, что отныне все они являются интернированными. Хотя их свобода и сообщение с внешним миром были ограничены, в целом условия пребывания оставшихся в СССР японцев были довольно мягкими, по отношению к ним не было ни насилия, ни ненависти [10, p. 297].

Н. Сато было разрешено вернуться в резиденцию, а дипломаты и корреспонденты, жившие в гостинице Метрополь, переехали в посольство. В посольстве они могли читать только российские газеты – «Известия» и «Правду», поэтому ни Н. Сато, ни остальные не осознавали чудовищных последствий атомных бомбардировок. Новость о капитуляции и оккупации Японии произвела на бывшего посла удручающее впечатление. По его воспоминаниям, было такое чувство, будто он был пронзён мечом и полностью обескровлен [4, p. 501].

Необходимость заботиться о подчинённых отвлекала Н. Сато от тягостных размышлений. Раз в месяц ему было разрешено телеграфировать в Токио о здоровье сотрудников. Жизнь посольства была чётко организована, поскольку никто не знал, когда они вернутся в Японию. Все обитатели посольства распределяли обязанности, по очереди занимаясь покупками, уборкой и готовкой. Участвовал в этом и сам Н. Сато, помогая подметать и чистить большой зал своей резиденции, отведённый под столовую. Чтобы занять людей, Н. Сато организовал бильярдные турниры, поэтические конкурсы, обсуждение мировых проблем. Выпускались даже собственные газеты – «Хати Хати симбун» («Газета 8 августа»; 8 августа – день объявления СССР войны Японии) и «Фукко симбун» («Возрождение»). Раз в месяц выходил литературный журнал «Боруга» («Волга»), почти в каждом номере которого появлялись и хайку, написанные самим Н. Сато.

8 апреля 1946 г. японцы получили известие о том, что будут репатрированы. Хотя посольство и резиденция подлежали конфискации, сотрудникам было разрешено взять с собой личные вещи. 30 мая Н. Сато прибыл в Токио. По возвращении бывший посол посетил императора с докладом о своём пребывании в СССР. Он был удивлён, когда через несколько дней его вновь вызвали к императору. Содержание этой беседы так и осталось тайной, однако посол вспоминал, что Хирохито чувствовал себя очень одиноко, ведь многие из его окружения погибли или находились в тюрьме Сугамо.

После завершения дипломатической карьеры Н. Сато не перестал участвовать в политической жизни. В то время как многие чиновники высокого ранга были отстранены от участия в политике, он стал одним из немногих высокопоставленных ветеранов МИД, признанных Генеральным штабом оккупационных войск не причастными к преступлениям

милитаризма. К тому же знание иностранных языков и традиций стран Запада, безусловно, создавало благоприятные условия для его дальнейшей карьеры. Такие высокопоставленные дипломаты, как С. Ёсида, К. Сидэхара, М. Сигэмицу, Х. Асида, заняли руководящие позиции в послевоенной Японии. Вскоре Н. Сато получил предложение от С. Ёсиды возглавить Институт подготовки дипломатических служащих, созданный для обучения нового поколения дипломатов к тому времени, когда Япония вновь получит независимость и восстановит отношения с миром. Также он согласился занять место в Тайном совете.

В процессе демократических реформ происходила перестройка институтов власти. Н. Сато решил принять участие в первой послевоенной предвыборной кампании в новый парламент, выдвинув свою кандидатуру в Палату советников от префектуры Аомори, родины его предков. Позже Н. Сато стал председателем небольшой независимой внепартийной ассоциации «Рёкуфукай» («Общество зелёного ветра»). В первые годы своего существования «Рёкуфукай» быстро разрослась (в 1950 г. в неё входили 97 человек) и достигла ощутимого влияния в Палате советников, однако после объединения консервативных сил в 1955 г. её влияние стало уменьшаться.

В верхней палате парламента Н. Сато возглавлял Комиссию по международным делам. После смерти своего давнего друга, бывшего дипломата Ц. Мацудайра, Н. Сато был избран председателем Палаты советников. В Палату советников он избирался три раза и проработал в ней в общей сложности 18 лет.

После войны Н. Сато проявил себя ещё на одном поприще общественной деятельности, которое было связано с его опытом работы в Лиге наций. Долгие годы он поддерживал контакты с группой бывших коллег по работе в Женеве, и когда они 17 декабря 1947 г. вошли в состав Японской Ассоциации ООН, Н. Сато предложили возглавить эту организацию. Он занимал пост председателя Ассоциации с 1947 по 1970 г.

Несмотря на преклонный возраст, Н. Сато продолжал пользоваться вниманием общественности. Его вклад в дело поддержания международного мира был оценён в октябре 1970 г., когда ему была вручена Премия Мира Кадзима. Вышедший в следующем месяце номер журнала «Кокусай дзихё» («Международные вопросы») был посвящён деятельности этого дипломата и политика.

Н. Сато скончался от сердечной недостаточности 18 декабря 1971 г. в возрасте 89 лет. Среди тех, кто пришёл в его дом выразить соболезнования семье, был представитель императорского двора. Это ещё раз свидетельствовало о том, каким авторитетом и уважением Н. Сато пользовался в своей стране.

* * *

Н. Сато стал свидетелем и непосредственным участником одного из самых драматичных периодов японской истории. Он был частью той государственной машины, которая привела Японию к краху, однако даже в сложившихся условиях он стремился последовательно продвигать либеральные ценности. На каком бы посту ни находился Н. Сато, он не боялся отстаивать свою точку зрения, считая стремление к миру и взаимовыгодному сотрудничеству главным национальным интересом своей страны.

Заслуга Н. Сато состояла в том, что благодаря его дипломатическому таланту в разгар войны Токио и Москве удавалось сохранять стабильные хорошие отношения. Решались непростые практические вопросы двустороннего характера. Высокую оценку работе Н. Сато дал наркоминдел СССР В. Молотов. По словам В. Молотова, в период пребывания Н. Сато на посту посла в Москве между странами установились нормальные отношения, хотя раньше было немало недоразумений [5, с. 247].

Однако реалии того времени сужали поле для дипломатических манёвров, и, в конечном счёте, другие соображения стратегического характера определили исход войны. На посту посла в СССР Н. Сато трезво оценивал ситуацию и стремился сделать всё от него зависящее, чтобы избежать ещё больших жертв. Возможно, если бы его голос был услышан, не произошло бы трагедий Хиросимы и Нагасаки, удалось бы сохранить сотни тысяч человеческих жизней.

Библиографический список

1. Жуков А. История Японии. М., 1998.
2. Молодяков В. Эпоха борьбы Сиратори Тосио: дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. С. 194.
3. Курихара Кэн. Сато Наотакэ-но мэмбуку : [Честь Сато Наотакэ]. Токио, 1981.
4. Сато Наотакэ. Кайко хатидзю нэн : [Восемьдесят лет воспоминаний]. Токио, 1963. С. 116.
5. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Дипломатическая история 1941–1945 гг. М., 1995.
6. СССР и Япония. М., 1987.
7. Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 395–396.
8. Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. М., 2006.
9. L. Brooks. Behind Japan's surrender. McGraw Hill, 1968.
10. G. Gubler. The diplomatic career of Sato Naotake (1882–1971): a samurai in western clothing (PhD diss., Florida State University, 1975).
11. T. Hasegawa. Racing the enemy. Stalin, Truman, and the surrender of Japan. Cambridge, London. 2005.
12. A. Irie. The origins of the Second World War in Asia and the Pacific. Routledge. London and New York, 2013.
13. G.A. Lensen. Japanese recognition of the U.S.S.R.: Soviet – Japanese relations, 1921–1930. Tokyo. 1970.
14. G.A. Lensen. The strange neutrality. Soviet-Japanese relations during the Second World War 1941–1945. The diplomatic press. 1972.
15. I. Nish. Japan's struggle with internationalism: Japan, China, and the League of nations. Routledge, 1993.
16. J. Toland. The rising sun. The decline and fall of the Japanese empire. 1936–1945. London, 1970. P. 758.

17. Peace feelers through the Soviet Union // Foreign relations of the United States: diplomatic papers, the conference of Berlin (The Potsdam conference), 1945. Volume 1 – Office of the Historian. Department of state. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv01/ch11subsubch1> (дата обращения: 12.07.2017); Project of the nuclear age peace foundation. URL: <http://nuclearfiles.org/menu/library/correspondence/togo-sato.html> (дата обращения: 12.07.2017).

Поступила в редакцию 13.07.2017

Автор:

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru

Sato Naotake: the Way of a Diplomat

O.A. Dobrinskaya

The article covers the biography of Sato Naotake, a prominent Japanese diplomat and statesman. He is mostly known in Russia as the last ambassador of militarist Japan in the Soviet Union. However, his career was much more comprehensive and noteworthy. Sato Naotake had become witness to the most dramatic period in the history of Japan, being a participant in many world events that had an effect on shaping Japan's development up to 1945.

Keywords: Sato Naotake, diplomacy, Japan, Russia, USSR, League of Nations, Second World War.

Received 13.07.2017

Author:

Dobrinskaya Olga A., PhD, Senior Lecturer at the Diplomatic Academy MOFA of Russia, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies. E-mail: doa_78@mail.ru

Политические игры с благовониями: даймё Датэ Масамунэ и его увлечения изящными искусствами

Е.Э. Войтишек, А.А. Речкалова

Датэ Масамунэ – одна из самых ярких личностей второй половины XVI – первой трети XVII века. Глава клана Датэ и хозяин княжества Сэндай-хан, он заслужил славу талантливого стратега и дальновидного политика. Однако его интересы не ограничивались только военным искусством, он также известен как ценитель традиционной культуры и покровитель буддийских храмов. Глубокие познания в области искусства чая и благовоний не раз помогали Датэ Масамунэ решить насущные политические задачи и укрепить свой авторитет. В статье проанализирована связь искусства благовоний с отдельными эпизодами военно-политической деятельности Датэ Масамунэ, дан подробный комментарий к письменным материалам и рассмотрен широкий спектр художественных источников. На основе полученных данных можно оценить уровень влияния эстетических идей на политические процессы и жизнь придворного общества того времени. Это, в свою очередь, позволит выявить новые письменные, художественные и этнографические источники, которыми располагают музеи, арт-галереи, архивы и частные коллекции в современной Японии.

Ключевые слова: Датэ Масамунэ, Сэндай, японское искусство благовоний, аквилярия.

Датэ Масамунэ (1567–1636), крупный военачальник и дальновидный политик периодов Адзуты-Момояма и начала Эдо, глава княжества Сэндай-хан 仙台藩 (伊達藩 Датэ-хан), доминировавшего на севере острова Хонсю, на протяжении всей жизни покровительствовал искусствам.

Пожалуй, для него, как для человека, не понаслышке знающего о мимолётности воинской славы, наибольший интерес имели художественные сферы, отражающие эфемерность и бренность бытия, а именно – чайное действо, занятия цветами и ароматами. Если сейчас чайная церемония 茶道 *садо:* (тядо:), аранжировка цветов 華道 *кадо:* и искусство составления благовоний 香道 *ко:до:* признаются «тремя главными искусствами Японии» (日本三芸道 *нихон сангэйдо:*) и подлинными символами национальной культуры, то в начале XVII века эта триада искусств только формировалась¹.

¹ Их расцвет приходится на середину эпохи Эдо (1603–1867), о чём свидетельствует масса источников.

Несомненно, опыты возжигания различных ароматических веществ в Японии задолго предшествовали формированию искусства благовоний. Появление особых ароматических растений в Японии связано с проникновением в раннем средневековье на архипелаг через Китай, Корею и южные тропики целого комплекса разнообразных религиозно-культурных заимствований. Постепенно с развитием представлений о свойствах ароматических деревьев и растений совершенствовались и методика приготовления благовоний, и способы «слушания ароматов», и технология изготовления бронзовых и керамических курильниц. Появлялись целые трактаты, посвящённые описанию различных аспектов и этапов процесса приготовления и возжигания благовоний, изготовлению специальной утвари, а также проведению разнообразных церемоний с ритуальным воскурением ароматических смесей, что в итоге привело к формированию своеобразного «пути аромата» 香道 *ко:до:* [2, с. 187–200].

«Слушание ароматов» в Японии на первых порах сводилось к опытам с аквилярией 沈香 *дзинко:*, или 沈水香木 *дзинсуй-ко:боку* (букв. «тонущий [в воде] аромат / ароматическое дерево»)², поскольку древесина этого растения издавна обладала высочайшей ценностью в Азии. Лучшие виды этой ароматической древесины источали изысканный аромат 伽羅 *кяра* (от санск. «благоухание»). С течением времени была разработана целая система смешения различных видов ароматических компонентов, сформировались критерии оценки достоинств и сферы применения того или иного аромата. При этом особенно ценилось умение давать различным видам ароматов изысканные литературные названия, что свидетельствовало об уровне образованности и социальном статусе участников церемоний – как среди аристократов, так и в среде военного сословия.

Несмотря на то, что с развитием сферы применения благовоний в Японии, кроме аквилярии, стали широко использоваться и другие ароматические вещества растительного и животного происхождения (в обиход повсеместно входили сандал, гвоздика, мускус, раковины моллюсков, мякоть сливы, цветы хризантемы, листья лотоса, различные смолы типа камфоры, ладана, мирры, бензоина и др.), её благородный аромат был в почёте всегда. Достаточно сказать, что к середине эпохи Эдо (1603–1868), справедливо считающейся временем расцвета искусства благовоний в Японии, было составлено знаменитое произведение «Сад орхидей искусства благовоний» (香道蘭之園 «Ко:до: ран-но соно», 1737 г.), где изложены эстетические категории и принципы, легшие в основу формирования искусства «пути аромата», ядром которого оставалась благоуханная древесина аквилярии [4]. Сфера её применения не ограничивалась высоким искусством, а распространялась также и на бытовые нужды, духовно-целительные практики, религиозную обрядность, традиционную медицину и пр.

Отдавая дань той большой роли, которую играло это растение в истории культуры Японии, на территории храма Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) в октябре 1995 г. в память о легендарном событии, с которого на Японском архипелаге началась

² Древесина аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha* Roxb.), тонущая в воде из-за обилия смолы, имеет множество названий на разных языках: «алойное дерево агаллоха», «орлиное дерево», «агаровое дерево», «удовое дерево», «алоз», «каламбак», «райское дерево», «слепое дерево», «тонущее дерево» и др.

история использования этой ароматической древесины³, установили две каменные стелы. На одной из стел изображён стилизованный иероглиф 香 «аромат», а на другой нанесён фрагмент текста из 22-го свитка мифолого-летописного свода «Анналы Японии» (日本書紀 «Нихон сёки», 720 г.) На каменной плите вырезана цитата (на современном языке), где сообщается, что с тех пор, как в 595 г. к берегам острова Авадзи прибило кусок ароматического дерева аквилярии длиной около одного метра, прошло ровно 1400 лет.

Действительно, об этом событии упоминается в разделе, датируемом 3-м годом правления императрицы Суйко (595 г.), где есть такая запись:

三年夏四月 沈水漂著於淡路嶋 其大一围 嶋人不知沈水以交薪焼於竈 其烟氣遠薰 則異以献之⁴.

«3-й год, лето, 4-я луна. Дерево аквилярии прибило к острову Апази⁵. Размером оно было в один идаки. Жители острова не знали, что такое аквилярия, и стали жечь её в своих очагах вместе с другой древесиной. Благоуханный дым достигал мест отдалённых. Уяснив, что что-то здесь не так, преподнесли [древесину] государю» [1, с. 91].

(Пер. со старояп. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова)

Считается, что это событие положило начало расцвету культуры благовоний в Японии, которая в настоящее время переживает своё второе рождение. Именно в связи с этим по решению мэрии города Итиномия на острове Авадзи в октябре 1995 г. были установлены стелы.

Вместе с тем японские исследователи, задаваясь вопросом, откуда эта ароматическая древесина взялась у берегов Японского архипелага, предполагают, что бревно могло просто упасть с борта грузового судна, поскольку в VI веке в странах Юго-Восточной Азии уже была налажена морская торговля ароматической древесиной [5, с. 30–31]. Дальнейшая судьба этого исторического куска ароматической древесины аквилярии примечательна: источники сообщают, что в период Асука она попала в столичный храм Хо:рю:дзи (法隆寺), основанный в начале VII века легендарным принцем Сётоку Тайси (聖徳太子, 574–622), который высоко оценил божественный дар. С тех пор история древнего храма Хо:рю:дзи (а также буддийского храма То:дайдзи 東大寺 в Нара⁶) неразрывно связаны с историей освоения культурой Японии ароматических растений и деревьев, изучением свойств и функций ароматов в религиозной и бытовой сферах [5, с. 31].

³ Туристический сайт, посвящённый храму Идзанаги-дзингу на острове Авадзи http://awaji-kohshi.com/awaji_island.html (дата обращения: 06.05.2016); Сайт галереи искусства благовоний KUNJUDO 薰寿堂. URL: <http://www.kunjudo.co.jp/about01.html> (дата обращения: 06.05.2016).

⁴ Нихон сёки, свиток 22. URL: <http://www.kyoto.zaq.ne.jp/dkanp700/koten/shoki41.htm> (дата обращения: 06.05.2016).

⁵ Сейчас – остров Авадзи в преф. Хёго.

⁶ В национальной сокровищнице Сё:соин 正倉院, находящейся на территории буддийского комплекса То:дайдзи 東大寺, хранится фрагмент древесины аквилярии (наилучшего сорта с ароматом *кяра*) под названием 黄熟香 *о:дзюку-ко:* (букв. «жёлтый спелый аромат»), или 蘭奢待 *рандзятэй* (букв. «принимать долгожданный превосходный аромат»). Любопытно, что иногда в последнем названии усматривают скрытые иероглифы названия самого буддийского храма То:дайдзи [8, с. 40].

При изучении средневековой истории и культуры важными оказываются материалы, имеющие отношение не только к центральной Японии, но и периферии, – в частности, к северо-восточному региону Тохоку, который на протяжении многих столетий был тесно связан с императорской властью и сёгунатами. В особенности это касается деятельности харизматичного лидера самурайского клана Датэ⁷, основателя г. Сэндай *даймё* Датэ Масамунэ (1567–1636), по прозвищу 独眼竜 *докуган-рю*: – «одноглазый дракон»⁸.

Заслужив отменную репутацию в военно-политической области, он приобрёл себе славу и в сфере искусства, литературы и поэзии. Используя свои административные ресурсы, он поддерживал буддийские храмы, слыл сторонником введения христианства в Японии, а при помощи познаний и навыков в художественной сфере (прежде всего, в искусствах чая и благовоний) успешно решал политические задачи.

Так, известна сложившаяся в XVII веке легенда об ароматическом дереве с четырьмя названиями (一木四銘 *итибоку симэй*, букв. «одно дерево – четыре имени»), связанная с Датэ Масамунэ. Речь идёт об одном стволе ароматического дерева аквилярии (высшего качества 伽羅 *кяра*), оказавшегося в Нагасаки. В результате разных перипетий и ожесточённых споров ствол этого ценного дерева был поделён на четыре части. Верхнюю часть ствола в качестве подношения доставили к императорскому двору, где затем она получила название 藤袴 *фудзи-бакама* – «Лилловые шаровары» (по названию 30-й главы знаменитой «Повести о принце Гэндзи», написанной на рубеже X–XI века Мурасаки Сикибу). Остальные три части разделили между основными родами эпохи Токугава: одну передали клану Хосокава, в котором её стали именовать 白菊 *сирагику* – «Белая хризантема», другую – в княжество Кага клану Маэда, где её прозвали 初音 *хацуунэ* – «Первая песня» (название 23-й главы «Повести о принце Гэндзи»). Третью часть древесины передали клану Датэ, а сам фрагмент древесины аквилярии получил название 柴舟 *сибафунэ* – «Лодка хвороста». Сёгун Датэ Масамунэ, особенно дороживший этой благовонной древесиной, закрепил за ней это название, вдохновившись пятистишием *танка* из драмы театра Но «Канэхира» и историей из самурайского эпоса «Повесть о доме Тайра» (история о Кисо Ёсинака, более известном как Минамото-но Ёсинака, военачальнике конца периода Хэйан)⁹.

В соответствии с правилами, принятыми в искусстве благовоний, за каждым из четырёх фрагментов этой ароматической древесины в целях идентификации было зафиксировано своё название, подкреплённое классической литературной традицией.

⁷ Клан Датэ ведёт своё начало от Фудзивара-но Уона (721–783) и входит в состав 藤原北家 *фудзивара-но хоккэ* – боковых ветвей рода Фудзивара, проживающих на севере Хонсю.

⁸ В детстве потерявший правый глаз, Масамунэ был вынужден всю жизнь носить повязку, что не мешало ему заслужить репутацию щёголя и законодателя моды. Недаром он поместил на свой военный шлем изображение горизонтально размещённого серпа молодой луны. Этот символ неоднократно обыгрывается в аксессуарах искусства благовоний.

⁹ Сайт японской компании в Сэндае «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正). Серия благовоний «Столица Датэ» (伊達之都). URL: <http://st.cat-v.ne.jp/sasho/siba.html>; сайт по японскому искусству благовоний URL: <http://kazz921.sakura.ne.jp/zatsugaku/simei/simei.html> (дата обращения: 13.08.2017).

**Фрагменты ароматической древесины аквилярии
и соответствующие им литературные ассоциации¹⁰**

Название фрагмента ароматической древесины 銘	Закреплённое за каждым фрагментом древесины пятистишие <i>танка</i> 証歌	Перевод на русский язык	Примечание
Первая песнь 「初音」 (<i>хацунэ</i>) Собственность клана Маэда	きくたびにめづらし ければほととぎす いつも初音の 心地こそすれ	Голос кукушки Звучит всякий раз по-новому. И кажется мне, Будто всё время поёт она Свою «первую песню».	Автор этого стихотворения – монах Ёэн (1048–1125). Оно входит в «Повесть о доме Тайра», глава «Кончина прежнего императора Такакура»
Белая хризантема 「白菊」 (<i>сирагику</i>) Собственность клана Хосокава	たぐひありと誰かは いはん末句う 秋よりのちの 白菊の花	«Есть и другие цветы...» Кто так сказать посмеет? Кончится осень, Но благоухать будут по-прежнему Эти белые хризантемы.	Автор неизвестен
Лодка хвороста 「柴舟」 (<i>сибафунэ</i>) Собственность клана Датэ	世のわざのうきを身 につむ柴舟は たかぬさきより こがれゆくらん	Лодка, Гружённая хворостом горестей Нашего мира... Ещё не бросили хворост в огонь, А он почернел и обуглился.	Это стихотворение из драмы театра Но «Канэхира». Благодаря приёму обыгрывания, можно перевести и так: «Лодка, Гружённая хворостом горестей Нашего мира... Ещё воскурить не успели, А уже аромат струится...»
Фудзи-бакама 「藤袴」 (<i>фудзи-бакама</i>) Подношение императорскому двору	ふじ袴ならぶ 匂ひもなかりけり 花は千種の色 まされども	Фудзи-бакама – С их ароматом ничей Не сравнится. Хотя есть и ярче цветы В луговом разнотравье.	<i>Фудзи-бакама</i> – одна из семи японских трав («посконник японский»). Звучание омонимично названию главы в «Повести о принце Гэндзи», где она контекстно переводится как «Лиловые шаровары»

(Пер. и прим. Т.Л. Соколовой-Делюсиной)

¹⁰ Здесь и далее. За ценные советы при переводе авторы статьи искренне благодарят Т.Л. Соколову-Делюсину, известную своими трудами и переводами на русский язык произведений классической японской литературы (в т.ч. «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу).

Дальнейшее развитие этой истории опять же связано с политическими задачами Датэ Масамунэ, когда 24 июня 3-го года эпохи Канъэй (1626) он прибыл в столицу Киото из Эдо (современный Токио) вслед за 2-м сёгуном Токугава Хидэтада¹¹ (1579–1632) и его сыном, 3-м сёгуном Токугава Иэмицу¹² (1604–1651), которому отец передал титул сёгуна в 1623 г. Там, по случаю получения сёгуном Иэмицу титула Левого министра от императорского двора, Датэ Масамунэ пригласил на церемонию воскурения благовоний 13 человек – выдающихся деятелей культуры и учёных мужей, начиная с советника *кампаку* Коноэ Нобухиро¹³, а также свободных от службы министров¹⁴.

Это событие было отражено в хронике «Записи о правлении дома Тэйдзан (ко:)» (貞山公治家記録 «Тэйдзанко: дзикэ кироку»), составленной в 1723 г. (в 38 свитках и 40 томах)¹⁵. Согласно хронике, присутствовавшие на церемонии гости воскуривали поочерёдно 13 ароматов, чтобы оценить скромное благоухание цветов и таинственные древесные запахи – помимо 12 основных запахов, Датэ Масамунэ предложил гостям насладиться ароматом древесины *сибафунэ*.

При этом Датэ Масамунэ, как знаток изящных искусств и опытный церемониймейстер, начав ритуал воскурения благовоний с цветочных и хвойных ароматов и закончив апофеозным возжиганием «своей» аквилярии, хотел наглядно продемонстрировать всем собравшимся умение давать ароматам названия, тонко обыгрывающие различные историко-литературные аллюзии, что всегда ценилось весьма высоко в процессуальных искусствах Восточной Азии.

Судя по записям в хронике, порядок возжигания благовоний на церемонии был следующий:

¹¹ Токугава Хидэтада 徳川秀忠 (1579–1632) – третий сын Токугава Иэясу, занимал должность сёгуна с 1605 по 1623 г. До смерти отца (1615) номинально руководил страной, фактическая же власть оставалась в руках Иэясу. После смерти отца последовательно реализовывал курс по ограничению прав *даймё*, императорского двора, аристократов и духовенства, а в международной политике начал курс на изоляцию страны.

¹² Токугава Иэмицу 徳川家光 (1604–1651) – второй сын Токугава Хидэтада, занимал должность сёгуна с 1623 по 1651 г. До смерти отца в 1632 г. оставался номинальным правителем страны, а реальная власть оставалась в руках Токугава Хидэтада. Отличался подозрительным характером и склонностью к паранойе. Продолжил политику отца в отношении ограничения прав элиты военного сословия, провёл серию процессов по конфискации имущества «неблагонадёжных» *даймё*. Ввёл систему *санкин ко:тай*, согласно которой все *даймё* попеременно должны были проводить определённое время при дворе сёгуна в Эдо. Запретил переход самураев к новому хозяину без разрешения прежнего, установил обязательную регистрацию населения в синтоистских святилищах и буддийских храмах.

¹³ Коноэ Нобухиро 近衛信尋 (1599–1649) – четвёртый сын императора Го-Ёдзэй 後陽成天皇 (1571–1617) от Коноэ Сакико 近衛前子 (1575–1630). Был усыновлён Коноэ Нобутада 近衛信尹 (1565–1614), придворным поэтом и выдающимся каллиграфом. С 1623 по 1629 г. занимал должность высшего советника при императоре и носил титул *кампаку*.

¹⁴ Встреча произошла в резиденции Датэ Масамунэ в Киото в районе Дзёкё (上京区), прямо в центре столицы. URL: http://www.geocities.jp/usagi_yokohama_2010/kyouyasiki/kyouyasiki.html (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁵ Тэйдзан (ко:) – посмертное имя Масамунэ. Сайт японской компании в Сэндае «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正). Серия благовоний «Столица Датэ» (伊達之都). URL: <http://st.cat-v.ne.jp/sasho/kyou.html> (дата обращения: 10.08.2017).

Роза	薔薇	<i>бара</i>
Ароматы декоративных растений	草花香	<i>кусабана-ко:</i>
Цветочный аромат	花香	<i>како:</i>
Цветочные благовония	華香	<i>гэко:</i>
Фиалка	堇	<i>сумирэ</i>
Лилия	百合	<i>юри</i>
Хвойное дерево	針葉樹	<i>син'ё:дзю</i>
Пихта	樅の木	<i>моми но ки</i>
Кипарис японский	檜	<i>хиноки</i>
Сандал	白檀	<i>бякудан</i>
Чистый сандал	淡麗白檀	<i>танрэй бякудан</i>
Аквилярия	沈香	<i>дзинко:</i>
Аквилярия «Лодка хвороста»	柴舟	<i>сибафунэ¹⁶</i>

Рис. 1. Набор ароматических палочек «Пиршественные благовония» (饗應香). 13 видов благовоний расположены в том порядке, в котором они возжигались во время церемонии 1626 г., проведённой Датэ Масамунэ («Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай)¹⁷.

¹⁶ Набор благовоний из «набора Датэ Масамунэ» (饗應香・伊達政宗の香席) японской компании «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正) сделан с учётом записей хроники и повторяет порядок возжигания курений на той памятной церемонии. Дар главы компании госп. Сато Масатоси (佐藤正俊氏).

¹⁷ Здесь и далее. Предметы из коллекции Е. Войтишек.

Судя по всему, во время той встречи было проведено ещё специальное состязание по отгадыванию ароматов, где ценителям благовоний было предложено опознать те или иные ароматы (три знакомых вида и один случайный – т.н. аромат-«гость» 客 *кяку*), подававшиеся в разной последовательности в десять приёмов. Согласно записи о той встрече (響應香會之記 *кё:о: ко:кай-но ки*)¹⁸, только троим из собравшихся гостей удалось отгадать пять и более из предложенных десяти ароматов¹⁹. Примечательно, что эта запись (香記録 *ко:-кироку*), где в обязательном порядке указываются имена всех участников церемонии, – самая ранняя фиксация результатов подобных соревнований в Японии. Этот элемент церемонии впоследствии широко вошёл в обиход и до сих пор повсеместно практикуется в центрах традиционной культуры, составляя яркую особенность японского искусства 香道 *ко:до:*.

Таким образом, торжественное воскурение благовоний на церемонии 1626 г., проведённое даймё Датэ Масамунэ, преследовало цель насладиться в полной мере дивным благоуханием ароматической древесины аквилярии, доставшейся клану Датэ, и заодно закрепить его политические амбиции в сложной ситуации придворных интриг.

В современном Сэндае и его предместьях можно найти немало памятных мест и символов, связанных со знаменитым военачальником. Достаточно сказать, что эффектная статуя Датэ Масамунэ верхом на коне и в шлеме, украшенном серпом луны, по-хозяйски обозревает город с бывшего крепостного холма, а в музеях и храмах свято берегут реликвии, связанные с историей клана Датэ. Другой важной достопримечательностью Сэндая является буддийский комплекс Дзуйхо:дэн 瑞鳳殿, где находится мавзолей *даймё* (1637) и усыпальница его ближайших родственников.

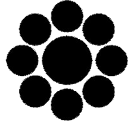
Будучи ориентированными на пропаганду культурного наследия исторического княжества Сэндай, различные компании региона Тохоку в оформлении своих изделий часто используют изображения гербов клана Датэ. Это касается не только многообразной сувенирной продукции (чайная утварь, принадлежности искусства благовоний, сумки и портмоне, майки, сладости и проч.), но и элементов городской архитектуры и дизайна.

По оценкам экспертов, клан Датэ в разное время использовал десять гербов, что является абсолютно рекордным показателем в период Сэнгоку: горизонтальные и вертикальные черты, вписанные в круг; «звёзды» в виде чёрных шаров; символы хризантемы, пионов, павловнии, бамбука, парные изображения воробьёв, уток-мандаринок и др.

¹⁸ Этот документ находится в частной коллекции мастера искусства благовоний из Сэндая госпожи Такэмура Рэйко (竹村玲子氏), которую авторы благодарят за предоставленную информацию и комментарии.

¹⁹ Представитель одной из ветвей рода Тайра, аристократ Ниси-но то:ин Токиёси (1552–1640) отгадал шесть ароматов, Датэ Масамунэ и Коноэ Нобухиро – по пять.

Названия и изображения гербов клана Датэ²⁰.

1. «16-лепестковая хризантема»
(十六葉菊 <i>дзю:року-ба кiku</i>)	
2. «Павловния с 5-7 цветками»
(五七桐 <i>го-сити кири</i>)	
3. «Крабообразный пион», или «Сэндайский пион»
(蟹牡丹 <i>кани ботан</i> , или 仙台牡丹 <i>сэндай ботан</i>)	
4. «Три вертикальные черты, вписанные в круг»
(丸の内に豎三つ引両 <i>мару-но ути-ни татэ-мицу хикирё:</i>)	
5. «Три [горизонтальные] черты, вписанные в круг»
(丸の内に三つ引き両 <i>мару-но ути-ни мицу хикирё:</i>)	
6. «Воробыи на [карликовом] бамбуке»
(竹笹に (対い) 雀 <i>такэ-ни (мукаи-) судзумэ</i>)	
7. «Девять звёзд» (九曜 <i>күё:</i>)	
8. «Роса на китайском мисканте в снежном облаке»
(雪論に薄に露 <i>юкирон-ни сусуки-ни цую</i>), или
«Китайский мискант в снегу» (雪薄 <i>юки сусуки</i>)	
9. «Пастушья сумка» (薺 <i>надзуна</i>) ²¹	
10. «Уточки-мандаринки, расположенные напротив друг друга и крыльями образующие круг»
(鴛鴦の丸 <i>оси-но мару</i>) ²²	

²⁰ Список приведён по информации со следующих сайтов: «Клан Осю Датэ и семейные гербы». URL: http://www2.harimaya.com/date/dt_kamon.html; «Семейные гербы клана Датэ» URL: <http://tatuji.webcrow.jp/datekamon.html>; «Мемориальное общество рода Датэ» URL: http://datemasamune.com/history/family_crest.htm (дата обращения: 18.08.2017).

²¹ По иным сведениям, 丸に 9 枚笹 *мару-ни кю:маи-саса* (букв. «9-листный карликовый бамбук, вписанный в окружность») [6, с. 332].

²² По другим сведениям, 宇和島笹 *увадзима саса* (букв. «карликовый бамбук Увадзима») [6, с. 332].

Такое большое количество геральдических символов свидетельствует о том, что род Датэ имеет долгую историю и хранит верность традициям. С каждым из гербов связано своё родовое предание. Например, герб *миццу-хикирё*: был получен в дар основателем клана из рук основателя и первого главы сёгуната Камакура – Минамото-но Ёритомо (1147–1199). По легенде, герб *кику* был получен в дар от императора, но письменных свидетельств этому нет. Герб *куё*: непосредственно связан с преданием о происхождении клана Датэ от рода Иса – боковой ветви клана Тайра Камму (потомков императора Камму, носящих фамилию Тайра). Герб *такэ-ни судзумэ* был получен в благодарность после усыновления кланом Уэсуги одного из сыновей главы клана Датэ²³.

Все эти гербы использовались кланом Датэ для разных случаев. Так, хризантема использовалась для демонстрации связи с императорским домом, павловния – с сёгуном Тоётоми Хидэёси, пион – с родом Коноэ, «черты в круге» – с Сэйва Гэндзи (потомками императора Сэйва, носящими фамилию Минамото), «девять звёзд» – с Камму Хэйси, «воробьи на бамбуке» – с родом Уэсуги, а через них – с родом Фудзивара. Таким образом, гербы демонстрировали приверженность клана Датэ своим корням, бережное и уважительное отношение к собственной семейной истории²⁴.

Однако среди всех вышеперечисленных гербов один был самым популярным, использовался чаще других и в конечном счёте стал официальным гербом (定紋 *дзё:-мон*) клана Датэ. Это герб «воробьи на бамбуке» (*такэ-ни судзумэ*), который имеет ряд отличительных особенностей. Это не полностью симметричные изображения: фигурки воробьёв справа и слева отличаются друг от друга по форме и размеру – предположительно, это самец и самка. Слева клюв у воробья открыт, а справа – закрыт²⁵. Форма бамбука справа и слева тоже имеет ряд отличий. Кроме того, на изображении присутствуют 16 точек (считается, что они символизируют росу). Различия правой и левой частей изображения иногда трактуются с философской точки зрения как художественное воплощение идеи отсутствия в природе и жизни двух одинаковых вещей, людей или явлений.

Несмотря на то, что Датэ Масамунэ был воспитан в традициях буддизма и всячески его поддерживал, он интересовался также и вопросом распространения христианства в Японии, смело обращался к новым идеям и стремился их воплощать в самых неожиданных сферах. Расцвет его деятельности приходится на рубеж XVI–XVII века, когда под влиянием западной культуры (в первую очередь, испанцев и португальцев) впервые начинают использоваться новые материалы (сукно, бархат и др.), а также появляются изысканные и необычные по дизайну предметы (в т.ч. одежда и украшения). Датэ Масамунэ, обладая отменным художественным вкусом, творчески переработал западные образцы и придумал идею плаща

²³ Клан Осю Датэ и семейные гербы // 家紋 World (Мир семейных гербов). URL: http://www2.harimaya.com/date/dt_kamon.html (дата обращения: 18.08.2017).

²⁴ Там же.

²⁵ Предположительно, такая форма клюва у парных птиц выражает концепцию 阿吽 *а-ун* – японская транслитерация первой 阿 *а* и последней 吽 *ун* знаков санскритского алфавита. Фонема «а» произносится при открытом положении артикуляционного аппарата, а фонема «ун» – при закрытом. Это символическое выражение начала и конца всех вещей. В буддизме этот звук – священная мантра, которую нельзя перевести, но можно осознать при непосредственном восприятии (при постоянном повторении этот звук воздействует на психофизическое состояние медитирующего) [3, с. 64].

陣羽織 *дзимбаори* (букв. «накидка [из перьев] военачальника»). Эта фиолетовая накидка с узором в виде пятицветных горошин разного размера (水玉文様 *мидзу тама монъё*), живописно рассыпанных по ткани от подола до середины рукавов, украшенная также ещё и тесьмой, стала своеобразной визитной карточкой правителя. На тыльной стороне накидки золотой нитью вышит вышеупомянутый герб Датэ Масамунэ – 竹に雀 *такэ-ни судзумэ* (букв. «воробьи на бамбуке»). Великолепная цветовая гамма и гармоничная красота накидки признаются совершенными и с точки зрения современной эстетики.

Рис. 2. Керамическая подставка 香皿 *ко:дзара* для воскурения ароматических палочек в виде японской накидки *хаори* (дизайн *даймё* Датэ Масамунэ) и с изображением одного из гербов клана Датэ «воробьи на бамбуке» (竹に雀 *такэ-ни судзумэ*). («Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай).

При изучении памятников, связанных с главой самурайского клана Датэ, важную информацию дают не только материалы, отражающие публичную и официальную деятельность правителя, но и художественные источники, по которым можно получить представление о сфере интересов этого высокообразованного человека и степени их реализации. Таковыми, к примеру, являются многочисленные артефакты, свидетельствующие о его страсти к покровительству искусствам чая и благовоний²⁶.

Среди них обращают на себя внимание аксессуары искусства благовоний с местным колоритом, которые выпускает компания «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正 *Буцудан-но сасё*) в Сэндае. Компания давно и успешно освоила выпуск предметов религиозного буддийского культа, а также разнообразной утвари элитарного искусства «пути аромата». Серия благовоний «Столица Датэ» (伊達之都 *Датэ-но мияко*) включает несколько изысканно оформленных видов благовоний и сопровождается подробным историко-культурным комментарием (нередко со ссылкой на первоисточники).

²⁶ Например, чайный домик Канрайтэн 観瀾亭 и храмовый комплекс Дзуйгандзи 瑞巖寺 в знаменитом местечке Мацусима 松島 в предместьях Сэндая.

Рис. 3. Стеклянная подставка 香皿 *ко:дзара* для воскурения ароматических палочек в виде серпа молодого месяца, излюбленного образа Датэ Масамунэ. На подставке изображён один из его гербов – «три черты, вписанные в круг» (丸の内に三つ引き両 *мару-но ути-ни миццу хикирё:*). («Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай).

Рис. 4. Стеклянная подставка 香皿 *ко:дзара* для воскурения ароматических палочек в виде серпа молодого месяца, излюбленного образа Датэ Масамунэ. На подставке изображён один из его гербов, «воробьи на бамбуке» (竹笹に雀 *такэ-ни судзумэ*). («Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай).

Так, набор благовоний «Слива спящего дракона» (臥龍梅 *гарю:бай*)²⁷ вызывает ассоциации с храмом Дзуйгандзи в Мацусима, перед главным зданием которого с давних пор растут два старых дерева – красная и белая слива, которые заливаются цветом с середины по конец апреля. Красная слива поражает своей роскошью и великолепием, а белая пленяет чистотой и свежестью. Оба дерева источают душистый аромат по всей округе. Цветы обоих деревьев цветут большими восьмислойными гроздьями. Под одной может находиться до 7–8 плодов. Из-за того, что ветки причудливо извиваются над землёй, эти деревья называют также «восемь кистей спящего дракона» (臥龍八ツ房 *гарю: яцу фуса*).

По легенде, 108-й японский император Гомидзуноо (1596–1680), серьёзно занимавшийся науками и классической поэзией, даровал этим деревьям ещё одно поэтическое название – 花香実 *ханаками*, в котором обыгрывается сочетание трёх иероглифов, означающих понятия 花 «цветок», 香 «аромат» и 実 «плод», вместе передающих значение трёх несомненных достоинств, которыми обладают эти великолепные сливы.

Рассказывают, что основатель Сэндая *даймё* Датэ Масамунэ, по приказу Тоётоми Хидэёси, в 1593 г. пославшего войска в Корею, вернулся оттуда с саженцами растений, которые он привёз в военном шлеме. Сначала он посадил эти деревья на скалистых холмах у городской стены, но с образованием Сэндая в 1602 г. пересадил сливы в центральную часть города. Когда в 1609 г. укрепляли крышу храма Дзуйгандзи, он перевёз сливовые деревья в Мацусима, собственноручно высадив их перед храмом вместе с соснами. Вот уже 400 лет стоят эти сливовые деревья у храма Дзуйгандзи, выдерживая жёсткие ветра и сильные морозы, и прославляют могущественного покровителя города²⁸.

По некоторым данным, Датэ Масамунэ привёз из Кореи один росток сливы и посадил его в заднем саду своей усадьбы, сочинив стихотворение в китайском стиле (朝鮮之役載一梅而帰栽之後園詩以紀). Позднее 229-й настоятель буддийского храма Дзуйгандзи преподобный Хирано Содзё (1928–2002), известный исследователь буддизма и буддийской литературы, посвятил вслед за Масамунэ этим сливам следующие строчки своего стихотворения²⁹:

絶海行軍歸國日,	<i>Возвращаясь домой из похода в заморские страны,</i>
鐵衣袖裏裹芳芽。	<i>Привёз под наплечником благоуханный росток.</i>
風流千古餘清操,	<i>Нетленна изысканность, чистота несравненна.</i>
幾度聞看異域花。	<i>Как часто чужеземными цветами люблюсь теперь на досуге!..</i>

(Пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной)

²⁷ «Спящий дракон» – китайская метафора книжного происхождения, подразумевающая выдающегося правителя или видного государственного деятеля (намёк на таланты Датэ Масамунэ). В современной Японии так называется знаменитый сорт *сакэ*, изготавливаемый в префектуре Сидзуока.

²⁸ Сайт японской компании «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正). Серия благовоний «Столица Датэ» (伊達之都). URL: <http://st.catv.ne.jp/sasho/garyu.html> (дата обращения: 11.08.2017).

²⁹ Существует ещё японизированный вариант обоих стихотворений, сочинённых Датэ Масамунэ и Хирано Содзё (Ср., напр. 朝鮮之役に一梅を載せて帰り 之を後園に栽え 詩を以て記す). См. Shimamori Tetsuo. Date Masamune (伊達政宗)'s Chinese Poetry (漢詩). Text, commentary and translation / Miyagi University of Education (宮城教育大学紀要、第47巻 2012), Vol. 47, 2012. P. 377. URL: http://ci.nii.ac.jp/els/contentscinii_20170815184055.pdf?id=ART0009984793 (дата обращения: 15.08.2017).

Рис. 5. Набор благовоний «Слива спящего дракона» (臥龍梅 *гарю: бай*)
(«Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай).

Набор благовоний «Кономаэ» (香の前 *ко:-но маэ*), оформленный в виде женского гребешка для причёски, отсылает воображение к истории красавицы О-танэ Кономаэ (お種香の前, 1577–1641), имя которой буквально означает вид благовония «перед ароматом». Будучи в разное время возлюбленной нескольких военачальников и сёгунов (Тоётоми Хидэёси, Датэ Масамунэ, Онинива Цунамото), она была вовлечена в сложные отношения между этими людьми.

На кроткую красавицу О-танэ обратил внимание Тоётоми Хидэёси и взял её в свой дом в качестве наложницы. В 1592 г., когда сёгун Тоётоми Хидэёси отправил свои войска на Корейский полуостров, Датэ Масамунэ также присоединился к нему со своими вассалами и пересёк море. Датэ выступил в поход, а в резиденции Хидэёси, в замке Нагоя (на северо-западе Кюсю, ныне префектура Сига) остался за смотрителя главный вассал Датэ Масамунэ, служивший ему верой и правдой, Онинива Цунамото. Хидэёси ценил Цунамото за его преданный характер и таланты, пригласил его в услужение, намереваясь сделать главным вассалом. Однако Цунамото хранил верность Масамунэ и не соглашался. Не смилившийся с этим Хидэёси однажды предпринял одну задумку, чтобы окончательно разрешить ситуацию – он пригласил Цунамото сыграть с ним партию в шашки *го*. Ставки были велики: в случае проигрыша Цунамото должен был принять приглашение стать главным вассалом Хидэёси или попрощаться с жизнью. В случае выигрыша условия спора предполагали, что Цунамото может выбрать понравившуюся из 16 девушек гарема Хидэёси. К счастью, Цунамото выиграл, и Хидэёси должен был подчиниться условиям договора. Однако Цунамото даже и не взглянул на выстроившихся перед ним красавиц, но обратил внимание на скромную

девушку, прибивавшуюся в комнате. Ею оказалась любимая наложница Хидэёси, которую Цунамото и получил как милость от господина. Позднее он рекомендовал её Датэ Масамунэ (у них родились дочь и сын). Это и была О-танэ.

Известно, что после переезда в Сэндай О-танэ сменила имя и стала Кономаэ. Воспитанная традиционной культурой Киото, она пропагандировала искусство 香道 *ко:до:* и перевезла в Сэндай различные виды ароматического сырья (знаменитые благовония из аквилярии, сандала, гвоздики, стиракса бензойного и др.) Видимо, Датэ Масамунэ не без её влияния увлёкся этим искусством и стал ему покровительствовать. В память об этой удивительной женщине выпускают специальные наборы благовоний, аромат которых напоминает запах цветущих сливовых деревьев, так любимых ею³⁰.

Рис. 6. Набор благовоний «Кономаэ» (香の前 *ко:-но маэ*)
(«Буддийские алтари Сасё» 仏壇の佐正, г. Сэндай).

Таким образом, на примере политической и общественной деятельности выдающегося военачальника и государственного деятеля Японии рубежа XVI–XVII века Датэ Масамунэ, рассмотренной в её отношении к художественной сфере, можно реконструировать не только отдельные эпизоды военно-политической обстановки того времени, но и существенные мировоззренческие идеи, характерные для эстетики позднего средневековья. Это имеет значение также для выявления и анализа новых письменных, художественных, геральдических и этнографических источников, которыми располагают музеи, арт-галереи, архивы и частные коллекции в современной Японии.

³⁰ Сайт японской компании «Буддийские алтари Сасё» (仏壇の左正). Серия благовоний «Столица Датэ» (伊達之都). URL: <http://st.cat-v.ne.jp/sasho/kounomae.html> (дата обращения: 12.08.2017).

Библиографический список

1. Анналы Японии. Нихон Сёки / Пер. со старояп. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. 427 с.
2. *Войтишек Е.Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. ил.
3. Моримото Кэйити. Камон-о сагору – асобикокоро то ва-но-дэдзаин: [Исследование японского герба: развлечение и японский дизайн]. Токио: Хэйбонся, 2009. 223 с.
4. *Одзаки Саэко.* Ко:до: ран-но соно: [Сад орхидей искусства благовоний]. Киото: Танко:ся. 459 с.
5. *Ота Киёси.* Каори то тя-но ю: [Благовония и чайная церемония]. Киото: Танко:ся. 190 с.
6. *Такасава Хитоси.* Мё:дзи кара хику ка-мон-но дзитэн: [Энциклопедия семейных гербов]. История фамилий. Токио: То:кё:до:, 2011. 592 с.
7. *Тикано Сигэру, Такасава Хитоси.* Ка-мон-но дзитэн: [Энциклопедия семейных гербов]. Токио: То:кё:до:, 2012. 358 с.
8. Сё:со:ин. Нара: Сё:со:ин дзимусё кансю: [Национальное хранилище Сё:со:ин. Нара: Управление хранилища Сё:со:ин]. 1994. 79 с.

Поступила в редакцию 25.08.2017

Авторы:

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: elenavoyt@academ.org

Речкалова Анастасия Александровна, аспирант, ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: rechkalova.nasutya@gmail.com

Political games with incense: *daimyo* Date Masamune and his passion for Japanese traditional arts

E.E. Voytishek, A.A. Rechkalova

The article focuses on the personality of Date Masamune, his military and political activities and at the same time touches upon a question about his deep interest in traditional Japanese culture. Daimyo of the Sendai domain and head of the Date clan, Date Masamune is well known as the talented military strategist and provident politician. However, Masamune has another, not so well-presented side of his personality – he was also a passionate admirer of traditional arts (especially, the art of incense and tea ceremony).

The object of analysis is the role of the art of incense in some episodes of Date Masamune's political activities, described in a number of historical sources and art materials. The results of this analysis show how esthetical ideas influence the process of making political decisions in the second half of the 16th and the first third of the 17th centuries.

Keywords: Date Masamune, Sendai, art of incense, Aquilaria (Agarwood).

Received 13.06.2017

Authors:

Voytishek Elena E., Doctor History, PhD, Professor, Head of Department of Oriental studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University. E-mail: elenavoyt@academ.org

Rechkalova Anastasia A., Postgraduate student, Department of Oriental studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University. E-mail: rechkalova.nasutya@gmail.com

Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017)

M.N. Malashevskaya

The paper deals with the history of Japanese-Mongolian relations over the period between 1997 and 2017 in the context of Eurasian diplomacy adopted by the Hashimoto cabinet in 1997. The paper investigates evolution of the twenty-year bilateral political, economic and security cooperation, aligned with Eurasian policy and developed from “soft power” to “smart power”, focusing on the analysis of the Hashimoto Ryutaro, Koizumi Junichiro and Abe Shinzo administrations approaches.

Keywords: Japanese-Mongolian relations, Abe Shinzo, Eurasian Diplomacy, North-East Asia, DPRK, “smart power”

Introduction

The Mongolian direction ought to be assessed as a representative, though very specific line in the Japanese foreign strategy from the late 20th century up to nowadays. The main objective of this research is to examine the evolution of the Japanese policy towards Mongolia in the context of Japan's Eurasian policy, introduced by Hashimoto Ryutaro in 1997 and developed in various ways by prime ministers Koizumi Junichiro (“Central Asia Plus Japan”) and Abe Shinzo (“Arc of Freedom and Prosperity” and new Eurasian Policy). The author advances a hypothesis, according to which Japan had not only started to use economic diplomacy, “aid diplomacy” and “soft power” methods in Mongolia, but had also implemented a specific Japanese version of “smart power” of this policy in the 2010-s. “Smart power” is a term offered by US scholars J.S. Nye and R.L. Armitage in “CSIS Commission on Smart Power” Report (2007): “Smart power is neither hard nor soft – it is the skillful combination of both” [1, p. 7]. “Smart power” strategy investigated for the US foreign policy lies in investing alliances and multilateralism, supporting global development and establishment of global health network, using worldwide public diplomacy through personal contacts and education, advancing economic integration and innovations globally. Application of hard or forced power seems to be appropriate in critical situations, such as anti-terrorist campaigns or peacekeeping operations. Therefore, a macro-level analysis of socio-economic, political and military cooperation between Japan and Mongolia is used as a basic method of the research, along with comparative analysis of the Japanese strategy for Mongolia and other Eurasian states .

The Mongolian direction of Japan's Eurasian strategy may be considered from various theoretical perspectives. It is critical for this analysis to consider the attitude of Japanese intellectuals towards Eurasia. In the mid 1990's – mid 2000's specialists of the Slavic Research Center of Hokkaido University (lately – Slavic-Eurasian Research Center) formulated the term of "Big Eurasia" which means the megaregion ranging from Japan, Korea and China in the East, to India in the South, the Middle East and even Eastern Europe in the West and Russia in the North [2]. The core region of Eurasia has been marked as Russia and Central Asian independent states. Mongolia had been traditionally classified as a North East Asian country sandwiched between Russian Siberia and the Far East and China, but from the mid 1990-s the Mongolian geographic position and identity has been reviewed and since then it has been included in this discourse as one of the Central Asian countries [3, p. 39]. This fact allowed to form a new line for the Japanese strategy towards Eurasia in which Mongolia has become a continental bridge in attempts to introduce a new proactive policy in the mega-region of Eurasia. Mongolia is extremely rich in mineral resources (uranium, coal, metals) and agriculture products, which is the reason for Japan to become nationally interested in developing economic relations with it.

Great powers are assessed in Mongolia from various theoretical perspectives, including the geopolitical theory of "New Great Game" in Central Asia, with Mongolia among "key players" together with Russia, China, the US, while Japan, Turkey, South Korea are minor "players": [4, pp. 62–71], [5, p. 120]. At the same time, it was prime minister Koizumi Junichiro who spoke out against "New Great Game" in Central Asia in 2006 [6, pp. 42–43], which demonstrates that the idea itself of competing "great powers" threatens the Japanese political elites. The interstate hierarchy in Asia (East, North-East) and Eurasia has been also estimated, and numerous Western and Asian international relations experts treat the regional order in Asia within the framework of the US-led regional hierarchy: "US military supremacy is the indispensable guarantor of regional 'stability'" [7, p. 495]. The hegemonic power of US in this hierarchy, security alliances created in the Asia Pacific region and in inner Asia, where the Japan–US Alliance is a durable one, being the foundation for stability, and this fact is proved by multilateral economic and security relationships of the region's states with the US, as well as by security triangular ties: Japan–ROK–US, Japan–India–US and in the 2010-s Japan–Mongolia–US.

Historical Background of Japan-Mongolia Dialogue

Japan-Mongolia relations are characterized by a long-term direct interaction, dating back to Japan's invasion of East Asia in the early 20th century, conflicts with the USSR on the territory of Mongolia in 1938–1939 (the Battle of Lake Khasan and the Battles of Khalkhin Gol). After World War II, a new stage in Japan's policy towards Mongolia has started. It began to focus on economic interactions from the 1970-s, although negotiations on official and non-official levels had been conducted since the 1950-s. The diplomatic relations between Japan and Mongolia were reestablished in 1972 in parallel with the opening of the Japan-China relations [8, p. 157.]. The strategy of Japan of that time put the main stress on economic issues, framed by the Japanese economic diplomacy flourishing from the 1960-s to the 1970-s.

Bilateral dialogue rose up to a new level from the early 1990's according to the weakening of the USSR's influence on Mongolia. The official ties and bilateral high-level visits intensified after 1989, when the first visit of minister of foreign affairs Uno Sosuke was paid to Mongolia [9, p. 37]. During the 1990-s high executives from Mongolia and Japan paid about ten mutual visits, showing deep interest of both sides in developing their engagements [9, pp. 37–41]. From the Mongolian side, that activity has been brought about by the desire of the Mongolian democratic government to find new partners among developed Western nations or the so called “third neighbor” policy aimed at rebalancing its geopolitical position between China and Russia. This period of the Japanese policy in Mongolia can be considered from three standpoints: (1) Japan's intention to play a greater role in global and Asian regional affairs, due to the inner demand for active foreign policy; (2) the high level of “soft power” implementation made by Japan for its foreign strategy, focusing on the “aid diplomacy”; (3) the way to construct Asian identity for the Japanese, who considered themselves as having obtained a Western identity or special Japanese identity outside Asia after World War II. In this context, the Mongolian nation and language were found to have ancient ties with the Japanese islands [10]. That fact distinguished Mongolians from other Asian and Eurasian nations in the eyes of the Japanese.

Since the beginning of the 1990-s Japan has received unpredictable freedom from the US, caused by the end of the Cold War, which befell simultaneously with the forming of a new agenda for the Japanese foreign policy aimed to find its new role in the international affairs in this new and uncertain world order. Posing itself as a peace-loving nation, after 1992 the Japanese Self Defense Forces (JSDF) started to participate in peacekeeping operations together with the United Nations troops [11]. These actions seem to have laid the groundwork for Japan to use its military potential in the world politics, but they also opened heated debates among pacifists and non-pacifist in the country, and provoked an inner claim to make Japan a “normal state”, formulated by the politician Ozawa Ichiro. The Japanese diplomat Kawashima Yutaka emphasized that versus narratives are inherent for the Japanese policy: peace-loving vs importance of the security and being a “normal state”, values-oriented approach vs results-oriented approach, catching up with the West versus maintaining an Asian identity [12, pp. 1–14]. These narratives exerted a decisive influence on the strategy in Eurasian direction. Reevaluation of Asia and Eurasia and the role of Japan among the Asian nations community, and, finally, a strong intention to return to Asia (*datsuo nyuo, kia rio*) from the end of the 1990-s [13, pp. 100–101], made Eurasia a training field for the Japanese strategic actions and, furthermore, military activation. The US political scientist K.J. Cooney noted: “A major problem for a more independent Japan is that it has no friends in the region, only rivals” [14, p. 58]. Thus, the process of finding Eurasian friends had an objective of strengthening the international position and role of Japan in the world. The definite advantage of Eurasian countries, in comparison to East Asian nations, was that they did not have a negative experience and image of Japan in what concerns historical memory issues. Japan had no contacts with Central Asian nations up to the early 1990-s. However, at first Mongolia stayed on a distinct position, having economic relations with Japan since the 1970-s. Nevertheless, at the beginning of the 1990-s all Central Asian, South Caucasian nations and Mongolia together with them remained in a state of economic and political crisis and looked forward to the Western nations financial aid. At that time “aid diplomacy” was the basis for the Japanese policy towards the region. At the same time, in 1993–

1996 inner political and economic challenges in Japan did not allow it to provide an active foreign policy towards Eurasian states. Meanwhile, Mongolia has been involved in economic integration projects, requested by Japan, for example, the “Tumen River” project or the “Sea of Japan Special Economic Zone” integration project.

Mongolia in Japanese Eurasian initiatives

Phase 1: Hashimoto Ryutaro approach

The first Japanese-Eurasian initiative was investigated by the Hashimoto Ryutaro cabinet in 1996–1997, aiming to form the sole principles of the policy towards a number of Eurasian states, to align its strategy for Russia, China, Central Asian states, South Caucasus and even Mongolia and Korea. The so-called “Eurasian diplomacy viewed from the Pacific” or Eurasian Diplomacy (*taiheiyo: kara mita yu:rajjia gaiko:*) was announced on July 24, 1997, at the assembly of the Japan Association of Corporate Executives [15]. At the same time, a “multilevel-approach” (*jyu:zo:teki apuro:chi*) has been articulated for the policy towards Russia, which has raised interaction with Russia to a new level of more effective dialogues, demonstrating result-oriented approach of the Japanese government. The “Silk Road” was chosen to be the backbone of Eurasian Diplomacy. Although the TRACECA initiative was the first Eurasian integration strategy, involving new independent states of Central Asia and South Caucasus after the USSR collapse, articulated by new independent governments of the above-mentioned states, the Japanese “Silk Road” concept became the first initiative of an Asian nation to form a big integration project on open spaces of the mega-region of Eurasia, aiming to maintain open regionalism there.

From 1997 to 2001 and even up to 2004, the engagement of Japan in Eurasian policy was based on “aid diplomacy”, which was defined by the Japanese researchers Kato Hiroshi and Fujiwara Kiichi as a very important mechanism of Japan's policymaking for developing countries. Kato Hiroshi underlined that development of infrastructure and assistance in upgrading the human potential were to be proposed as a basic activity towards developing nations [16]. It is possible to see that Eurasian diplomacy from 1997 to the first years of the Koizumi reign was focused exactly on the “aid diplomacy” and “soft power” towards Kazakhstan and Uzbekistan in the post-Soviet Central Asia [17]. For Mongolia, grant aid in the years 2000–2006 amounted to 29,441 billion yen (total sum of grant aid to 2007 amounted to 83,160 billion yen), technical cooperation over the same period – to 2,349 billion yen, loan aid in 1991–2005 – to 39,107 billion yen [18], [19]. The diplomacy for Mongolia has evolved according to the same principles, as it has been done for Central Asian states, despite the fact that it has been built on the basis of bilateral engagement.

The Hashimoto Ryutaro and, later, Obuchi Keizo cabinets showed great interest for Mongolia, when prime-minister M. Enkhsaikhan visited Tokyo in February 1997, commemorating the 25th anniversary of the establishment of Japan-Mongolia diplomatic relations [20]. Next year, in 1998, during the visit of the Mongolian president N. Bagabandi to Japan, the “Japan-Mongolia Joint Statement for Friendship and Cooperation” was signed, highlighting the pillars of bilateral relations [21]. The Statement was prompted by the spirit of comprehensive partnership (*so:go:teki pa:tona-shippu*), negotiated by the two governments in the two previous years. The main directions of this comprehensive partnership have been noted as: (1) extension of political and security dialogue;

(2) economic cooperation; (3) intensification of people-to-people exchange and cultural ties; (4) regional and global partnership [21]. These pillars evidently lie within the “soft power” paradigm.

The above-mentioned points of the Japanese-Mongolian joint statement have particular similarity with the positions of the “Moscow Declaration on Building a Creative Partnership between Japan and the Russian Federation” signed in 1998. Thus, it is possible to suggest that Eurasian Diplomacy towards Russia and Mongolia was based on the common principles, dictating to keep those diplomacy directions within the single Eurasian strategy, provided by the Hashimoto-Obuchi cabinets. Meanwhile, the “aid diplomacy” mechanisms for their part demonstrated deep similarities with the policy towards Central Asian states and Mongolia.

Phase 2: Koizumi Junichiro approach

Koizumi Junichiro came to power in April 2001, and September of the same year was marked by the terrorist attacks against the US, which occurred in New York, and resulted in the US anti-terrorist campaign in the Middle East and Central Asia. Japan together with most of European and Asian nations supported the American anti-terrorist campaigns in Iraq and Afghanistan, and, quite logically, this involvement considerably contributed to the development of the JSDF and security system. Since the late 1990's the Japan-US Security Alliance underwent reconsideration and was reevaluated, in 2000 “The United States and Japan: Advancing Toward a Mature Partnership” (R. Armitage – J. Nye report) was published, and finally Koizumi Junichiro underlined that the alliance with US is to be considered as a foundation for the Japanese security policy [22], [23]. In this context, Japan-Eurasian engagement has been affected by considerable changes, based on the anti-terrorist actions. In addition, the Japanese government set a goal of more active involvement in foreign policy by using the military forces, adopting anti-terrorist legislative package and Humanitarian Relief and Iraqi Reconstruction Special Measures Law [24, p. 81]. Therefore, a new phase of the US-Japan security cooperation has been launched. Moreover, since the beginning of 21st century, a tendency for Japan and NATO to have closer contacts has been noticed, which became even stronger under the Koizumi and Abe administrations in the 2000-s–2010-s [25]. The rapprochement with NATO has also been demonstrated by the Mongolian government in the 2000-s, that started a special Japan-Mongolia military cooperation, in agreement with the engagements with NATO.

Furthermore, the US operation in Afghanistan is suggested to be unprecedented in Eurasia in what concerns its scale, considerably affecting stability in Central Asia and giving rise to reviewing Russian and Chinese Eurasia projects. The role of Mongolia was also reconsidered. In 1999–2000 the Mongolian government legislated participation in peacekeeping cooperation, and since that time Mongolia has started to send its military personnel to participate in peacekeeping operations within the UN military forces [26]. Mongolia participated in 12 of 13 events during 2000–2003 in Africa and Asia, including multinational peacekeeping field exercise in Kazakhstan in 2000 [27]. Those actions could be considered as a new path of Japan-Mongolia interaction in Eurasia in the peacekeeping aspect, particularly taking into account that Mongolian and Japanese soldiers were sent both to Afghanistan and Iraq in the 2000-s.

For instance, trying to extend its participation in the global anti-terrorist campaign, the Mongolian government allowed the US military forces to conduct multinational peacekeeping military exercises on its territory, while recognizing its involvement in the US-led regional hierarchy in Asia. These military exercises received a catchy title – “Khaan Quest” and have been held every year since 2003, organized by the Mongolian Armed Forces General Staff in conjunction with the U.S. Pacific Command (PACOM) [27]. Japan welcomed these developments and participated in “Khaan Quest” at first as an observer.

The beginning of the 2000-s was also the time of escalation of tensions connected with North Korean nuclear problem. Japan suffered from the PDRK actions and missiles tests more than any other country. The Japanese government attempted to cooperate with the regional powers – China and Russia – aiming to exert pressure upon the North Korean government, however, the attempts still have not succeeded. Mongolia proclaimed itself a nuclear weapon free zone region and started to reconsider whether or not to be a partner of Japan against North Korea [28, pp. 88–89]. In December 2003, Japan-Mongolia Summit Meeting was held when the president of Mongolia N. Bagabandi paid a visit to Tokyo to have a meeting with prime minister Koizumi Junichiro [29]. The talks focused on North Korea nuclear issue as well as on protecting peace and stability, coordinating activity against PDRK. The main directions of bilateral collaboration, including economic ties, people-to-people relations, education exchange and anti-terrorist and anti-nuclear weapon points were enshrined in the Joint Statement [21].

A noticeable trend of the Koizumi rule is the revision of the position of Japan in Asia (and, wider, Eurasia) as not a Western, but Asian nation, sharing common history and cultural features with other Asian nations and seeking Asian identity. That motivated Japan to review its role in the ASEAN cooperation, to strengthen its intention to collaborate with APEC, to expand its ties with China and South Korea and to find friendly governments among new independent players in Eurasia. The cooperation in Eurasia with Central Asian and South Caucasian states demonstrated growth and mutual interest. In 2004 the Minister of Foreign Affairs Kawaguchi Yuriko had a round trip to Central Asia during which she initiated a new format of regional cooperation with these states, calling for “Central Asia Plus Japan” Dialogue (CAJ dialogue). The Japanese scholar Yuasa Takeshi noted that “Concepts of Eurasian diplomacy and the CAJ dialogue are rare examples for understanding geopolitics that have long been forgotten in Japanese diplomacy” [30].

The activity of the Koizumi administration towards Mongolia was aligned with the policy towards Central Asian states, but the parallel with the Russian policy has been gradually weakening. Immediately after the round trip to Central Asian states in August, on September 2, 2004, Kawaguchi Yuriko paid a visit to Mongolia [31]. The official goal to intensify the interaction was announced as assistance in developing a more democratic market economy in Mongolia, but as a matter of fact the Japanese government tried to strengthen its geopolitical positions in the mega-region of Eurasia, trying to balance itself with the regional superpowers – the rising economic leader China and the energy giant Russia.

Finally, prime minister Koizumi Junichiro paid a visit to Mongolia in the mentioned year of 2006, along with his visit to Central Asia. Prime ministers Koizumi Junichiro and M. Enkhbold emphasized that Japan and Mongolia were both interested in constructing close relations, in balance Russia's and China's power in the region. The Japanese side was extremely eager to collaborate with

Mongolia as a member of the Shanghai Cooperation Organization – the first new Eurasian alliance project in the 2000-s – and as a partner in negotiations on North Korea nuclear threat [32]. M. Enkhbold invited the Emperor, the Empress and the Crown Prince of Japan to visit Mongolia in 2007 to take part in the 35th anniversary of establishing Japan-Mongolia diplomatic relations, and the visit of the Crown Prince with purpose to foster friendly relations was paid in July 2007. Using the “Emperor diplomacy”¹ might be considered as evidence of a particular role of Mongolia for the Japanese Eurasian policy. Of note is that the Mongolian direction during the Koizumi acquired a truly strategic importance, compared to other directions of Eurasian Diplomacy. It brought about a possibility to sustain friendly relations with new independent states of Eurasia, as well as an opportunity to balance in Eurasia with the super-powers – Russia and China – mostly using “soft power” approach.

From the economic perspective, the period between 2004 and 2007 is marked by a steady growth in Japan-Mongolia dialogue.

	Japan export to Mongolia	Japan import from Mongolia	Trade balance
2004	73 723 000 \$	8 176 000 \$	65 547 000 \$
2005	73 746 000 \$	6 529 000 \$	67 217 000 \$
2006	106 178 000 \$	8 411 000 \$	97 766 000 \$
2007	153 647 000 \$	16 243 000 \$	137 404 000 \$

The table uses the JETRO statistics [33]

As the table shows, 2004–2005 years were not characterized by a considerable trade growth, but to 2007 both exports and imports of Japan to Mongolia doubled, which went in parallel with the rise of political engagements. Not only Japanese financial aid, but trade and mutual projects in heavy industry, mining in Mongolia, business connections and even tourism rose in the 2000-s, and this intensive cooperation continued to grow in 2010, under Abe Shinzo rule and his political line.

Phase 3: Abe Shinzo approach

From the middle of the 2000's Mongolia has become a very important logistics and energy grid for China and Russia, especially taking into account the fact that from the beginning of the 2000's Russia advanced several energy projects with the objective to supply Asian states with oil and natural gas. The Ulan-Bator railroad is one of the alternative transport routes for China to deliver oil, gas and goods from Russia to China and back. By the 2010-s China replaced Japan as a main consumer of Russian oil and natural gas, and that was documented in the “Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030” [3, p. 37]. Understanding the rising rivalry in mega-region

¹ “Emperor diplomacy” means the considerable visits of the Emperor of Japan family to countries, elected to be very important for the Japanese foreign policy.

Eurasia² motivated the first cabinet of Abe Shinzo to investigate a course capable of easing these tensions. Therefore, the concept of the “Arc of Freedom and Prosperity” (AFP, *jiyu: to hanei no ko*) was declared by the Minister of foreign affairs Aso Taro in 2006 [34]. The concept was proclaimed as values-oriented strategy (for freedom, democracy, human rights, rule of law, and market economy) towards the mega-region of Eurasia, stretching from not only outer edge of Eurasia, but also through from Northeast Asia to Central Asia and the Caucasus, Turkey, Central and Eastern Europe and the Baltic states [34]. In its scope, the concept can be compared with the Konoe Fumimaro concept of “The Greater East Asia Co-Prosperity Sphere”, and as it will be shown below, in its economic and even military aspects were also implemented while the concept was realized under the Abe Shinzo administrations.

According to the AFP, Japan-US strategic alliance is viewed as a basis for the Japanese foreign strategy and its security hierarchy, but Mongolia and South Korea together with Australia and New Zealand should be partners of Japan for stability, common interests and values in Eurasia [35]. The adoption of Japan-Mongolia Action plan for 10 years, signed by prime minister Abe Shinzo and president N. Enkhbayar on February 26, 2007, was to become a bilateral foundation for this concept to be adopted [36]. The Action Plan gave green light for the development of strategic partnership between Japan and Mongolia as one of the basic grids for the Eurasian policy of Japan. The inner political situation in Japan – LDP opposition in 2009–2012 – alongside with the 2009 financial crisis slowed the process of strengthening Japan-Mongolia strategic partnership. Nevertheless, the bilateral Strategic Partnership Agreement was signed in November 2010 [37], demonstrating mutual interest to advance further engagement and to coordinate Eurasian developments and to apply AFP ideals, shared even by oppositional Democratic party governments.

After LDP returned to power in 2012, the Abe cabinet intended to accumulate its foreign initiatives and formulated a well-shaped foreign policy doctrine and then first National Security Strategy (2013), based on the improvement of Japan-US security alliance, security and military alliances with Australia, India, the Philippines, Malaysia and even Mongolia [38, p. 241–248], [39], [40]. It was the time of rising of Eurasian initiatives of “great powers”. According to the US “New Silk Road project” (2011), Japan’s involvements in Eurasian integration and security interactions had to be extended in the southern direction (Afghanistan-Pakistan-India), but the Russian Eurasian Economic Community (2000–2014) and its “turn to the East”, as well as Chinese “One belt, One road” (2013, The Silk Road Economic Belt and the 21st-century Maritime Silk Road) compelled Japan to provide active and results-oriented policy in Eurasia, so that not to lose its leadership in the mega-region. In the 2010’s JSDF participated in several military maneuvers in the Indian Ocean, in the Pacific Ocean, and on the lands of India and Mongolia, which after becoming the training field for a new Japan, rejected the pacifist doctrine. That confirms that Japan, in spite of having a pacifist constitution, in reality has begun to use “smart power” methods in “Big Eurasia”, training in South Eurasia and Mongolia, participating in multilateral peacekeeping exercises there (“Khaan Quest”, “Cobra Gold” in Thailand, military rapprochement with Australia, Philippines, Vietnam, India).

² Inner political instability in Central Asian states, Afghanistan terrorist problem, Pakistan instability, numerous border tensions in whole Eurasia, wars in the Middle East, rise of nuclear problem on the Korean peninsula, tensions between Russia and Georgia.

Abe Shinzo's visit to Mongolia in March 2013 was seven years after high-level visit of prime minister Koizumi Junichiro. The Japanese leader proclaimed three guiding values-oriented principles for Japan-Mongolia partnership: freedom and democracy, peace and mutual help [41]. The Japanese side suggested a results-oriented energy initiative, deepening cooperation in energy supplies from Mongolia [42, p. 182]. Owing to this visit, the strategic partnership was enlarged, and these actions can be estimated as an attempt of the Japanese government not to lose its position in Eurasia with of Russia and China's expansion to the mega-region in the background.

In March 2015, a large-scale "Agreement between Japan and Mongolia for an Economic Partnership" was signed laying a foundation for the enlargement of bilateral economic ties [43]. In October 22–27, 2015 Abe Shinzo took the so-called historical tour of Mongolia and five Central Asian states. The Japanese prime minister together with representative delegation of Japanese politicians, universities representatives, businessmen visited Mongolia and five former Soviet Central Asian republics and signed a big set of treaties for economic partnership, people-to-people exchange, widening of cultural and educational ties, strengthening intergovernmental cooperation [44], [45], [46].

A considerable contribution to Japan-Mongolia business interactions was made by JETRO. Under this organization assistance, in 2014 the Japan-Mongolia Business Networking was held which gathered 300 companies from both countries, then in 2016 "The Mongolia Trade and Investment Forum" was organized in Japan [47], [48]. In 2005–2016, Japanese-Mongolian trade rose by 2,5 times in the period from 2005 to 2008, in 2009 it sank to the 2007 level, then went up again in 2011–2014, when the Japanese export grew by 3 times. In 2015–2016 export and import to Japan plunged again [33]. The essential feature of mutual trade is that exports from Japan to Mongolia are much greater than imports, surpassing them by 10 times.

Abe Shinzo's visit to Mongolia and Central Asia showed that Japan's policy has been restricted by the unified policy-making in Eurasia and had to go along the common strategic line, therefore it was based on common principles and had a similar shape. However, engagement with Mongolia demonstrates a deeper security and military involvement, which is evident in the fact that the Mongolian Army accepted the Japanese assistance (in infrastructure reconstruction, educational programs for Mongolian officers, common military exercises), which was realized immediately after the adoption of the first National Security Strategy allowing such kind of activities [49].

During the high-level talks in October 2015, Mongolia and Japan leaders agreed to advance policy, supported the proactive contribution to peace policy. Abe Shinzo stated: "Japan will contribute even more proactively to the peace and stability of the international community in the future, and explained that the Legislation for Peace and Security forms the core for putting the policy of Proactive Contribution to Peace into practice" [50]. He also noted that defense cooperation between Japan and Mongolia was increasing, and a JSDF unit was dispatched to a multilateral military exercise ("Khaan Quest") in June for the first time. Prime minister Abe explained that in the field of capacity-building support, the JSDF has been earnestly carrying out training in roadbuilding in Mongolia, and he expressed hope to further advance this cooperation and exchange. Additionally, the prime minister expressed his delight that a triangular Japan-U.S.-Mongolia dialogue was possible to be held for the first time in September, and stated that he hoped the strategic dialogue between the three countries would continue [44]. Therefore, the US seems to be

the most influential global participant, while Japan is a technological and developing military regional leader, with Mongolia as a subordinate state and a good training field in the core of Eurasia, allowing to provide control over China, Russia and officially proclaimed North Korea. From the point of view of security, this triangular partnership might be considered as the greatest Japanese contribution to peace and stability in northern Eurasia and as a means to prevent possible risks for the Japanese islands from the North Korean side, but at the same time as a path to maintain the lasting US-led hierarchy in the region.

Japan-Mongolia strategic partnership has been enhanced according to a new mid-term Action plan for the next five years, which was signed on March 29, 2017, and which puts economy and security together with military collaboration as the pillars for the future strategic partnership [51]. Signing the document marked the 45th anniversary of the Japanese-Mongolian diplomatic relations. In March 2017, the countries came to an agreement to establish a special office of defense ministry in Mongolia to prevent any threats to security from North Korea, and even China and Russia [52]. Consequently, the basis of the Abe administration's policy towards Mongolia lies in combination of intergovernmental, economic and military cooperation, or in applying a Japanese version of “smart power”, carrying out one of its basic ideas which consists in forming alliances with subordinate states.

Conclusion

The Japan's Mongolian diplomacy had a considerable evolution over the last 20 years, and the Eurasian context exerted a great impact on its developments. At the first phase, Eurasian diplomacy towards Russia, Central Asian states and Mongolia developed on the basis of equality principles and laid foundation for intensive economic ties and people-to-people exchange. Under the Koizumi administration, it transformed and took the form of political and strategic cooperation in the mega-region of Eurasia, while financial aid and “soft power” methods preserved its leading role in policy-making for Central Asia and Mongolia, but distinguished from the strategy for Russia. The US-Japan alliance principles have begun to extend over to Asia and Eurasia, constructing strong regional hierarchy. At the same time, with the rise of Eurasian projects among Eurasian great powers and according to the revision of Japan's priorities in Eurasia on the basis of the AFP concept, the Japanese government under the Abe administration raised interaction with Mongolia to a level of strategic partnership. As it has been considered, the attitude of Japan to Mongolia is characterized by very specific features, compared to the dialogue with the other Central Asian states, however, Abe's visit to Central Asia in 2015 was scheduled for the same period with his visit to Mongolia, thus demonstrating that the same principles were used in both directions. The military exchange and triangular strategic ties distinguish it from other Central Asian states, while aligning its Mongolian diplomacy with the diplomacy in the southern direction – towards India, the Philippines, Vietnam, and even Australia and New Zealand, fits into the US-led hierarchy of regional strategic ties, which was confirmed by the Abe's speech at the International Conference on The Future of Asia on 5 June 2017 [53]. Although the political line of Japan towards Central Asian states is characterized by using mostly “soft power” methods, Tokyo's policy towards Mongolia has gone further, having started to implement “smart power” tactics, using a combination of military

approaches in achieving political goals with establishing strategic regional alliances and economic cooperation for sustained growth and stability. Nevertheless, applying “smart power” mechanisms is very likely to develop in the future, even despite the power shift in Japan after a probable resignation of the Abe administration.

Acknowledgments

The author is extremely grateful to Dr. Robert Eldridge for his critical comments on the earlier versions of this article which helped to improve it. The author also would like to express her deep gratitude to Prof. Yamada Mitsuru for revising this paper and his invaluable assistance in finding relevant materials.

References

1. *Armitage R. L., Nye J. S., Jr.* CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America. Washington: The CSIS Press, 2007. 82 p.
2. Yu:rajia chiiki taikoku no hikakukenyu: : [Comparative study of Eurasian powers]. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/index.html> (accessed: 29.02.2016).
3. *Sharad K Soni.* Russian Policy towards Northeast Asia: The Mongolia Factor // *Mongolian Journal of International Affairs* 2014, Vol.19. P. 34–48.
4. *Her Eric.* The “GREAT GAME”: Mongolia between Russia and China // *The Mongolian Journal of International Affairs.* 1997, Number 4. P. 62–71.
5. *Михалев А.В.* : [Mikhalyov A.V.]. «Новая большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии : [“New great game” in Central Asia: Mongolian factor]// *PolitBook.* 2012. № 3. P. 117–127.
6. *Japan’s Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead* / ed. Christopher Len, Uyama Tomohiko, Hirose Tetsuya. Washington/Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, and The Silk Road Studies Program (Institute for Security and Development Policy), 2008. 206 p.
7. *Jerden B.* Security expertise and international hierarchy: the case of ‘The Asia-Pacific Epistemic Community’ // *Review of International Studies.* Vol. 43. Iss. 3. P. 494–515.
8. *Базаров В.Б.* : [Bazarov V.B.]. Монголо-японские дипломатические отношения : [Japanese-Mongolian diplomatic relations] // *Власть.* 2009. № 9. P. 157–159.
9. *Nalin.* Historical Retrospect on Mongolia-Japan Relations and Comprehensive Partnership // *Bimonthly Journal on Mongolian and Tibetan Current Situation.* 2006. Vol.15. No.3. P. 33–61.
10. *Nihon to mongoru bunkako:ryu: ha kodai kara?! Orudosusiki do:ken hakken* : [Japanese and Mongolian culture exchange started in ancient times?! Research of bronze knives of the Ordos culture] // *Mongoru jo:ho: kuro:zuappu.* URL: <http://mongol.blog.jp/archives/51764246.html> (accessed: 05.08.2017).
11. *Ishizuka Katsumi.* Peacekeeping Contributor Profile: Japan // *Providing for Peacekeeping.* URL: <http://www.providingforpeacekeeping.org/2014/04/03/contributor-profile-japan/> (accessed: 05.08.2017).

12. *Kawashima Yutaka*. Japanese foreign policy at the crossroads. Challenges and options for the twenty-first century. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 164 p.
13. *Чугров С.В.* : [Chugrov S.V.]. Социокультурное пространство и внешняя политика Японии : [Sociocultural space and Japan's foreign policy]. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 252 с.
14. *Cooney K.J.* Japan's foreign policy since 1945. New York, London: M.E. Sharpe, Armonk, 2007. 297 p.
15. Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives (Provisional Translation). July 24, 1997 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html (accessed: 23.05.2017).
16. Japan's Development Assistance, a Conversation with Mr. Hiroshi Kato // Open lecture for United Nations University. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5XGx6M3xbEs> (accessed: 15.06.2017).
17. Country Assistance Evaluation of Uzbekistan and Kazakhstan. March 2005 // MOFA web-site. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2004/text-pdf/uzbekistan.pdf> (accessed: 20.10.2016).
18. Japan's Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia web-site. URL: <http://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF> (assessed: 08.08.2017).
19. Nihon no tai mongoru shien : [Japan's assistance to Mongolia] // Embassy of Japan in Mongolia web-site. URL: <http://www.mn.emb-japan.go.jp/news/japan.pdf> (assessed: 28.08.2017).
20. Visit to Japan by Mr. M. Enkhsaikhan, Prime Minister of Mongolia. 17 February, 1997 // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/archive_1/mongolia.html (accessed: 15.06.2017).
21. Nihon to mongorukoku-to-no kyo:do: seimei : [Japan-Mongolia Joint Statement for Friendship and Cooperation]. 04.12.2003 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2003/12/04seimei.html> (accessed: 15.06.2017).
22. Remarks by Prime Minister Junichiro Koizumi at the Ceremony for All Victims of Terrorist Attacks in U.S. // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/terro0109/010923_e.html (accessed: 15.06.2017).
23. Press Conference by Prime Minister Junichiro Koizumi on the Issue of Iraq. March 20, 2003 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2003/03/20kaiken_e.html (accessed: 15.06.2017).
24. Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социокультурные аспекты : [Japan in the Asia-Pacific Region: Political, Economic and Socio-Cultural Aspects] / под ред. Д.В. Стрельцова : [ed. by D.V. Streltsov]. М.: Ассоциация японоведов; Японский Фонд; изд-во Восточная литература, 2009. 255 с.
25. *Добринская О.А.* : [Dobrinskaya O.A.] Япония и НАТО: перспективы партнерства : [Japan and NATO: partnership perspectives] // Ассоциация японоведов. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=513 (accessed: 05.08.2017).
26. Mongolia and the United Nations // UN official web-site. URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/mongolia-and-united-nations-0> (accessed: 01.07.2017).
27. *Byambasuren Bayarmagnai* (2005). Challenges Facing Mongolia's Participation in Coalition Military Operation. URL: <http://library.uoregon.edu/ec/e-asia/read/mongol.pdf> (accessed: 01.07.2017).

28. *Enkhsaikhan J.* Mongolia's nuclear policy: from security to serotype research // *Global Asia*. 2017. Vol. 12, N. 1. P. 86–92.

29. Japan-Mongolia Summit Meeting. Thursday, December 4, 2003 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/koizumipphoto/2003/12/04mongol_e.html (accessed: 01.07.2017).

30. *Yuasa Takeshi* (2008). Japan's Multilateral Approach toward Central Asia // Eager eyes fixed on Eurasia: Russia and its neighbors in crisis. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/04_yuasa.pdf (accessed: 01.07.2017).

31. Visit by Minister for Foreign Affairs Ms. Yoriko Kawaguchi to Mongolia // MOFA web-site. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2004/9/0902.html> (accessed: 01.07.2017).

32. Outline of Prime Minister Junichiro Koizumi's Visit to Mongolia (August 10–11, 2006) // MOFA web-site. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2006/8/0816.html> (accessed: 03.07.2017).

33. Japan's International Trade in Goods (Yearly). JETRO Reports and Statistics. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed: 29.06.2017).

34. Jiyu: to hanei no ko wo tukuru. Hirogaru nihon gaiko: no chihei. Gaimudaijin Aso Taro.: Nihon kokusai mondai kenkyu:jo: semina: ko:en : [Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar “Arc of Freedom and Prosperity: Japan's Expanding Diplomatic Horizons”]. 30.11.2006. // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/18/easo_1130.html (accessed: 03.07.2017).

35. Aso gaimudaijin enzetsu. Zaidanho:jin nihon kokusai fo:ramu (JFIR) setsuritsu 20 shu:nen ni yosete “jiyu: to hanei no ko” ni tuite : [Address by H.E. Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the 20th Anniversary of the Founding of the Japan Forum on International Relations, Inc. "Arc of Freedom and Prosperity"] 12.03.2007 // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/19/easo_0312.html (accessed: 07.08.2017).

36. Kongo 10 nenkan no nihon mongoru kihon ko:do: keikaku : [Japan-Mongolia Action Plan for 10 years]. 26.02.2007 // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/mongolia/visit/nam_0702/jm_kk.html (accessed: 03.07.2017).

37. Senryaku pa:tona:shippu ko:tiku ni muketa nihon mongoru kyo:do: seimei : [Japan-Mongolia Joint Statement on Strategic Partnership Agreement]. 19.11.2010 // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/mongolia/visit/tua_1011/senryaku_ks_1011.html (accessed: 03.07.2017).

38. Япония: консервативный поворот : [Japan: turn to conservatism]. М.: АИРО-XXI, 2015. 274 с.

39. Japan's Security and Defense Policy and the Japan-U.S. Alliance. National Security Strategy and National Defense Program Guidelines, etc. // MOD web-site. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2015/DOJ2015_2-2-1_web.pdf (accessed: 05.08.2017).

40. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 183rd Session of the Diet Monday, January 28, 2013 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201301/28syosin_e.html (accessed: 05.08.2017).

41. Remarks by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan during His Visit to Mongolia at the Dinner Hosted by H.E. Mr. Norov Altanhuyag, Prime Minister of Mongolia //

Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201303/30mongolia_e.html (accessed: 03.07.2017).

42. Грайворонский В.В. : [Graivoronskii V.V.] Монголия–Япония: от правительственной помощи к стратегическому экономическому партнерству : [Mongolia – Japan: from governmental aid to strategic economic partnership] // Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей : [Japan in Asia: status and prospects of regional ties]. М.: ИВ РАН, 2014. С. 175–185.

43. Agreement between Japan and Mongolia for an Economic Partnership // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/c_m2/mn/page3e_000298.html (accessed: 05.08.2017).

44. Yomiuri Shimbun. 23.10.2015.

45. Yomiuri Shimbun. 26.10.2015.

46. Yomiuri Shimbun. 10.28.2015.

47. Japan-Mongolia Business Networking // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/en/jetro/topics/1407_topics6.html (accessed: 05.08.2017).

48. The Mongolia Trade and Investment Forum // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/en/jetro/topics/2016/1610_topics1.html (accessed: 05.08.2017).

49. Heisei nijyu:shichi nendo mongoru nitaisuru no:ryoku ko:tiku shien jigyou (shisetsu) : [FY 2014 Capacity Building Assistance Program to Mongolia (Provision of engineering training in Japan)] // MOD web-site. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/cap_build/mongolia/h270719.html (accessed: 03.07.2017).

50. Prime Minister Abe Visits Mongolia. October 24, 2015 // MOFA web-site. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/page3_001440.html (accessed: 03.07.2017).

51. Senryaku pa:tona:shippu no tame no Nihon Mongoru chu:ki ko:do: keikaku (2017–2021 nen) : [Japan-Mongolia Mid-term Action Plan for 2017–2021] // MOFA web-site. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000241980.pdf> (accessed: 04.07.2017).

52. Yomiuri Shimbun. 03.03.2017.

53. “Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia”. Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia Monday, June 5, 2017 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (accessed: 04.07.2017).

Received 30.08.2017

Author:

Malashevskaya Maria N., PhD (History), Senior Lecturer, Saint Petersburg State University.
E-mail: m.malashevskaya@spbu.ru, malashevskaya@gmail.com

Монголия в евразийской политике Японии (1997–2017)

М.Н. Малашевская

В статье прослеживается эволюция политики Японии в отношении Монголии в 1997–2017 гг. на основе анализа подходов премьер-министров Хасимото Рютаро, Коидзуми Дзюньитиро и Абэ Синдзо в сфере экономического и военно-политического сотрудничества двух стран в контексте евразийской политики Японии. Автор выдвигает тезис о том, что опыт японо-монгольских отношений в 1990-е–2010-е годы можно оценить в качестве примера имплементации механизмов «умной силы» в японской внешнеполитической стратегии.

Ключевые слова: японо-монгольские отношения, Абэ Синдзо, евразийская дипломатия, СВА, КНДР, «умная сила».

Поступила в редакцию 30.08.2017

Автор:

Малашевская Мария Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: m.malashevskaya@spbu.ru, malashevskaya@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**IX ежегодная конференция Ассоциации японоведов
«Япония в эпоху великих трансформаций»****А.А. Киреева**

22 декабря 2016 г. в МГИМО (У) МИД России состоялась IX ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония в эпоху великих трансформаций». На конференции, которая собрала ведущих российских и японских экспертов, дипломатов и учёных, прошло обсуждение современного состояния, проблем и перспектив отношений России и Японии, ключевых вопросов внутренней и внешней политики, экономики, общественного развития, истории и культуры Японии. Помимо этого в ходе конференции прошла презентация изданий по японоведческой тематике, подготовленных членами Ассоциации в 2016 году.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, история Японии, внешняя политика Японии, культура Японии, экономика Японии, общество Японии, Восточная Азия, МГИМО, Ассоциация японоведов.

22 декабря 2016 г. в МГИМО-Университете состоялась IX ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония в эпоху великих трансформаций». На конференции ведущие эксперты двух стран обсудили современное состояние, проблемы и перспективы отношений России и Японии, актуальные вопросы внутренней и внешней политики, экономики, общественного развития, истории и культуры Японии. В конференции приняли участие российские и японские дипломаты, эксперты, исследователи, преподаватели из большого количества вузов и научно-исследовательских институтов (Токийский университет, Университет Киото, Университет Хосэй, Университет Кобэ и другие японские вузы, МГИМО Университет, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, СПбГУ, Российский институт стратегических исследований, УрФУ, Институт стран СНГ, МГЛУ и другие). Работу конференции освещали российские и японские журналисты из новостных агентств NHK, Асахи симбун, Ёмиури симбун, Майнити симбун, Санкэй Симбун, Киодо цусин, Хоккайдо симбун и других.

С приветственным словом выступил председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения, д.и.н., профессор **Д.В. Стрельцов**. Он отметил важность проведения конференции в свете улучшения отношений России и Японии в 2016 г.

и необходимости изучения Японии в условиях сложной международно-политической обстановки. Почётный председатель Ассоциации японоведов **Ф.К. Шодиев**, возглавляющий Международный фонд Шодиева, который предоставляет поддержку научным исследованиям, в том числе и исследованиям по Японии, отметил востребованность высокопрофессиональной экспертизы по Японии, в особенности в условиях, когда к отношениям России и Японии приковано так много внимания. Согласно его оценке, Ассоциация японоведов вносит важный вклад в развитие японоведческой экспертизы. Посол Японии в РФ **Кодзуки Тоёхиса** также в положительном ключе отметил роль Ассоциации японоведов в развитии отношений двух стран. Он обратил внимание на произошедшие в текущем году позитивные изменения в отношениях двух стран, результаты встречи глав государств в декабре 2016 г. и необходимость заключения мирного договора, о который заявляли премьер-министр Японии Абэ Синдзо и президент РФ В.В. Путин. Свой вклад в развитие отношений России и Японии должны внести перекрёстный год культуры в 2018 г., о проведении которых договорились лидеры двух государств. Посол отметил, что сейчас в Японии наблюдается бум исследований о России. Член Совета Федерации Федерального собрания **В.В. Кондрашин** отметил необходимость выработки стратегии развития регионов России и Японии. Известный японский исследователь России, почётный профессор Токийского университета **Вада Харуки** отметил, что предложение о совместной экономической деятельности России и Японии на Курильских островах, которая основывалась бы на свободном доступе к островам, было выдвинуто исследователем около 30 лет назад, и он крайне рад, что оно получило своё воплощение на высшем уровне. Он призвал закрыть все негативные страницы истории и перейти к новой странице отношений.

На конференции прошла презентация книг Ассоциации японоведов, изданных в 2016 г. Это – ежегодник «Япония», учебник «Социально-экономическая география Японии», коллективная монография «Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие)» под ред. А.Н. Панова и Того Кадзухико, монография К.О. Саркисова «Россия и Япония: Сто лет отношений (1816–1917)», ежегодный сборник статей «Актуальные проблемы современной Японии», сборник статей «Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия», монография В.В. Кузьминкова «К истории территориального размежевания между Россией и Японией: японский взгляд». Кроме того, прошла презентация журнала «Японские исследования», основанного в 2016 г. (на тот момент в свет вышел третий выпуск). Журнал индексируется в РИНЦ и представляет собой первый журнал профессионального сообщества России по японоведческим исследованиям.

Пленарное заседание было посвящено российско-японским отношениям и приурочено к 60-летию подписания совместной декларации СССР и Японии 19 октября 1956 г. (модератор Д.В. Стрельцов) Заведующий кафедрой дипломатии, профессор МГИМО **А.Н. Панов** сделал доклад, в котором проанализировал итоги официального визита В.В. Путина в Японию в декабре 2016 г. и их оценки в контексте развития отношений двух стран. Профессор университета Хосэй **Симотомаи Нобуо** в своём выступлении осветил проблематику японо-российских отношений после смены власти в Вашингтоне. Выступление члена Совета Федерации Федерального собрания РФ **В.В. Кондрашина** было

посвящено современным российским и японским исследованиям аграрной истории России в XX в. **Такэгава Кадзухиро** из Общества «Япония – Россия» рассказал о том, что может Harpu Science сделать для процветания России. **Дзимму Сакурако** из Партии реализации счастья отметила, что может Партия реализации счастья сделать для японо-российских отношений. Доклад старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН **В.В. Кузьминкова** был посвящен оценкам Советско-японской совместной декларации 1956 г. в японской историографии. Руководитель Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН **В.О. Кистанов** в своём докладе проанализировал территориальную проблему российско-японских отношений в зеркале японской прессы. Выступление ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН **Е.Л. Катасоновой** было посвящено урегулированию проблемы японских военнопленных в рамках Совместной советско-японской декларации 1956 г. Заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий ИДВ РАН **О.И. Казаков** охарактеризовал различные оценки Совместной декларации СССР и Японии 1956 года в России. Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **В.А. Гринюк** в своём докладе проанализировал современную японскую историографию и публицистику о победе СССР во Второй мировой войне.

Работа конференции далее прошла по секциям: «Внутренняя и внешняя политика Японии» (модератор В.О. Кистанов), «Экономика и общество» (модератор И.П. Лебедева), «История и культура Японии» (модератор А.Н. Мещеряков). На секции «Внутренняя и внешняя политика Японии» были представлены следующие доклады: «Об историческом опыте системы монопольного правления Либерально-демократической партии (ЛДП)» – **Д.В. Стрельцов** (МГИМО Университет), «Российско-японское сотрудничество в рамках построения новой системы региональной безопасности» – **В.В. Евсеев** (Институт стран СНГ), «Перспективы японо-американского союза после президентских выборов в США» – **В.В. Нелидов** (МГИМО Университет), «Внешняя политика кабинета Синдзо Абэ в контексте соперничества ведущих государств АТР» – **Ю.А. Крячкина** (Центр Азии и Ближнего Востока РИСИ), «Политика Японии в отношении проблемы Южно-Китайского моря и трансформация японской стратегии в области безопасности» – **А.А. Киреева** (МГИМО Университет), «Япония в поисках региональной стабильности в XXI веке» – **Д.А. Милеев** (ИВ РАН), «Корейский полуостров в японской внешнеполитической повестке дня: итоги 2016 г.» – **Р.Н. Лобов** (ИДВ РАН), «Политика Японии в отношении Центральной Азии в 1990-е – 2010-е годы: основные цели и задачи» – **О.А. Добринская** (ИВ РАН), «Авария на АЭС «Фукусима» как фактор активизации политики Японии в зоне Персидского залива» – **Е.О. Кисеева** (УрФУ, Екатеринбург), «Геополитический аспект изменения японского законодательства в области обороны и безопасности» – **О.И. Боговкова** (ИДВ РАН), «Политика Японии в отношении России в к. 1980-1990-е годы: механизмы ведения переговоров» – **М.Н. Малашевская** (СПбГУ, Санкт-Петербург). На секции «Экономика и общество» были представлены следующие доклады: «Японское общество: от равенства к расслоению» – **И.П. Лебедева** (ИВ РАН), ««Абэномика» четыре года спустя: проблемы и перспективы» – **Д.В. Суслов** (Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск), «Конец обмена крабов на подержанные автомобили: качественные перемены в японо-российской торговле» – **А.В. Белов** (Университет префектуры Фукуи), «Японские инвесторы

в России. Уроки проекта Хиташи (2010–2015)» – **Р.З. Валиуллин** (компания ООО ВК, Москва), «Сравнение фактора «культурной осведомлённости» в экономическом успехе фильмов на японском и американском рынке кино» – **Г.Д. Паксютов** (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), «Типология префектур Японии по привлекательности для туристов» – **И.С. Тихоцкая, А.С. Стегнийенко** (МГУ им. М.В. Ломоносова), «Роль бизнес-сообщества в новом подходе Токио к российско-японским отношениям» – **Е.В. Полхова** (СПбГУ, Санкт-Петербург). Во время заседания секции «История и культура Японии» эксперты обсудили широкий круг вопросов, касающихся истории Японии, взаимодействия России и Японии, культурного развития Японии.

В завершение конференции прошла свободная дискуссия, на которой эксперты обсудили актуальные проблемы японоведения. Конференция вызвала большой интерес со стороны широкого круга общественных деятелей и экспертов, средств массовой информации. По итогам обсуждения было отмечено, что активная работа экспертного сообщества крайне необходима для поиска точек соприкосновения и улучшения отношений между двумя странами.

* * *

Дополнительную информацию о конференции, включая программу и тезисы выступлений, можно получить на сайте Ассоциации японоведов (URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=863&Itemid=51).

Поступила в редакцию 24.08.2017

Автор:

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

The 9th Annual International Conference of Association of Japanologists “Japan in the Epoch of Great Transformations”

A.A. Kireeva

The 9th Annual International Conference of the Association of Japanologists of Russia entitled “Japan in the Epoch of Great Transformations” took place on December 22, 2016 in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russian Federation. The conference hosted leading Russian and Japanese experts, diplomats and researchers who discussed the latest events, problems and prospects of Russia-Japan relations as well as the major issues and trends of Japan’s politics and foreign policy, economics and society, history and culture. In addition to that, a number of publications on Japan have been presented, conducted by the Association of Japanologists or by its individual members in 2016.

Keywords: Japan, Russia-Japan relations, history of Japan, foreign policy of Japan, culture of Japan, economics of Japan, Japanese society, East Asia, MGIMO, the Association of Japanologists of Russia.

Received 24.08.2017

Author:

Kireeva Anna A., PhD, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О книге «Повесть о братьях Сога. Сога моногатари»

М.С. Коляда

Повесть о братьях Сога. Сога моногатари. (Литературные памятники древней Японии, X) // Пер. с яп., вступ. ст., коммент. В.А. Онищенко. – СПб.: Гиперион, 2016. – 368 с. ISBN 978-5-89332-273-6

В 2016 г. вышел в свет перевод на русский язык одного из ярчайших памятников японского средневековья – «Повести о братьях Сога». Легенды о братьях Сога вдохновляли японских творцов веками, и потому «Повесть» по праву занимает значительное место в японской культуре как произведение цитируемое и переосмысливаемое неоднократно. Однако для исследователя-японоведа «Повесть» являет собою не только интересное литературное произведение, но и текст, предоставляющий обширные возможности для изучения паттернов японской культуры. Особенно важен этот первоисточник оказывается для любых попыток проследить эволюцию идеологии воинского сословия Японии.

Принадлежащая к ряду текстов жанра *гунки моногатари*, «Повесть», однако, несколько отличается от других своей тематикой: «Повесть о братьях Сога» нередко выделяют из общего ряда воинских повествований, отмечая, что в предыдущих *гунки* речь шла о

столкновениях сил, по-разному ориентированных политически, о столкновениях воинских кланов или социальных слоёв, о борьбе, в которую была вовлечена вся страна, а в “*Сога моногатари*” сюжет замыкается на личных отношениях, на мести двух братьев виновнику смерти их отца» [1, с. 249].

Согласно вступительной статье к переводу, старейший сохранившийся полный список «Повести» датируют 1546 г., старейший, от которого сохранился лишь первый свиток, – 1528 г. (с. 11), а В.Н. Горегляд, кроме того, указывает: «Известно, что “Повесть о братьях Сога” в десяти свитках уже существовала в начале эпохи Северной и Южной династий, т.е. к середине XIV века, и была, по общему признанию, создана монахами буддийского храмового комплекса Хаконэ» [1, с. 247].

Историко-культурные реалии, на фоне которых разворачивается действие «Повести», во вступительной статье к переводу кратко описывает В.А. Онищенко. Изображаемое время – эпоха, когда конфликт Тайра и Минамото подошёл к концу, и затем – правление Ёритомо, первого камакурского сёгуна. Хотя, по сути, первым человеком, который организовал воинское правление в Японии, был Тайра Киёмори, теперь происходящее принимает новый масштаб, меняются люди, меняются порядки. Отголоски ощущения «смены времён» звучат в речах героев, когда они отмечают, говоря о мести, основе сюжета «Повести», – что былому самоуправству воинов пришёл конец, и в «нынешние времена» нельзя безнаказанно покарать своего врага. Месть в японской культуре воспринималась не всегда одинаково и однозначно. Легальность таких поступков варьировалась в зависимости от эпохи и бытующей на тот момент государственной идеологии¹. В итоге именно месть послужила почвой для конфликта различных видов долга, жертвами которого и стали братья Сога.

Первопричиной кровавой истории послужил спор о наследстве между двумя господами самурайского рода, Ито-но Сукэтика и Кудо Сукэцунэ. Спорили господа о земле, и первоначально правда была на стороне Сукэцунэ, покойному отцу которого прежде принадлежало имение Ито. Однако Сукэтика, всю жизнь считавший себя обделённым, не собирался отдавать поместье племяннику, а в конце концов даже забрал у него жену, свою дочь. И Сукэцунэ, доведённый до отчаянья коварством Сукэтика, посчитал, что не сможет добиться своего законными методами, и решил дядю убить, все прошлые благодеяния позабыв.

Сукэцунэ призвал двух своих слуг, чтобы те лишили жизни его недруга. И вот убийцы стали выслеживать Сукэцунэ. В поместье Ито между тем устроили большую охоту. Здесь и появляется Кавадзу-но Сукэмити, отец братьев Сога, который описывается как замечательный воин: он «от рождения отличался сдержанностью, высказывался разумно и превзошёл прочих на пути овладения воинскими искусствами. Прекрасен лицом, статен телом, он лучше других преуспел в науках и искусствах» (с. 52–53). Он был так серьёзен, что

¹ Так, Икэгами Эйко рассматривает восприятие мести как одну из составляющих культуры чести, которую, в свою очередь, связывает с социальными и экономическими характеристиками самурайского класса, с типом отношений между господином и его вассалом и др., в конечном счёте получая эволюцию от дозволенности лично отплатить за обиды (возможности одной семьи мстить другой) к ситуации, когда обе стороны конфликта самураев одинаково несут наказание, а затем – к ещё более жёсткому сокращению права воинов самовольно сражаться друг с другом, вплоть до полного отрицания такого права в случае с самураями высокого ранга (см. [2, с. 201–203, 333]).

никто даже не решался пригласить его поучаствовать в борьбе и увеселениях, в которые господин Кавадзу весьма успешно включается, однако, когда один из борцов затронул честь *эбоси-оя* (человека, который надел на него шапку взрослого мужчины) Сукэмита. В этой же главе, когда дело чуть не дошло до кровопролития, появляется и Минамото-но Ёритомо, причём в качестве человека, обращающегося к божеству с просьбой о мире и прекращении беспорядка (с. 57)! В «Повести» образ Ёритомо вообще очень положительный, образ гаранта стабильности и благосостояния, но об этом немного подробнее скажем ниже. После охоты слуги Сукэцунэ делают попытку исполнить задуманное, и, хотя самого Ито у них убить не получается, его сын, Сукэмита, погибает, поражённый стрелой. У Сукэмита осталось два сына, Итиман и Хакоо (когда они повзрослеют, братьев будут называть Дзюро и Горо). Когда их мать в горе приказала отомстить убийце отца, Итиман, старший, запомнил это. И дальше, что бы ни говорили люди, даже мать, братья росли, думая о мести за отца. Сама же женщина, которую едва удалось отговорить от самоубийства, позже стала женой господина Сога, под фамилией которого и стали известны братья.

Хакоо мать отдала в монахи, однако он, думающий лишь о мести, спустя несколько лет избегает пострига и возвращается к брату. Мать расценивает это как нарушение долга по отношению к ней и к отцу, который, умерши от стрелы, находится «в мире асуров» (здесь речь идёт о том, что воины изначально являются людьми грешными из-за того, что следуют «Пути лука и стрел», и потому обречены страдать в мире вечных сражений). Теперь оба брата, ставшие воинами, начинают готовиться к реализации своих планов.

По характеру два главных героя весьма различаются. Дзюро – более доверчивый, более мягкий, Горо – более осмотрительный, решительный и мрачный, и он во многих моментах выступает будто старшим в их паре, что иногда специально обыгрывается в тексте, где мелкие детали указывают на несоответствие ролей братьев фактическому старшинству. Сосредоточенность на мести, кажется, отсекает Горо вообще какую-либо возможность к иному существованию.

Братья Сога пытались привлечь к своим планам других родственников, однако потерпели неудачу. Их единоутробный брат Кодзиро отказался участвовать в мести и подробно описал возможные процедуры положенных жалоб при нынешних порядках. Ёити, другой родич, вообще собирался донести на братьев в Камакура, но его отговаривают (примечательно, что узнавший об этом уже после смерти братьев Сога Ёритомо отнёсся к подобному проявлению «верноподданнического рвения» крайне неодобрительно). Оставшись только вдвоём, братья долго ищут удобного случая разделаться с врагом, и, в конце концов, решают тайком присоединиться к охоте Правителя.

Перед тем как отправиться на верную смерть, братья встретились с матерью, добились прощения для Горо, а потом, простившись в последний раз, написали ей письмо и отправились в сопровождении своих верных слуг исполнять задуманное.

Хотя у мстителей вроде бы и нет желания вредить непричастным людям, зарубив, наконец, своего врага – самым постыдным для него образом, застав в постели, а не в доспехах, – братья затевают битву и доблестно сражаются с самураями Ёритомо, которые оказались на редкость не готовы к подобному вторжению. Когда Дзюро погибает в битве, он просит брата рассказать Правителю обо всём (то есть всё-таки заботится о том, чтобы

Ёритомо, который, в конечном счёте, является и господином братьев Сога тоже, правильно понял их мотивы, хочет оставить своё имя чистым). Следуя желанию старшего брата, Горо пытается пробиться к Правителю и попадает в плен. Ёритомо допрашивает преступника и, впечатлённый его искренностью и твёрдостью, хочет помиловать, отмечая, что Горо – образец доблестного воина. Однако, поскольку у убитого Сукэцунэ остались сыновья, решено было казнить пленника, чтобы положить конец кровавой вражде. Ёритомо также формулирует свою позицию относительно мести: пусть он и не может не уважать проявленную доблесть и своеобразную обоснованность содеянного братьями Сога, «если и впредь следовать правилу награждать того, кто убил своего врага, то потом бесчинствам не будет конца» (с. 312).

Десятый свиток данного варианта «Повести» посвящён судьбе других героев после смерти братьев. Большая часть из них так или иначе приняли постриг. А затем обрели перерождение в Чистой Земле, как мать братьев или Тора, которая удалилась от мира и способствовала спасению многих людей.

С литературной точки зрения, «Повесть», на наш взгляд, отличается тонким психологизмом, понятным даже читателю совсем иной эпохи, человеку, которого взрастила совсем иная культура. Что касается композиции произведения, повествование здесь, подобно греческим трагедиям, рассчитано на то, что читатель заранее знает рассказываемую историю², заранее переживает ощущение неотвратимости печального конца и грустит об этом, да ещё для усиления эффекта в тексте периодически об этом конце напоминает («как жаль, что братьев все-таки убили потом!»).

Сходство с греческой трагедией этим не ограничивается. Подобно героям трагедий, братья Сога оказываются в ситуации, благополучного выхода из которой для них просто нет, причём поставлены в такое положение не по собственной воле и не в результате собственных поступков. Для них «нормальная» жизнь, в общем-то, невозможна изначально: месть по умолчанию ведёт их к смерти, а неисполнение мести – к потере самих себя, потому что означает нарушение их собственного понимания чести и должной жизни. Братья – пленники системы «долга», разные виды которого конфликтуют между собой. Прежде всего здесь сталкивается долг перед господином и долг перед родителями. Долг перед господином, в реальной жизни (и особенно на ранних стадиях развития самурайской идеологии) гораздо более корыстно обоснованный (долг всегда был обоюдным: слуга должен господину, но и господин имеет определённые обязательства по отношению к слуге) и вообще нередко воинами игнорируемый, насколько бы пластичным понятием ни был, в описываемое в «Повести» время совершенно чётко предполагал подчинение сёгуну и следование установленным им законам, которые не одобряли личную месть. Однако долг перед отцом, как его понимают братья Сога, требовал от них отмщения его убийце, который оставался безнаказанным и недостижимым для закона. Два вида долга оказываются прямо противоречащими друг другу.

² Возможно также, что такое построение произведения объясняется происхождением *гунки моногатари*, их связью с традицией *бива-хоси* (как в случае, когда первичен устный вариант, так и в обратном) и даже текстами жанра *сэцува* (об истоках жанра см., например, [3]). Сюжет «*Сога моногатари*», предположительно, сначала бытовал в виде устных рассказов (с. 11).

С другой стороны, есть долг братьев перед господином Сога, который их вырастил и воспитал, и этот долг тоже несовместим с мстостью, потому что противозаконный поступок братьев должен был повлечь за собой неприятные последствия и для некогда взявшего их под свою ответственность отчима. Мать, ещё в детстве увещевая братьев отказаться от их замысла, указывает им на это и говорит: «...даже птицы и звери ведают, что такое благодарность» (с. 137). Кроме того, есть ещё великий долг братьев перед матерью, который они не смогут исполнить, если погибнут: они должны заботиться о матери в старости, молиться о её благой посмертной участи, о которой никто не позаботится в случае смерти детей, да и просто грешно причинять ей страдания своей гибелью. В итоге Горо и Дзюро приходится выбирать между различными видами долга, которые непримиримы между собой и практически равнозначны, и потому полностью благополучный исход для братьев невозможен.

Нужно отметить, что выбор братьев не самоочевиден, они предпочли долг перед отцом, но в литературе встречались и случаи, когда на первое место ставили долг перед господином, например, знаменитая история сорока семи ронинов. Своего рода образец верности господину есть и в самой «Повести»: слуги братьев, Тандзабуро и Ониомару, выражают желание умереть вместе с господами, а затем, согласно желанию братьев Сога, оставшись в живых ради исполнения их поручения, принимают постриг.

Даже сам Правитель понимает, в какой ситуации оказались братья. Ёритомо предстаёт в образе мудрого повелителя, который, вроде бы, будучи благородным воином, сочувствует доблестным братьям, но в то же время не может преступить собственный закон. Ёритомо, прежде всего, ставит перед собой цель замирения страны, печётся о том, чтобы везде был порядок. Благодаря мощи Ёритомо «молодые воины утишили свои сердца, стихли свары по державным и личным делам, и не было никого, кто бы ему не подчинился» (с. 35). Ёритомо описывается набожным правителем, но, кроме того, ещё справедливым и даже милосердным: так, он казнит преступника Горо, но затем заботится о судьбе родственников братьев Сога. С другой стороны, читатель видит Ёритомо ещё до его победы как некоего печального героя, Ёритомо как семьянина, в его отношении к любимым женщинам и ребёнку, что делает этот образ более «человечным». К тому же сёгун изображается человеком чутким – он выдаёт награду за стихи, ценит хорошую поэзию и сам при случае может сложить подходящую песню. Таким и полагается быть идеальному воину в «Повести» (и главные герои тоже не раз выражают свои чувства в стихах). В эпизоде, когда друзья братьев отговаривают подлеца Ёити доносить о замыслах мстителей, один из них говорит: «Хорошим воином называют такого, который способен глубоко сопереживать» (с. 196). Потому неудивительно, сколь часто суровые воины «отжимают мокрые от слез рукава».

Отдельного упоминания заслуживают женские образы в «Повести». Ярких женщин здесь три: Масако, жена Уцуномия и Тора, возлюбленная Дзюро. Масако описывается как во всём выдающаяся женщина, бесконечно преданная Ёритомо, набожная и мудрая, а кроме того, мужеством сравнимая с мужчинами. Есть в третьем свитке следующая формулировка: «Наверное, поэтому (благодаря истовым молитвам. – М.К.) после смерти Камакурского правителя, как член его семьи, госпожа Второго ранга разбила столичную армию в смуту годов Дзёкю. Несмотря на то, что она была женщиной, тверда была в вере она, и, наверное, потому тут же было воздано ей. Когда в Танскую страну повезли “Повесть о доме Тайра”,

а вместе с ней и “Повесть о братьях Сога”, жители Танской страны, прочитав об этом, восхищались: “Мала страна Япония, а есть в ней такие женщины!”» (с. 116–117). Масако здесь фактически признается самостоятельным политическим деятелем, полководцем. Жена Уцуномия – ещё один пример замечательной во всех отношениях женщины, двадцатитрехлетняя дама, которая по распоряжению своего мужа организовала постройку целого поселения к приезду Ёритомо. История Торы не уступает в романтичности истории любви Масако и Ёритомо. Тора была «разрушительницей крепостей» – куртизанкой, а в семнадцать лет встретив Сога Дзюро, с тех пор всегда оставалась ему верна. Дзюро поделился с нею планом мести, и женщина его по-своему поддержала, а после смерти любимого стала монахиней и посвятила всю свою жизнь молитвам за него. Особенно примечательный эпизод среди историй странствований Торы рассказывает о том, как, уже будучи монахиней, она повстречала жену Отоная, воина, которого убили братья Сога, исполняя свою месть (с. 346–347). Подвижницы прониклись сочувствием друг к другу и совершили совместное паломничество, не испытывая неприязни, будто там, где мужчины ссорились и развязали кровавую трагедию, – женщины пришли к миру и прощению.

Этим, безусловно, не исчерпываются моменты, которые могут быть интересны как для читателя-японоведа, так и для любого ценителя старинной литературы. Можно рассматривать произведение как материал для изучения моделей японской культуры, тех или иных воззрений описываемой эпохи, источник многослойный и многообещающий. И, с другой стороны: яркие герои, тонкость описания их душевных терзаний, красивый язык повествования, трагическая безвыходность положения действующих лиц и мужество, с которым они эти события встречают, – оценив всё это, легко понять, почему «Повесть о братьях Сога» по праву занимает своё место шедевра, отзвуки влияния которого можно обнаружить в японской культуре не одно столетие спустя.

Библиографический список

1. Горегляд В.Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 400 с.
2. *Ikegami Eiko*. The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 428 p.
3. *Steenstrup Carl*. Notes on the Gunki or Military Tales: Contributions to the Study of the Impact of War on Folk Literature in Premodern Japan // Comparative Civilizations Review. 1980. Vol. 4: No. 4. P. 1–28. URL: <http://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=ccr> (дата обращения: 03.08.2017).

Поступила в редакцию 03.08.2017

Автор:

Коляда Мария Сергеевна, аспирантка философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: warriormary@yandex.ru

On the Narrative “The Tale of the Soga Brothers”

M.S. Kolyada

Received 03.08.2017

Author:

Kolyada Maria S., Postgraduate, Lomonosov Moscow State University. E-mail: warriormary@yandex.ru

О книге «Собрание песка и камней»

А.Н. Мещеряков

Собрание песка и камней. Том 1. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Том 2. Исследование. Указатели. Приложение. Перевод и исследование Н.Н. Трубниковой. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656, 288 с. (Серия «Книга света»). ISBN 978-5-98712-642-4

Перед читателем предстаёт очень важный текст японского средневековья. В это время буддизм получил в Японии широчайшее распространение. Буддизм служил основой того, что принято называть «официальной идеологией», а для множества японцев он был руководством в частной жизни, руководством к спасению. Почти без преувеличения можно сказать, что в период Камакура не существовало не-буддийских текстов: поэзия и проза этого времени буквально пропитаны буддийскими идеями, реминисценциями, эмоциями.

Помимо канонических сутр и шаштр, японцы читали и те тексты, которые были написаны в их собственной стране – трактаты, комментарии, жития. В этом мощном текстовом потоке особое место занимают сочинения, которые проповедник адресовал непосредственно своей пастве. Они использовались как материал для устных проповедей, а набожные миряне читали их и «про себя». Такие сочинения получили обобщённое название «литературы буддийских устных рассказов» (*буккё сэцува бунгаку*).

Каждое произведение этого жанра состоит из ряда коротких назидательных рассказов. Их структура не отличается разнообразием: в начале приводится какой-то примечательный случай, затем следует мораль или рассуждение автора. Первый из таких сборников был составлен ещё на рубеже VIII–IX века и называется «Нихон рёики» («Японские легенды о чудесах»). Затем подобных сборников было написано весьма много. Таким образом, за монахом Мудзю Итиэн (1226–1312), автором «Собрания песка и камней» («Сясэкисю»), стояла длительная традиция. Источникам, с которыми был знаком автор «Сясэкисю», посвящена отдельная статья в исследовательском томе рецензируемой книги. Что до самого названия памятника, то Мудзю так объясняет его: «Когда хотят добыть золото, собирают песок и промывают его. Когда желают получить драгоценность, выбирают камень и шлифуют. Потому моя книга и называется: «Собрание песка и камней». Всего в ней десять свитков, а глав больше сотни».

Мудзю был неординарным человеком, а его произведение прожило долгую жизнь, оно было всё время на слуху, оно не забывалось, его не пришлось открывать заново. Секрет популярности заключается и в занимательности рассказов, и в веротерпимости автора, которая позволяет ему апеллировать не только к последователям дзэн (школа, к которой он сам формально принадлежал), но и к адептам других ветвей японского буддизма. Среди его героев мы обнаруживаем самых разных людей: монахов, синтоистских жрецов, отшельников, чиновников, самураев, простолюдинов, острословов, мудрецов, глупцов, поэтов... Эти люди попадают в разные ситуации, ведут разные разговоры, но среди серьёзных рассуждений находят место и для шутки.

Мудзю много ходил по стране, встречал многих людей с непохожими судьбами. Он признаёт разность этих людей и разность путей, которые ведут к спасению. Мудзю полагал, что каждый заблуждается на свой лад, а потому не может быть одного способа изложить Учение. Поэтому-то следует прибегать к «уловкам» – то есть таким дидактическим приёмам, которые в полной мере учитывают личный опыт и уровень образования человека, к которому обращена проповедь. Сочинение Мудзю – тоже уловка: его герои ищут и обретают путь к спасению каждый по-своему. Но это не уловка-обман, а мудрое понимание людской натуры.

Рецензируемая книга сделана образцово. Хороший, ясный русский язык самого перевода, подробнейший комментарий, замечательная исследовательская статья, множество

толковых приложений. Всё вместе это ликвидирует излишний налет эзотеричности, который мы частенько встречаем в переводах и исследованиях по буддизму. Словом, внимательный читатель получил прекрасную книгу «для долгого чтения». Дочитав её до конца, он значительно обогатит свои представления как о буддизме, так и о самих японцах.

Как-то так получилось, что отечественная японистика мало занималась временем первых двух сёгунатов. Если древность и время, начиная с сёгуната Токугава, «закрыты» у нас хоть сколько-то удовлетворительно, то эпохи Камакура и Муромати представлены в российской науке явно неполно. Так что перевод и исследование Н.Н. Трубниковой явились к месту и ко времени. Это труд действительно пионерский – в западной японистике полный перевод «Сясэкисю» отсутствует.

Поступила в редакцию 08.09.2017

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@yahoo.com

On the Book “Collection of Sand and Stones”

A.N. Meshcheryakov

Received 08.09.2017

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtorop@yahoo.com

Научное издание

Японские исследования
№ 3, 2017

Редактор русских текстов:	Е.В. Белилина
Редактор английских текстов:	Л.В. Овчинникова
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Корректор:	М.А. Кириченко
Работа с сайтом:	О.И. Казаков
Дата публикации:	29.09.2017

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых
ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов,
размещаются в электронных библиотеках со свободным доступом,
находящихся на сайтах данных организаций:
www.ifes-ras.ru и www.japanstudies.ru

www.ifes-ras.ru/js

日本研究